

Дипломат

Глава 1

В пиршественной зале замка Ронуалдо Щедрого в столице Игении – его маленького затерянного в Эльтийских горах королевства – было много всего. Много народа, много разговоров, много бочонков с вином, много разнообразных блюд и множество столов, сдвинутых вместе наподобие огромной загогулины.

Да, не зря короля Ронуалдо прозвали Щедрым, в этот вечер я в полной мере оценил его хлебосольность.

Конечно, я-то сидел в самом конце «загогулины» (а далеко не рядом с родовитыми графами и герцогами), как и подобает скромному страннику, но зато ел то же самое, что и сиятельные графы и герцоги – так в чем же разница? Наоборот, на моем месте даже лучше – потому что не мозолю глаза.

Я и попал-то сюда благодаря доброй душе кухарки, подсказавший, что раз в год, в праздник начала весны в первую субботу марта, король закатывает большой праздник в честь своей королевы Эльвины, и длится он ровно три дня. А на третий день в замок возможно попасть даже беднякам и путешественникам, при условии, что они заранее займут очередь и отстоят необходимое время.

Очередь я, правда, не занимал и стоять в ней времени у меня не было, однако добрые бедняки согласились меня пропустить – без особой охоты, но зато и без ущерба для себя. Дело даже ни разу не дошло до свалки, пока я обходил длиннющую очередь – возможно, люди что-то понимали по моим глазам. Некоторые вообще заранее догадываются, что со мной лучше не связываться – к счастью для себя.

От этих мыслей меня отвлек новый менестрель, вскарабкавшийся на возвышение в центре зала. Да, добродушие короля Ронуалдо простиралось и на то, чтобы позволять выступать новым и незнакомым певцам и сказителям (может, даже откровенно бездарным) на третий, завершающий день праздника.

Этот новый менестрель был маленький и щуплый – форменный недомерок – а главное, выглядел крайне неуверенным в себе. Он стоял, опустив руки и повесив голову, а его лютня болталась на его плече как бы отдельно от него, будто он и не собирался ее

задействовать и вообще выступить. Даже я, уж насколько далек от сцены, и то понимаю: на нее можно выйти без чего угодно, даже без инструмента и голоса – но только не без уверенности в себе.

Это явно был дилетант, новичок, самый странный трубадур из всех виденных мною раньше. Даже удивительно, что могло побудить его выступить. Уж не погоня же за скромной славой скомороха, в самом деле? Как убого он ни выглядел, наверняка все же отдавал отчет в своих способностях, а точнее, в их отсутствии!

В общем, как ни крути – загадка. А мне по роду занятий приходилось обращать внимание на разные необычайные происшествия и загадки. И вдобавок странный какой-то у него был музыкальный инструмент. Я мог бы понять арфу, лютню или даже трубу в руках у бродячего трубадура, но эта нелепая кривоватая трехструнка как-то выбивалась из логического ряда. На самом же менестреле были широкие темные штаны (непонятного покроя и смутно напоминавшие шаровары), оригинального цвета (оранжевого!) жилетка, из-под которой выглядывала светлая нижняя туника-камиза, кажется, даже льняная, а на плечах болталась какая-то пестрая накидка, похожая на плащ-нарамник. На его шею был намотан длинный и широкий пестро – полосатый шарф. Что сразу бы выдало его с головой, вздумай он податься в шпионы – если, конечно, он действовал не так же, как я со своим горбом. То есть для одного-двух появлений это бы прошло, даже отвлекло бы внимание от черт лица. Ну а в дальнейшем его запросто могли бы изловить за этот самый шарф, и тогда он мог бы послужить вдобавок ко всему и удавкой.

И, в общем, всё это вкупе с цветастой шапкой создавало почти полноценный наряд шута. Ему бы еще красные сапоги-ботты вместо этих крестьянских башмаков, подвязанных к ноге шнурками, – и образ был бы завершен! В Славии одежды ярких цветов носили или знатные дворяне, или уличные паяцы, а люди простого сословия надевали одежду в основном серых, черных, коричневых тонов, однако здесь эти условности, как я успел заметить, не соблюдались.

А из-за стола между тем уже послышались недовольные окрики:

– Начнешь ты когда-нибудь или нет?

– Или начинай, или вали!

– Не мозоль глаза, если не собираешься петь!

Последнюю фразу заглушили начавшие бить городские башенные часы, и с последним, шестым ударом молчаливый трубадур вдруг преобразился.

Это преобразование стало таким внезапным, что я подумал даже: не другой ли человек его украдкой заменил? Двойник, но более смелый, высокий и голосистый – судя по тому, как выпрямилась спина неказистого трубадура и загорелись его глаза.

И не только меня это превращение поразило – гости отвлекались даже от своих сочных кусков баранины, крольчатины и индюшатины, поворачивая головы к менестрелю. И тогда он запел – ни за что бы не подумал, увидев его несколько минут назад, как глубоко и звонко зазвучит его голос. Этот голос с легкостью заглушал все разговоры в зале, так что они постепенно и стихли.

Первой для исполнения менестрель выбрал незнакомую мне песню, и с первых же строк я почувствовал в ней некое послание. То есть написана она была явно не только ради развлечения, а такие вещи очень хорошо ощущаются. Мною, по крайней мере.

Некоторые строчки даже против воли врезались в память:

Пускай проходят века;

По небу едет река

И всем, кто открывает глаза,

Из лодочки машет рука.

Пускай на сердце разброд,

Но всем, кто хочет и ждет,

Достаточно бросить играть —

И сердце с улыбкой поет...

И дальше что-то про Гертруду – какие-то настойчивые советы не пить вина. Довольно странный выбор репертуара, если учесть, что находимся-то мы в пиршественной зале.

Однако трубадур исполнил ее так проникновенно, словно дело было вовсе не в вине – и поэтому ни у кого не возникло вопросов.

Даже, наоборот, после этой довольно короткой баллады со всех сторон раздались голоса: пой еще! И он завел снова – уже известную мне «Балладу о деве», а потом третью – в честь хозяйки замка королевы Эльвины. И четвертую – в честь юной принцессы Дорофеи, славившейся необыкновенной красотой не только в этом крохотном горном королевстве, граничившим с нашей державой, но уже и за его пределами (правда, сегодня принцесса сидела, закутав нижнюю часть лица в узорную шаль, и выглядела растерянной и печальной).

А трубадур запевал снова и снова, подыгрывая себе на своей диковинной трехструнке.

Правда, через некоторое время я стал замечать, что его голос как будто выдыхается, слабеет, и эффект начал рассеиваться.

Через час, окончательно выдохнувшись, менестрель пошел со своей яркой шапкой вокруг вытянутого стола – и на этот раз знатные лорды не скупились. Даже я, слегка смущаясь, бросил ему мелкую монету – крупные мне сейчас предстояло экономить, если хочу добраться до места до наступления зимы.

Когда все снова вернулись к своей баранине, политическим разговорам и скабрёзным шуткам, я подошел к менестрелю – любопытство пересилило даже мое правило держаться подальше от тунеядцев и представителей свободных профессий.

– А что это за трехструнка? – спросил я.

– Что? – Он обернулся, отвлекшись от переключивания монет из шапки в кожаный поясной кошелек, контрастирующий с его опрятной и починенной, но явно не новой и не богатой одеждой. Его рыжеватые волосы растрепались, и он был словно все еще в центре зала, в центре внимания, в лучах признания и одобрения.

– Моя? – Он перевел взгляд на свой инструмент. «Ну не моя же», – чуть не ляпнул я, однако вовремя прикусил язык. Сейчас и здесь моя личина – вежливость, поэтому я просто сдержанно кивнул.

– А, это мне один друг в нашей деревне сделал, – охотно сообщил трубадур. – Я назвал ее «балалайка».

В первый раз слышу такое чудное название. Хотя какая разница – мне-то что. Этот первый вопрос просто призван был завязать разговор.

– А как тебе это удалось? – продолжил расспрос я.

– Что? – снова не понял трубадур. Да, кем бы он ни был, а сообразительность явно не его конек. Или это такая хитрость, чтобы потянуть время и придумать правдоподобный ответ? По крайней мере сам я часто так поступаю, когда приходится отвечать на нежелательные вопросы.

– Я имею в виду песни. – Я постарался изобразить самую благожелательную заинтересованность. – У тебя же не было голоса – а ты вдруг запел. А потом опять не стало. Как ты это провернул, а? Фокус, что ли, какой? Усилитель голоса?

– Тише, – его глаза вдруг расширились, хотя я не сказал ровно ничего крамольного. При дворе Ронуальдо Щедрого позволялись также и фокусы, и мастерство иллюзии и даже гипноза. Трубадур, однако, с беспокойством оглянулся, словно проверяя, не услышал ли нас кто еще. Я вдруг заметил, что его глаза как будто разных оттенков: один просто зеленый, а другой – темно-зеленый.

– В чем дело? – удивился я, однако менестрель продолжал беспокойно вертеть головой. Вопреки его опасениям, нас никто не слышал: шум разговоров и гогот смеха в пиршественной зале лишь нарастали.

– В основном никто не отмечает момент усиления, – проговорил он одними губами (я бы, может, и не понял, если бы не был обучен мастерству чтения по губам), и задумавшись о чем-то, тряхнул головой, – ладно. Если хочешь узнать, поговорим не здесь.

– А где? – с подозрением спросил я. Еще не хватало влипнуть в какую-нибудь историю, угодив в западню. Конечно, даже если против меня встанут хоть пять грабителей с большой дороги, им несдобровать, но сейчас мне не стоит привлекать внимание. Да и не только сейчас, а вообще.

– Сначала скажи свое имя? – Он вопросительно вскинул рыжие брови. Хотя мы разговаривали на международном славском, у менестреля был какой-то явно чужеродный акцент. Однако как я ни прислушивался к его диковинной манере растягивать некоторые слоги, а другие, наоборот, ужимать до невозможности, я не сумел определить, откуда может происходить этот говор. Староигенийский, быть может? Нет, у них больше гортанных звуков в речи.

Или акцент пещерного народа? Хотя я никогда не слышал их вживую, по слухам, они говорят на редкость певуче, будто и правда поют.

Или это последствие ремесла трубадура, вынужденного постоянно тянуть гласные?

Так как я промолчал в ответ на его вопрос об имени, он открыл свое:

– Меня прозвали Финиксом, но можно Фикс или Фин.

– Мое имя – Лерой, – решил все же представиться я, чтобы не вызывать лишних подозрений. На самом деле это было одним из многих, не самых ходовых моих прозвищ, в этих краях его точно никто еще не слышал, и поэтому я мог представляться так без опаски. Для подобных случаев и существуют прозвища – всегда ведь выглядит подозрительно, если человек вообще никак не представляется. Вот и прозвища Фикс и даже Финикс наверняка подставные – какие же родители назовут свое чадо подобным образом? Ну да меня это нисколько не интересовало, и если бы не отменная память, я бы забыл эту ненужную информацию уже через пять минут.

Кстати, в названном мною сейчас прозвище крылось даже некое подобие иронии – пожалуй, никто в целом мире не был так далек от королевского величия, как я. Хотя, казалось бы, на службе у королевского дядюшки... но я-то себя знаю.

На самом деле я никто и звать меня никак. Пустое место, ноль, даже минус, потому что в основном зарабатываю на хлеб тем, что вычитаю. Все подряд: проблемы, жизни... Но это уже не парадная часть, а, как говорится, правда жизни, не предназначенная для посторонних.

Может, мы выбираем себе прозвища из неосознанного стремления получить то, что недостает? Надо будет обдумать эту мысль на досуге.

Главное, как бы ненароком себя не выдать...

– А я направляюсь, – продолжал Фикс, решив, видимо, что раз уж я назвал свое имя, то ничего плохого замышлять не могу, – к друзьям в деревню. Отсюда, правда, еще не близко до их жилища...

- Эй, трубадур, смотри шапку не урони! – окликнул его один из знатных гостей Ронуалдо, и тут Фикс совершил свою главную ошибку – повернулся ко мне спиной.

Он, понятное дело, и знать не знал об остроте моего зрения, но когда ты являешься заговорщиком, подобная беспечность (я бы даже сказал, расхлябанность) недопустима. А он был именно что заговорщиком – по крайней мере об этом говорила татуировка на его шее, почти скрытая волосами и для невнимательного взгляда неразличимая. Про себя я называл ее клеймом, а сами они прозвали «меткой» – но не суть, термины не играют особой роли.

Они опасные заговорщики, объяснил мне дядя Руди. Он был старый интриган и плут, но дело свое знал хорошо – дело по охране королевства от бунтовщиков. И кажется, он ведал, с помощью своих доносителей, обо всем, что творилось в нашей Славии и даже за ее пределами.

Опасные заговорщики – больше я не знал об этом тайном обществе ничего. Да мне в принципе ничего больше знать и не требовалось. Руди был помимо прочего и довольно щедр на этот раз, но стало бы ошибкой думать, что я действовал лишь из корыстных побуждений.

Целью моей тайной службы было предотвратить большую кровь ценой малой, и может, именно для этого я и появился на свет. Кто-то же должен заниматься грязной и ненавидимой всеми работой, для того чтобы другие подданные короля не пачкали рук и, главное, оставались бы живы.

«Специальный посланник», «порученец» или даже просто «дипломат» – вот как полуофициально называлась моя должность. Мне и правда порой поручали решать самые щекотливые вопросы, в которых без дипломатического умения – никуда.

В секретных бумагах дядюшки Руди я так и проходил под этим прозвищем «Дипломат», без всякого другого наименования. Ну что же, дипломат – это было, пожалуй, даже красиво. По крайней мере хоть отчасти прикрывало ту грязь, в которой мне приходилось копошиться большую часть моего рабочего и даже свободного времени. Я вообще заметил, что слова обладают сильным маскирующим эффектом, но и они тоже не всемогущи и не способны полностью закрасить неприглядную суть.

А вся моя суть заключалась в одном-единственном коротком слове – «наемник». Или, если угодно подлиннее, «наемник высокого уровня». Соответственно и задачи мне поручались из разряда трудновыполнимых (невыполнимых для большинства, если сказать без ложной скромности). И последней задачей стало изловить и обезвредить верхушку тайного общества, чьи представители баловались татуировками с изображением языков огня.

Да, а этот чудак-менестрель может оказаться полезным и привести меня прямо к своим нанимателям (едва ли он играет у них большую роль – скорее мелкая сошка, – но главное, знает местоположение их убежища)! И значит, сообразил я мгновенно, нужно втереться к нему в доверие и вызвать на откровенный разговор, постаравшись выведать как можно больше про таинственного главаря шайки Сирила и всю его бесчестную компанию.

Если я отправлюсь в путь с менестрелем, это существенно сократит мне дорогу до логова заговорщиков – а уж когда я их разыщу, ничто не помешает дяде Руди выкурить их из логова, как бы защищено оно ни было. Слухи про этот орден (или, как говорил канцлер, шайку заговорщиков) доходили до столицы и самого Руди весьма смутными и ослабевшими, что само по себе было странно, с учетом того, сколько шпионов на него работало. Только по этому делу наверняка не меньше дюжины!

А главное, что так взволновало и насторожило канцлера – никто из них не мог даже предположительно указать, где территориально расположен этот орден, в каком доме или домах укрываются главари шайки. Да что там – даже город или ближайшее поселение не могли толком назвать! Словно этих заговорщиков охраняла какая-то неведомая и сильная магия, делая незаметными и невидимыми для шпионов и зевак. Поэтому, видимо, и решил дядя Руди в конце концов поручить это дело мне как специалисту высокого класса, не имеющему пока ни одного провала.

Почему не имеющего? Да потому, в основном, что я горбун, урод, и во многом это облегчает мою работу. Ну кто, скажите, заподозрит в несчастном калеке шпиона?

Собственно, именно на это, а не на какие-то мои исключительные достоинства и был расчет верховного канцлера (и дяди нашего юного короля) герцога Рудольфа Хадринского.

Канцлер давно уже вышколил меня называть его дядя Руди – это чтобы в экстренной ситуации, как объяснял он, я не сорвался и не выдал свое знакомство со столь влиятельным человеком.

Существует распространенное мнение, что шпион должен быть как можно незаметнее, без запоминающихся внешних отличий. По большому счету это мнение верно, особенно если шпиону приходится длительное время проводить в одном месте – месяцы или даже годы. Мои же задания скорее можно назвать стремительными и молниеносными, по принципу наскока. И так как выбирать в моем случае все равно не приходилось, я сумел приспособить свой внешний недостаток к обстоятельствам.

А именно – старался не мозолить людям глаза и не появляться в одном месте больше двух-трех раз. Если же эти самые обстоятельства требовали задержаться на месте на сколько-нибудь долгий срок, я нанимал кого-то из прислуги, мальчишек или же местных бездельников, которые становились моими «ушами» и «глазами». В самом деле, не обязательно же при всем присутствовать лично!

А теперь, после разговора со странным менестрелем я решил сократить свое пребывание в замке Ронуалдо в связи с новыми открывшимися обстоятельствами дела и увязаться вслед за трубадуром, раз уж он направляется в ту самую «деревню» к друзьям-заговорщикам.

В любом случае на обратной дороге я смогу снова заехать в этот замок, чтобы довести до конца маленькое «игенийское» задание и закончить для дяди Руди отчет. А пока предстоит взяться за самое что ни на есть серьезное поручение... Я ведь уже упоминал про высокий уровень своего профессионализма? Ну а чем виртуоз отличается от ремесленника?

Правильно, умением импровизировать. Вот и сейчас я с ходу симпровизировал и рассудил, что дело о заговорщиках намного важнее для Славии, чем даже вопрос с принцессой Дорофеей. И решил лично проследить за заговорщиком-менестрелем.

Ведь если хочешь подсечь крупную рыбку – поймай рыбешку помельче, этот закон рыбака никогда еще меня не подводил.

Глава 2

– Ты хочешь пойти со мной? – Трубадур удивленно на меня уставился.

– Если ты не возражаешь, – с нажимом ответил я. – Я как раз хотел прогуляться до вашей деревни.

- А я разве сказал, в какую деревню иду?

Нет, как раз об этом Фикс еще не упомянул. Хотя пили мы уже добрых полвечера в местной городской пивнушке, куда зашли вроде как выпить за знакомство и отметить его успех в замке Ронуалдо. Пора бы уже его языку и развязаться (на меня пиво почти не действовало – до определенной дозы, которую я никогда на службе не переступал).

- Нет, – признал я, – но я был бы сейчас не прочь развеяться. – Ладно, раз спиртное пока не действует, есть еще одно верное средство вызвать на откровенность – рассказать нечто откровенное про себя. *Как бы* откровенное. – Дело в том, что у меня недавно случилась печаль... – Я выждал многозначительную паузу.

- Какая? – предсказуемо заинтересовался Фикс.

- Какой смысл рассказывать человеку постороннему, – по-прежнему театрально вздохнул я. – Вот с попутчиком, может быть, и поделился.

- Ну если это тебе так нужно, - неуверенно отозвался трубадур, – что ж, я-то не против...

- Вот и отлично, - заключил я, не давая ему продолжить мысль.

- Ну давай тогда, – повеселел Фикс, будто испытал облегчение от того, что решение приняли за него, – выкладывай!

Ах да, откровенность. С откровенностью-то у меня как раз туговато, но надо ведь что-нибудь сочинить.

– Меня проклинали, когда я только родился, – выпалил я под порывом вдохновения (правду нельзя знать никому и никогда, кроме дяди Руди). – Старая цыганка сказала, когда мне исполнилось тринадцать. Именно поэтому родители от меня и отказались, отдали бродячей банде.

– Откуда ты знаешь, может, тебя украли? – Интересно, что Фикс почти не запинаясь – видать, тоже довольно стойко переносил опьянение. – Неужели показания цыганки тебя полностью убедили? И что еще за проклятие, которое она в тебе расшифровала?

Ага, пиво все же подействовало – он вдруг начал использовать какие-то диковинные слова. Но зато вопрос задал на редкость верный. Я ощутил ставшую уже привычной тоску и ответил почти с абсолютной серьезностью:

– Я почти лишен обычных человеческих чувств – тех, что испытывают все люди. Я много читал и примерно представляю, что они могут испытывать. Но сам я никогда не был одним из них. Внутри я как зверь – живу, повинуюсь лишь инстинктам. Поэтому всем будет лучше, если люди станут держаться от меня подальше.

Его глаза расширились, и я тут же пожалел, что в целях достоверности зашел так далеко и выложил часть своей неприглядной уродской тайны. Но что делать – я ведь и был уродом.

А об этом рано или поздно все догадываются, поэтому я и предпочитал жить в движении, нигде не задерживаясь достаточно долго для разоблачения.

– Серьезно? – Фикс потрясенно склонил голову набок. – Из-за каких-то нелепых слов незнакомой неумной женщины ты с тринадцати лет считаешь себя психопатом? И это не шутка?

– Она не незнакомая, – я почувствовал себя на редкость глупо, наполовину открыв свою мрачную тайну и оказавшись осмеянным. – И очень умная. – Если уж открывать тайну до конца, то не «она», а «он» – дядя Руди. – И знает, что такое человеческие чувства, то есть знает не из книг, а по-настоящему. Знает, как понимать других...

– Тем хуже, – отрезал Фикс. – Значит, она умышленно ввела тебя в заблуждение. И еще значит, ей что-то от тебя было нужно. Она тебя как-то использовала?

На миг у меня мелькнула нелепая надежда, что он может оказаться прав и я не такой уж урод, а при должной тренировке смогу стать таким же, как все, – но тут уж я сам над собой посмеялся. Кого я слушаю – одного из трубадуров, которые все, что узнавали, норовили превратить в сказку. Вот и Фикс, видимо, уже не совсем различал, где правда, а где вымысел.

– Тогда почему люди обычно избегают общения со мной по доброй воле? Я думаю, дело не только в горбе. Они чувствуют, что я другой, что я никогда не пойму их... – И действительно, до сих пор я не нажил ни семьи, ни друзей. Пусть я сам к этому не стремился и работа не особенно располагала, но ведь у кого-то близкие заводятся сами собой, без всяких на то усилий. А ведь я был уже не юн – этим летом отметил уже четверть века. Наедине сам с собой, как всегда.

– Точно, самовнушение, – Фикс нахмурил брови.

Когда ты не особенно разбираешься в человеческих эмоциях, единственный твой вариант, чтобы не попасть впросак – это развивать мозг.

– Ладно, забудь, что я сказал, – я постарался придать себе легкомысленный вид, но в голосе, кажется, прозвучала досада.

– Ну вот, например, сейчас ты чувствуешь досаду, – немедленно указал на это Фикс. – Как же ты можешь утверждать, что ничего не испытываешь?

А он был не так прост, этот менестрель. Очевидно, поднаторел где-то в искусстве спора. Но и я был не лыком шит:

– Собака тоже может чувствовать гнев или радость. Но я-то говорил о человеческих эмоциях. У животных это скорее импульсы, первобытные ощущения, а не полноценные

чувства. – Я знал по книгам, что настоящие человеческие ощущения отличаются по невероятному множеству оттенков, по огромному спектру тонких настроек, по силе, напряжённости, даже окрашенности, недоступных для меня.

– Ты не животное, – стоял на своем Фикс.

– Почему же родители от меня отказались, если во мне не было никакого изъяна? – С большим неудовольствием я услышал в своем голосе горечь. Приплетать в эту полуфантастическую историю родителей было и вовсе нечестно. Однако моя работа подразумевала прежде всего большую порцию обмана.

– Ну, как я уже говорил, ты мог быть украден или же потеряться...

– Знаешь, ребенок не вещь, чтобы его можно было так просто потерять. И к тому же даже потерянную вещь человек обычно ищет.

– Да, но...

– Слушай, я не хотел бы гадать по кофейной гуще, – я постарался, чтобы по моему тону стало понятно, как тягостно мне обсуждать эту тему. Фикс, видимо, понял, по крайней мере рот закрыл. – К тому же теперь твоя очередь. Тайна на тайну.

– Ну, собственно... – Фикс почесал в голове. И понизил голос: – Не хотелось бы показаться полубезумным, но сам я родился в другое время и в другой стране. – Это была явная уловка, потому что его-то байка – просто-напросто выдумка. Или же плод воспаленного воображения. Меня так и подмывало указать ему на это, но я решил промолчать и посмотреть, что он еще придумает. – Так вот, мне временами кажется, и в последнее время всё сильнее, будто я до сих присутствую в том, моем мире, но не совсем, а как бы частично...

– Что значит «частично»? – уточнил я. Пожалуй, даже для байки это был уже перебор.

– Ну, как бы не осознавая себя, что ли. Иногда, четче всего по ночам, до меня доносятся голоса...

– Какие еще голоса? – Возможно, он приукрасил правду, назвав себя полубезумным. Скорее всего он просто безумный.

– Людей, которых я знаю, – тихо пояснил Фикс, глядя куда-то в пространство. – А еще в полудреме мне порой кажется, будто кто-то держит меня за руку... Да не, я сейчас не про то. На самом деле есть другая тайна, более важная... В общем, в нашей деревне, куда я сейчас собираюсь, старостой служит Сирил. И он говорит, есть определенный час, а иногда даже минута, – трубадур говорил все увлеченнее, – когда наши способности проявляются в наиболее полной мере. Вот я и начал экспериментировать – правда, у меня эта минутка

оказалась блуждающей... Я только знаю, что она настает после заката солнца – но каждый раз в разное время, – он развел руками, – никак не могу приспособиться.

– А зачем тебе это? – задал я тогда не совсем корректный, но зато прямой вопрос.

– Что? – не понял Фикс.

– Это пение.

– Я как бы зарабатываю.

– И что, много платят?

– Ну, деньги же не самое главное, – легкомысленно отозвался он. – Зато едой и крышей над головой, как правило, обеспечивают. А главное, есть возможность, не привлекая особого внимания, искать других способных...

– Так ты что же, получаешь, колесишь по дорогам в поисках способных? – удивился я, хотя в принципе меня не просто было удивить.

– Ну, не только я, – с легким смущением отозвался Фикс. – Я же еще, можно сказать, сам новичок. Но это так здорово – найти людей, близких тебе по духу! Я раньше и сам не знал, как здорово...

– И что, многих уже нашел? – перебил я. Или тут правильнее было бы сказать – «завербовал»? Возможно, Рудольфо прав, и этих людей действительно стоит опасаться.

– Ну, я же не так давно начал, – Финикс заметно смутился. А потом поднял взгляд и добавил: – Но одного, кажется, уже нашел.

Я усмехнулся про себя – ага, нашел, как же. Держи карман шире.

Про эту долгую дорогу в таинственную деревню, расположившуюся у подножия Эльтийских гор на самой границе Игении и Славии (но все-таки на нашей стороне, чем и объяснялась, очевидно, озабоченность дяди Руди), я рассказывать не буду.

Те, кто не путешествовал с трубадуром, норовящим остановиться и начать выступать в каждом населенном пункте с численностью более трех людей, все равно не поймет, насколько тяжелое это испытание.

Так что перейду, пожалуй, сразу к моменту встречи Фикса всеми деревенскими (я не преувеличиваю, поприветствовать его сбежалась вся деревня). Может, он был тут и не последним человеком?

Впереди всех выступал рыжебородый мужчина ростом выше среднего, лет тридцати пяти или даже сорока. Фикс, кстати, тоже был рыжим – но, видимо, от любви к частому мытью его волосы казались слегка выцветшими, словно выгоревшими и пожелтевшими.

А этот рыжебородый сиял в лучах осеннего солнца как новенький медяк и, очевидно, был старостой здесь в деревне.

– Каждый станет пожинать лишь свой урожай, – наконец изрек он, закончив меня разглядывать. Это прозвучало настолько ни к селу ни к городу, что я только чудом сдержался, чтобы не фыркнуть. Смеяться-то в людных местах я уже давно себя отучил. Ага, бородач еще и любитель поболтать. Ну что же, послушаем – умный человек чаще слушает, чем говорит.

– А мудрый и говорит, и слушает в равной степени, – заявил он.

Тут уж я уставился на него во все глаза, почти позабыв про осторожность. Я-то думал, что давно уже достиг квалификации, при которой никто не сумеет прочесть мои мысли по лицу.

– Не удивляйтесь, – он шагнул чуть ближе, – дело в том, что вы удачно зашли – как раз в момент моего «обострения». А моя специализация, так уж вышло, – это интуиция.

Да, судя по тому, что болтал этот чудак, у него явное сезонное обострение. Или даже постоянное. А я давненько уже не имел дело с помешанными, пожалуй, с того самого случая в Гроге...

– Мы называем обострением не то же, что обычные люди, – объяснил бородатый чудик. – Признаться, первое впечатление подсказало мне, что вы можете таить в себе опасность. Необязательно вы лично, – добавил, будто всерьез опасался меня задеть, – а что-то связанное с вами... Возможно, вы обладаете способностью их привлекать? – Рыжебородый позволил себе улыбку, что должно было, видимо, знаменовать собой шутку. Я из вежливости, которая тоже может быть оружием в умелых руках, чуть растянул губы. – В общем, первое чувство, которое передается от вас – общая тревожность.

– Это плохо? – вырвалось у меня. Не так уж и глупо, если разыгрывать выпавшую карту простачка.

– Это не хорошо и не плохо, это данность, – с серьезным видом объяснил бородатый, будто сказал еще одну превеликую мудрость. – Ну а второй мыслью была более зрелая: это судьба привела тебя к нам, Рой. Ведь это ты выручил Фикса из его небольшого таверного происшествия по дороге, верно?

– Верно, – встрял Фикс, хотя его никто и не спрашивал. Собственно, это была даже не история, а скорее так, историйка. Просто в одном из дешевых придорожных трактиров с Фиксом вознамерились расплатиться не медяками, а пинками и зуботычинами (видимо, его

стишки показались постояльцам островатыми). Но когда это он успел сообщить рыжебородому мое имя?

- У Финикса помимо артистизма есть еще одна сверхспособность – влипнуть в различные истории, – пояснила какая-то женщина, выйдя из-за спины рыжебородого. Она была бледная, золотоволосая и тоже высокая. И явно моложе бородача.

Так вот, оказывается, кто сбил Фикса с панталыка. Эта милая парочка. Надо же такое придумать – сверхспособности! Голова, руки и ноги – вот наши сверхспособности, причем именно в таком порядке.

А эти люди вдобавок ко всему еще и внушили Фиксу шальную мысль, что его дело – выступать перед захмелевшей публикой.

Я повидал в своей жизни достаточно, чтобы не обманываться по поводу природы власти. Всем им, властителям (мелким, средней руки и крупным) что-то от тебя нужно. Все умеют напести с три короба, а когда ты выдохся и больше не можешь служить, тебя ждет особая благодарность – пинок под зад.

И это еще в лучшем случае.

Глава 3

Нас поселили к Марите, кухне Мартина (первого помощника Сирила по деревенскому управлению и хозяйству), поскольку она одна занимала небольшой флигелек. То есть крошечную постройку с приступками, примыкавшую к двухэтажной, самой большой избе деревни, где проживал сам Сирил с Селеной и была устроена общая кухня и общий же зал «для размышлений».

Тот самый зал, который поразил меня при первом взгляде невероятным для такой глуши количеством книг, аккуратно расставленных по грубо сколоченным полкам. Создавалось впечатление, что кто угодно мог взять любую из них, настолько они не охранялись. И даже редкие, бесценные манускрипты, как успел я заметить по некоторым заголовкам! И хотя я еще не знал, какими тайнами делится Сирил со своими последователями, становилось ясно, что книжные знания он от них не скрывал.

Впрочем, возможно, загадка объяснялась очень просто – может, никто в этой деревни, кроме него, не был обучен грамоте?

По словам Фикса, раньше он жил в хижине неких Рики и Кора, однако Рика на днях родила – по счастью, здоровеньких девочек-близняшек! – и к ней перебралась из соседней деревушки ее мать. И их расширившейся семье стало, понятное дело, не до гостя.

Еще в деревне, кроме десятка разбросанных в произвольном порядке (но кругом от главного дома) хижин имелась огромная сосновая баня. Она казалась такой большой, будто могла одновременно вместить в себя хоть двадцать пять человек – примерно пятую часть населения деревеньки.

Сама хозяйка флюгелька Марита с первого взгляда мне не понравилась. Она показалась несколько дерганой и как будто неприкаянной – как стебелек прокатила, которого подхватывает ветер и несет без всякой цели и смысла.

В ее внешности, однако, имелось нечто примечательное, а именно – рост. Она была на удивление высокая, почти с меня ростом, и размер ноги у нее был соответственно большой. Однако Марита, судя по всему, ничуть не комплексовала по этому поводу. Даже как будто подчеркивала это при ходьбе – шагала широко и размашисто, почти по-мужски, ставя на землю всю стопу сразу и нисколько не тяня носок. И хотя я не видел, как она ездит верхом, мог бы поклясться, что держится в седле так же уверенно. Другой примечательной чертой ее внешности были скулы – высокие и острые и глаза – с явно восточным разрезом, но при этом не черные и не карие, как можно было бы ожидать, а светло-зеленые, точно первые листья по весне.

Да, положительно, не одна кровь смешалась в ее жилах.

Платье Мариты было на редкость простое, почти банальное – однотонно-синее, а из всех украшений только кружевной белый пояс. И однако же он довольно удачно подчёркивал тонкую талию и не менее эффектно смотрелся на синем фоне. Волосы она подвязывала простой косынкой, тоже синей и в белый горошек, и я подивился про себя, обнаружив немалый вкус и чувство стиля в таком простеньком на первый взгляд одеянии.

Отправились спать мы довольно рано (Фикс даже успел посетить эту гигантскую баню), утомленные после трехдневной дороги. Самой хозяйки флигелька в комнате еще не было, зато кто-то заботливо приготовил для нас постели. Мне на тахте, а Фиксу на узком диванчике, но зато с настоящими простынями, подушками и одеялами – как раз то, что нужно после долгого утомительного пути.

От усталости я почти сразу же отрубился и провел ночь без всяких сновидений, что в моем случае было несомненным благом.

– Любой наш поступок до конца останется с нами, хотим мы этого или нет, – сообщил нам за завтраком Сирил. Завтракали мы, как и вчера ужинали, довольно просто, но сытно – яйцами, сыром, молоком и хлебом. Всё это, очевидно, с подсобного хозяйства.

И как-то так вышло, что я даже против воли почти весь день раздумывал над его немудреными словами – не постоянно, а как бы время от времени к этому возвращаясь. И вечером, укладываясь спать в том же сарае на ту же тахту, не мог бы с уверенностью заявить, что полностью уловил эту мысль.

– А интересно Сир выражается, правда? – словно эхом на мои мысли, поинтересовался вдруг Фикс. Его диванчик стоял в другом углу флигелька. – Иногда даже не поймешь точно, что он хочет сказать, да?.. То есть ты-то, наверно, понимаешь, – добавил он, подумав.

– Интересно, что ты зовешь его Сир, – отметил в свою очередь я.

– Ну, это сокращение, – объяснил Фикс. – Не от слова «сир», а от слова «Сирил», и в то же время как бы игра слов, понимаешь?

– Теперь, когда ты объяснил, я всё понял, – сухо ответил я. Иногда Фикс противоречит сам себе, определился бы уже – или я тупой как пробка, или все-таки соображаю.

Он и сам вроде бы осознал собственную непоследовательность, по крайней мере умолк. Я тоже молчал, по привычке прокручивая в голове события минувшего дня. И сам не заметил, как задремал.

А проснулся уже на рассвете, с криком (кажется, первым) петуха.

Марита спала недалеко от меня, и ее рука во сне свесилась из-под верблюжьего, как нас заверял вчера Мартин, одеяла почти прямо перед моим носом. Не знаю, сколько времени я ее разглядывал, но успел заметить, что Марита придала своим ногтям квадратную форму.

И это открытие вдруг вызвало во мне жгучее волнение. Интересно, а на пальцах ног у нее тоже квадратные ногти? Мысль оказалась настолько волнующей, что я перевернулся на другой бок, лицом к дощатой стене, и прикрыл глаза, пытаюсь сосредоточиться на деле.

Нельзя забывать, кто я и кто она (и главное тут, кто я).

Однако сосредоточиться не слишком-то получалось.

Тогда я вспомнил о сне, который все-таки привиделся мне этой ночью. Он не особенно отличался от предыдущих и касался все той же темы – о разорении гнезда. Можно сказать, являлся новой ее вариацией, в стиле «что бы могло произойти, если...» В данном случае – если бы я был взрослее, или смелее, или хотя бы умнее.

Эта мысль, хоть и подавила возбуждение, но все же была слишком тягостна, чтобы удерживать на ней внимание дольше необходимого. И я вновь невольно переключился на не вполне отчетливые мысли о Марите, и вообще о женском поле.

Одни женщины, как ни удивительно, выбирали меня из-за моего физического изъяна. Других же он заставлял со страхом или смущением отступить и проходить мимо. Справедливости ради надо признать, что последних было большинство. Однако это не вгоняло меня в уныние – а точнее, я научился с этим жить. Все равно я никогда не смогу завести семью, так чего печалиться?

– Тебе случаем кошмар ночью не приснился? – вдруг поинтересовался Фикс со своего дивана. Может, и у него такой дар – читать чужие мысли или эмоции?

– Не помню, – отозвался я как можно спокойнее, однако в душе напрягся. Мог ли я как-то себя выдать, каким-нибудь неосторожным словом, брошенным в полузабытьи? – А что?

– Ничего, просто ты возился и стонал. Я и подумал, может, что снилось.

– А ты что не спал? – Я почувствовал раздражение вперемешку с облегчением.

– Ну, я иногда встаю по ночам, – смущенно ответил Фикс.

Надо бы перебраться в другое, отдельное жилье, отметил я про себя. Вот только найдется ли для меня такое на территории деревни? Я сделал себе мысленную отметку спросить об этом у Селены.

Тут Марита завозила свою красивую руку, которой чуть было не выбила меня из колеи, под одеяло. Я понял, что она просыпается, если уже не проснулась, и может услышать нечто лишнее, и поднялся с тахты.

– Пойду умоюсь.

– Отличная идея, – одобрил Фикс. – Главное, не жалея воды, тут ее много. Видал, какая большая баня стоит напротив?

В его словах будто заключался какой-то намек, но я уже не стал вникать, а просто кивнул и молча вышел.

– А я читала в некоторых свитках, – за общим ужином заговорила вдруг Марита (раньше-то она в основном молчала), – что раньше неподалеку от этих мест жили полулюди-полуптицы. Они селились в огромных гнездах выше в горах, и у них были огромные белоснежные крылья и длинные клювы...

– Глупости, – не выдержал. Она удивленно ко мне повернулась – по всему было видно, она не привыкла, чтобы ее так резко перебивали.

– Я хотел сказать, – пояснил я, сбавив обороты, – что они жили вовсе не в гнездах, а в обычных домах и хижинах в горных деревушках. Гнездо – это слово для обозначения рода.

Как полулюдям было жить круглый год под открытым небом, а уж тем более выращивать потомство?

– Я думаю, это не самое важное в той истории, – нахмурилась она.

– Это потому, что ты не пробовала обустроиться на ночлег в огромном гнезде. – Я почему-то никак не мог уgomониться, хотя мне по всему было бы лучше просто закрыть рот.

– И все же главное, на мой взгляд, то, – глаза Мариты превратились в щелки, будто бойницы, и я наконец прикусил язык, – что, в одном из сказаний говорится, будто бы последний из крылатых спустится с гор, когда людям будет в том самая большая необходимость, и поможет уберечь нашу землю от страшных бед....

– Крылатых больше нет, – услышал я будто со стороны свой скрипучий голос. – Последних вырезали больше двадцати лет назад. Разве в твоих сказаниях про это умолчали? Или ты слушала так невнимательно?

Несколько секунд Марита смотрела мне прямо в глаза, и с ее губ, казалось, готов был сорваться какой-то вопрос, но она смолчала и, скомканно извинившись перед всеми и оставив тарелку недоеденной, вышла из общей столовой.

Я немедленно ощутил раскаяние. Она же не сделала ничего дурного, просто хотела поделиться сказкой.

А Сирил, молчавший за ужином, горестно покачал головой:

– И зачем это нужно было?

– Что нужно? – Своим вопросом он только вызвал у меня еще один приступ досады.

– Ты знаешь что.

– Потому что не люблю глупые рассказы, – отрезал я и повторил зачем-то: – Крылатых больше нет.

Я-то ведь тоже больше не Крылатый. Даже мысленно я давно уже так себя не называл. И никому не открывал имени, которым назвала меня мать. Я – горбун, урод и шпион. Всегда стоит помнить место, которое мы занимаем, и не обольщаться на этот счет.

Глава 4

За истекшую неделю я так и не смог ответить на главный свой опрос: что могло привлечь внимание дядюшки Руди к этой тихой деревеньке, сплошь наполненной чудаками, ищущими безобидные «Точки силы» и даже не накалывающих, а рисующих на шеях безвредные изображения? Собственно, рисовала их своими красками Селена – иногда красной, иногда коричневой, а иногда и желтой. И вовсе не языки пламени, а листья

солнечного подсолнуха, как она же мне объяснила. Так что, по моим наблюдениям, жизнь здесь была почти совершенно обыденной, не считая диковинных и завлекательных речей Сирила (но слова – это просто колебания воздуха, которые завтра забудутся) и огромной библиотеки.

А обычный день здесь проходил так: рано утром мы вместе завтракали, потом работали по хозяйству (у всех на день находились разные дела), потом вместе ужинали в той же избе-столовой, а после ужина Сирила часа два-три разглагольствовал о том, что у каждого в жизни есть предназначение, и как важно его найти, и поэтому важно искать в течение дня свою «Точку силы».

Они даже проводили нечто вроде испытаний, и если вначале мне еще было любопытно, как это работает, то уже к третьему дню я потерял всяческий интерес. Говорю же: все, что я услышал здесь, было одними лишь пустыми разглагольствованиями. Прежде всего, потому что никому из семи новичков-«неофитов», найденных за лето «старожилами», никак не удавалось найти свои «Точки силы» (а сами старожилы не тренировались, по крайней мере при мне).

Кто умел танцевать, петь, сочинять стихи, ораторствовать, рисовать и так далее – продолжал делать это не хуже и не лучше, а примерно одинаково, без резких взлетов (хотя Сирил регулярно менял время «тренировок», а также наставлял самостоятельно искать «Точку» в течение суток).

Я уже начинал думать, что представление, разыгранное Фиксом в замке у Ронуалдо, было заранее спланировано как раз с целью вербовки простодушных новичков, и если я и клюнул на эту приманку, то лишь потому, что охотился *сам*. Получается, я стал восьмым «неофитом»? По крайней мере в деревне, как я понял, меня воспринимали именно так.

Однако Сирил, похоже, обладал по-настоящему бездонным терпением, поскольку ему не надоедало обращаться к тренировкам новичков снова и снова – каждый день после «вдохновляющей» речи, а иногда и до или во время нее.

Даже меня это начало уже несколько утомлять, особенно когда мы все поднимались со своих лавок и табуретов и становились в общий круг, держась за руки, как несмышленные дети.

- Сосредоточьтесь и раскройте, глядя на соседа, – упорно советовал нам Сирил, – попытайтесь освободиться от собственных эмоций, особенно негативных. И тогда обязательно что-то почувствуете!

Однако я, признаться, почти не пытался сосредоточиться на своей или, уж тем более, чужой «Точке силе», чтобы помочь определить ее и соседу по кругу, как призывал нас Сирил. Ну, кроме разве пары первых вечеров. Так что для окружающих моя «сила» оставалась все еще не определена – впрочем, как и для меня самого. У других семи неофитов по крайней мере были выражены хоть какие-то способности или таланты! А моей самой сильной стороной являлся интеллект, однако в целях конспирации я давно привык этого не показывать.

В общем, приходилось признать очевидное: Фикс привел в деревню самого слабого «неофита». Рано или поздно Сирил и другие должны были осознать, что мои «тренировки» бесполезней прочих – я просто не обладал достаточной духовной силой. Что тут говорить, если даже матушке Лавантэ не удалось ее расшевелить, а уж у нее-то язык был подвешен еще лучше, чем у Сирила!

Пожалуй, лишь одно дело в жизни мне удавалось как следует – следить и шпионить за окружающими, однако как раз оно-то для «тренировок» и не годилось...

А может, вся эта теория про способности была не более чем трюком, призванным привлечь в качестве рабочих рук в деревню наивных простаков, таких как Фикс, например? Ну или еще для каких-то целей, я пока хорошенько не разобрался.

«Почти все ограничения – в голове», – сообщил всем Сирил на третий вечер, когда у новичков снова не получилось найти свои «Точки силы».

Ну конечно, кто о чем, а Сирил о своих точках! Он вообще больше предпочитал болтать и балагурить, чем показывать какие-то реально полезные упражнения. В принципе пробыли мы в этой деревне не слишком долго, однако, как я сейчас вспоминаю, за это время он успел выдать сентенций на целый небольшой манускрипт.

Например, вот некоторые из них:

«Лучше сделать маленькое, но хорошее дело, чем большое, но вредное».

«Глупо тратить время на сомнения по поводу того, что, как ты знаешь, все равно должен сделать».

«С некоторыми людьми, как ни старайся, не найдешь точек соприкосновения. Так что лучше и не пытаться и тем самым сэкономить время».

«Как много времени в юности тратишь на, казалось бы, ненужные вещи – осуждение других и переживания из-за осуждения другими тебя. Но и это тоже опыт».

«Иногда, чтобы сохранить в душе что-то ценное и хрупкое, приходится это очень глубоко прятать. А чтобы сохранить в себе самое дорогое – уходить в подполье».

«Жаль тех людей, которым пока незнакома радость дарить что-либо от души».

«Важно не то, кто был с тобой с самого начала, а то, кто будет с тобой до конца».

«Если хочешь преданного и верного друга, то заведи собаку, ведь собака — это единственное живое существо, которое ценит твою жизнь больше, чем свою».

«Умение говорить "нет" – вообще одно из самых сложных и важных в жизни умений, так же как и говорить "да". Это две стороны одной медали. Чтобы сказать чему-то "да", другому придется сказать "нет", потому что всего не успеешь и приходится выбирать».

(Фикс, кстати, выслушал это едва ли не с открытым ртом. А у меня мелькнула мысль: сам-то Сирил умеет говорить «нет» как должно? Советовать однозначно проще, чем следовать своим советам.)

«Чем мудрее становится человек, тем меньше он находит поводов для обид».

«Никогда не жертвуй самым дорогим – добротой в своей душе».

«Кто хочет быть услышанным, тот найдет способ сказать».

«То, что, мы говорим о других, на самом деле мы говорим о себе». – Вот интересно, откуда он берет все эти сентенции?

«Если уж судить, то лучше судить по намерениям. По крайней мере меньше расстройств и разочарований». Вот это о чем, хотелось бы знать? Мне непросто было понять, хотя на слабость разума я обычно не жаловался. И все наши немногочисленные беседы с Сирилом строились в подобном русле: он что-то выдавал, а я ответ молчал, пытаюсь сообразить, не шутка ли это.

«Если можешь бросить в мир щепотку добра, то брось, не жалея. Может, что-то потом и прорастет...»

« Об одном важном деле мы все-таки забываем с печальной регулярностью – порадоваться тому, что у нас уже есть».

«Вообще же нет серой толпы, потому что она состоит из индивидуальностей. То есть на первый взгляд она может показаться серой, но чем больше начнешь приглядываться, тем больше оттенков и цветов различаешь».

«У юных свои дороги, которые предстоит пройти, и свои ошибки, которые суждено совершить».

«Чем больше живу, тем меньше обращаю внимание на условности». – Я это, кстати, тоже уже заметил.

«Что касается семейной жизни, то и у тебя, и у нее могут случиться неудачные дни. И тут самое важное, что когда ты сорвешься – она поймет, а когда она устанет – ты поможешь».

Главное, чтобы эти точки слабости у вас не совпадали...» – Это Сирил за очередным ужином решил поделиться с Фиксом секретом счастливой семейной жизни, уж не знаю зачем, и опять-таки свел всё к своим излюбленным точкам.

«Если человек действительно что-то хочет, он это сделает, или хотя бы сделает все от него зависящее. А если не хочет, то наверняка ему кто-то или что-то мешает еще на полете».

«Дерево выглядит крепким на вид, не поддается ветрам, снегам и бурям и, кажется, простоит еще сто лет. Но вот заберется под его кору мелкий незаметный жучок – и вскоре дерево начнет сохнуть... Потому что удары изнутри всегда опаснее. В общем, берегите свои сердцевины – свои и своих близких».

«Недостаток, который труднее всего простить – глумливость. Потому что даже извиняться человек, привыкший глумиться над всем, будет как бы в не полную силу. Он словно уже отвыкает от искренности и отходит от нее все дальше...» Вот уж перед кем бы не стал извиняться, так это перед тобой, мрачно подумал я. Я вообще в принципе не имел привычки перед кем-либо извиняться – а не то это заняло бы большую часть моего свободного времени.

И прочее, и прочее. Принцип, я думаю, уже понятен.

Я бы привел и больше этих сентенций, если бы не боялся утомить вас так же, как в свое время они утомили меня. Все-таки знание не следует воспринимать неподготовленному человеку – в его голову и душу все равно многое по первоначальности не вместится.

Однако Сирил будто все время куда-то торопился, гнал лошадей – как чувствовал, что отмерено ему не слишком много.

Моя-то жизненная философия, не в пример Сириловой, была довольно проста: цепляйся за жизнь зубами, когтями и всем, чем только сможешь. Словом, делай все, чтобы выжить, потому что после смерти не будет уже ничего.

Ведь если бы там что-то было, уж наверняка бы мои родные нашли какой-то способ мне об этом сообщить и навестить меня в монастыре, когда я так исступленно просил об этом у Бога, наученный рассказами Лавантэ Обиньенской? (Это прозвище произошло от названия монастыря – Обиньенская обитель, в который ее назначили настоятельницей еще двадцать лет назад.)

Но они не пришли, ни навестили – ни разу, ни на секунду, даже во сне. А ведь я-то, кажется, просил у небес не так много – даже не их возвращения, которое порой, откровенно увлекаясь, начинала обещать мне настоятельница.

Только те, кто ушли, никогда не вернуться, во что бы она ни верила и как бы меня ни убеждала.

Да, Лавантэ тоже могла ошибаться, это я накрепко усвоил еще в двенадцать, когда меня насильно увозили (точнее было бы даже сказать – утаскивали) из ее монастыря. Как ни горько было осознавать, но она тоже оказалась подвержена слабости и ошибкам. Она, которая вся – искренность, любовь, дипломатичность, забота...

И уж если даже ей не удалось убедить меня в существовании какой-то иной, нематериальной или духовной жизни, то меднобородый чудак тем более не сумел бы этого сделать.

Однако не сказать, что подобная атмосфера скученности и поглощенности общей Идеей вообще на меня не действовала. К примеру, в один из вечеров после первой недели я настолько размяк, что даже обмолвился о некоторых подробностях своей жизни. Не обо всех, конечно – просто о том, что воспитывался в большом монастыре.

– И это тоже урок, – вздохнул Сирил, как будто услышав больше, чем я сказал. – Когда боль пройдет, ты сам поймешь.

Я тут же напрягся – права копаться в моей душе я никому не давал. И уж совсем собрался ответить нечто хлесткое, как вдруг Сирил подался ближе ко мне и шепнул:

– Тем более Лавантэ обычно старается облегчить долю своих воспитанников.

Вот в этом заключалась уже явная опасность – как он пронюхал про Лавантэ?! Я ведь не упоминал, где именно находится монастырь и как он называется!

И откуда Сирил знает, какая Лавантэ? Может, на самом деле он – бывший шпион дядюшки Руди или его предшественника, порвавший со службой, потому и интересуется верховного канцлера?

Нужно держать с ним ухо остро, решил я, а вот делиться сведениями о себе больше ни в коем случае не следует.

Следующим утром у нас с Сирилом внезапно состоялся еще один краткий и непонятный диалог.

– Ты всегда берешь на себя слишком много? – поинтересовался он ни с того ни с сего, остановив меня в своем дворе.

– Чего беру? – не понял я. Едва ли он говорил про эти две лопаты, которые Марита поручила мне перенести из флигелька в подпол Большого дома.

– Например, ответственности, – улыбнулся Сирил, как обычно не к месту. Что, интересно, веселого может быть в слове «ответственность»? И стало заметно, что его верхние клыки почти никак не выражены – такие же ровные, как и прочие зубы.

- Наоборот, – буркнул я, – стараюсь не брать почем зря.

- Вот и правильно, – почему-то печально согласился Сирил, – человеку лучше не вваливать на себя лишнее, потому что судьба все равно вручит ему какой-то груз. Или приз, смотря с какой стороны поглядеть.

Почему-то от его слов мне стало не по себе (уже не в первый раз!), поэтому я ничего не ответил и быстрее зашагал по направлению к подполу.

Сам Сирил как раз возвращался из бани, красный и пропаренный, и, кстати, тут я понял, откуда у Фикса взялась противоестественная привычка мыться чуть ли не каждый день. Он просто-напросто поддался ораторскому мастерству рыжебородого и в этом вопросе!

А вот у Селены, жены Сирила, способностей к ораторству не наблюдалось – даже наоборот, она казалась тихой и немногословной.

Зато у нее имелся другой талант – к рисованию, причем рисовала она одинаково хорошо в любое время суток. Писала в основном портреты, но могла под настроение написать и пейзаж, и кошек с собаками. Она и меня как-то предлагала зарисовать, но я сумел отвертеться – не хватало еще оставлять свои изображения где ни попадя.

В остальном же это была довольно тихая, спокойная и даже незаметная (как я понял чуть позже, когда хотела быть незаметной) женщина лет 27. Лицо ее отличалось красивой и почти до прозрачности белой кожей. Глаза были не слишком большие, но в них проскальзывало что-то значимое: иногда искры веселья, в основном на шутки Сирила, а иногда – ощущение спокойной и необычной для женщины силы.

В целом они казались вполне гармоничной парой: Сирил – громкий и разговорчивый,

Селена – тихая и молчаливая. Видимо, они удачно дополняли друг друга, и вместе им было хорошо. Даже имена их казались созвучны.

Единственное, что меня не то что смущало, но как-то приковывало внимание – это ее немного необычная манера речи. После почти каждого слова Селена делала хоть и небольшую и почти незаметную, но все же паузу. Как будто раздумывала – стоит ли дальше продолжать? Или, может, просто славский язык был для нее неродным, как и для Фикса?

Селена часто смотрела на Сирила во время его выступлений – и в такие моменты ее не слишком яркое лицо словно раскрашивалось красками, становилось тоньше и красивее.

Наверно, так и проявляется у женщин нежность?

Может, в том числе и из-за нее я все медлил, не посылал дяде Руди известие о нахождении деревеньки. Из-за нее и еще, наверно, отчасти из-за Мариты.

Ну и пытался сам для себя разобраться, что же в деревне такого особенного, пока сюда не нагрянули дружины доброго ко всем, кроме врагов нашего государства, дядюшки Руди...

Глава 5

Через две недели Мартин, который был здесь кем-то вроде старшины по хозяйственной части, соизволил обратить на нас внимание и поручил первое серьезное, по крайней мере мне, поручение.

А именно – съездить в соседнюю деревеньку, уже на территории горной Игении (пересекать границы в горах всегда было легче легкого – на заставах здесь обычно дежурил всего один, максимум два пограничника и с той, и с другой стороны: считалось, что горы – естественные и самые лучшие защитники границ) и набрать там воды.

Хотя наша деревня расположилась на берегу собственной речки, Мартин уверял, что у соседей протекает хрустальной чистоты ручей, так что из него можно не только пить, но и чуть ли не исцелиться его водой. По меньшей мере от каких-то кожных заболеваний.

Я, конечно, в эти рассказы о чудесном ключе не поверил – однако как «неофит» вынужден был подчиниться.

В пару со мной Мартин отправил и Фикса, а также неожиданно и Мариту.

По официальной версии – поскольку она лучше всех знала все горные тропы и вообще дороги в округе. Однако Фикс, я думаю, знал не хуже нее, раз провел в этой деревне уже полгода – видимо, это была просто предосторожность со стороны Сирила. Чтобы, значит, Мартинова кузина негласно за мной присмотрела и потом при случае доложила о возможных странностях. Выучка дяди Руди с легкостью позволила раскусить этот нехитрый прием. Но я и это проглотил.

Пожалуйста, жалко, что ли – если хочет она с нами кататься, пусть катается. Я при случае мог быть и общительным, и даже галантным в обхождении с дамами (и знатного, и простого рода), ведь в моем деле без этого никак.

Словом, тем же утром мы собрались, взяли трех лошадей из конюшни – мне досталась бойкая серая кобылка в яблоках с говорящим прозвищем Мартышка, – запаслись большими кувшинами и тронулись в путь. (Я, кстати, оказался прав – Марита на редкость прямо и уверенно для женщины держалась в седле даже на еще более норовистой, чем у меня, лошади.)

По дороге не произошло ровно ничего интересного, кроме разве того, что у Мариты с Фиксом завязался полусхотливый разговор о его даме сердца. То есть Марита увлеченно расспрашивала его об этом предмете, а он лишь краснел и невнятно что-то бубнил в ответ.

– Тебе ведь уже есть восемнадцать, Финикс? – спросила наконец Марита.

– Ну да, – ответил он так, будто не очень был в этом уверен. – Даже девятнадцать.

– И ты, как я поняла, еще не был с женщиной?

Теперь Фикс залился краской по самую шею, с такой резкой прямоотой прозвучал ее вопрос. Как она это определила и, главное, почему ее вообще это заинтересовало (и почему именно сейчас) – вот вопросы, которые в первую очередь захватили лично меня. «Да она же с ним флиртует», – с неожиданной досадой понял я. А в следующую секунду подумал: мне-то какое дело? Пускай кто хочет, тот и флиртует.

– Ну, – выдавил Фикс, кое-как собравшись, – пока я как бы... В общем, девушки, кажется, предпочитают крутых парней. У кого есть мотик... в смысле, я хотел сказать, карета.

– Не все, – возразила Марита, и я понял, что себя-то она как раз и относит к этим «не всем».

Обратно мы вернулись на следующий день. В принципе мы могли бы обернуться и за один день, если бы не настойчивое гостеприимство старосты игенийской деревушки, зазывавшего нас на ночевку и не принимавшего никаких возражений.

Впрочем, Марита с Фиксом явно устали, хоть и не подавали виду, поэтому не слишком и возражали против ночевки. Поэтому мы остались там на ночь – мы ведь даже не представляли, ЧТО встретим, когда вернемся.

Словом, мы вернулись с запасами воды, как и улавливались, на следующее (довольно позднее) утро. Ну то есть как вернулись – приехали на то же место, с которого и уезжали. Но только вот это место уже нельзя было назвать деревней. Теперь к ней больше подходило именование «ПЕПЕЛИЩЕ». Вместо большой процветающей деревни нас встретили одни лишь головешки и черный пепел...

Для обычного пожара разрушения оказались уж слишком велики – это был, очевидно, какой-то огромный, просто гигантский, невообразимо стремительный и пожар.

Не уцелело практически ничего, кроме разве что почерневших кирпичей от бывшей бани.

На месте остальных построек осталась практически одна зола и остатки обгоревших черных бревен.

И это открытие, конечно, вызвало настоящее потрясение.

Я даже поначалу не поверил собственным глазам и украдкой их протер, а Марита лихорадочно завертела головой, словно в отчаянной надежде, что мы сбились с дороги, заплутали и выехали куда-то не туда. Однако место было то же, тут не могло иметься никаких сомнений – только бесповоротно изуродованное небывалой силы пожаром. Который как будто напрочь вынес отсюда все живое – и людей, и зверей, и растения. Так сразу, навскидку, я не мог восстановить картину происшествия, однако одна мыслишка у меня все же возникла.

Похоже, местонахождение деревни больше не являлось секретом для дядюшки Руди. И значит, тут присутствовал, кроме меня, еще и другой шпион – ведь кто-то же указал ему это местонахождение. (Сам я не указывал, поскольку так и не успел отправить свое донесение.)

И еще очевидно, что на этот раз дядюшка Руди не ограничился дополнительным шпионом – он сформировал своеобразную ударную группу «шпион плюс убийца-поджигатель».

И признаюсь, что помимо прочего это несколько меня задело – создавалось ощущение, что канцлер больше не доверял моей квалификации.

Может, он что-то заподозрил, не получая от меня больше месяца никаких донесений?

Однако кому как не ему знать, что некоторые (деликатные) задания не терпят суеты!.. Как бы то ни было, на этот раз дядя Руди сильно – и неприятно – меня удивил. И, заключил я, отнесся к деревушке Сирила с самым серьезным вниманием.

Таким вниманием, что от этой самой деревни не осталось и камня на камне...

То есть бревна на бревне, учитывая, что почти вся она была деревянной.

Фикс пришел просто в неопишное расстройство – даже тяжелее, чем у Мариты, которая не только лишилась очага и друзей, но и родного кузена. Однако несмотря на это, она восприняла катастрофу относительно стойко и уронила не больше пары-тройки слезинок, бродя по пепелищу и разыскивая хоть какие-то следы пропавших людей. Никаких истерик и обмороков, свойственных обычно женщинам при подобных катастрофах.

Да, кроме первого сдавленного крика при виде пепелища, она не позволила себе открыто проявлять свое горе, будто непомерным усилием воли заморозила его в душе. Однако на ее виске мелко забила жилка, хорошо заметная при ярком солнечном свете. И эта жилка лучше всяких криков и истерик открыла мне ее подлинное смятение и уязвимость... Даже на миг мелькнуло иррациональное желание взять Мариту под, если использовать горькую иронию, свое крыло.

Фикс же, напротив, проявил гораздо меньше стойкости. Он впадал попеременно то в прострацию и тогда застывал на месте, то в лихорадочное возбуждение и тогда начинал метаться по выжженной территории и звать по именам Сирила, Селену, Мартина, Рику, Кора и остальных жителей несчастной деревушки, даже новорожденных двойняшек. Будто надеялся, что все они спрятались в погребах от пожара, а сейчас начнут вылезать, испуганные и перепачканные, но живые. И звал их, срывая голос, снова и снова, пока мы с Маритой искали тела, чтобы достойно похоронить их, а также вещи, которые могли бы взять с собой в дорогу.

Однако, как ни старались, тел мы не нашли, что было на редкость странно – будто сила взрыва перенесла их в какой-то другой мир или же развеяла в пространстве без следа. А вот кое-какие вещи все же отыскивались – правда, очень немного.

Уговорить Фикса следовать за нами оказалось не так-то просто: через час он почти впал в какое-то забытье, прямо на развалинах бывшего флигелька, и то бормотал что-то под нос, то снова пытался звать Сирила и Селену. Очевидно, он пока еще никого не терял, потому и был теперь совершенно опустошен (мне-то подобный опыт пришлось пережить лет в шесть – но зато это и закалило меня на всю последующую жизнь).

А когда мы пытались растолковать ему, что нужно ехать, пока светло, он вяло соглашался, но при этом не делал даже попытки подняться и только размазывал по щекам слезы испачканными в грязи и саже ладонями. А между тем впадать в слабость и ступор было сейчас крайне неуместно: мы ведь не знали, кто сотворил все это, и не прячется ли он случаев поблизости, чтобы убрать также и невольных свидетелей своего кошмарного злодеяния.

Общая беда или трудности объединяют, хотя бы на время, поэтому мы с Маритой действовали довольно слаженно – и так же сообща пытались убедить Фикса, что здесь никого больше нет (из живых по крайней мере, а не то они давно бы уже отозвались), и нам лучше покинуть это место как можно скорее. И не то чтобы его убедили – скорее он сам растерял к тому времени все силы, чтобы спорить или сопротивляться, позволил усадить себя на лошадь и даже взялся за поводья.

Признаюсь, даже не знаю, что бы я сделал, не будь рядом Мариты – может, и предоставил бы Фикса его судьбе, раз уж он так стремился остаться на пепелище. Но Марита рассудила по-своему, снова поразив меня силой, в том числе и физической, и присутствием духа. Она крепко взяла Фикса за плечи и тряхнула (его голова при этом мотнулась, как у тряпичной куклы) и строго ему объявила, что капризничать не время, если мы хотим помочь

уцелевшим или хотя бы выяснить, что случилось. Фикс как будто сфокусировался на этих словах и судорожно кивнул. И, таким образом, я выехал из бывшей деревни Сирила в сопровождении так же двоих спутников: в полдень, когда тени были наиболее коротки, мы собрали то небольшое ценное из вещей и еды, что удалось найти, и наконец тронулись в путь, в глубь Славии.

По виду Фикс напоминал шар, из которого выпустили весь воздух, однако самостоятельно управлять лошадью все-таки мог. Правда, когда мы тронулись в путь, он постоянно оборачивался и, кажется, нисколько не опасался отстать, поэтому я решил ехать в арьергарде нашего маленького отряда. А Марита соответственно его возглавила – ей, как я уже упоминал, были намного лучше известны все местные дороги и тракты.

К счастью, к вечеру Фиксу как будто полегчало, по крайней мере бредить наяву и звать Сирила с Селеной он перестал (очевидно, это был какой-то нервный припадок). Однако он казался все таким же опустошенным и апатичным, даже когда мы достигли первого большого поселения. Создавалось впечатление, что разрушение деревни и исчезновение (гибель?) всех ее жителей, включая Селену и Сирила, он воспринял в том числе и как свой личный крах.

Спустя несколько часов мы с Маритой, посоветовавшись, решили, что уже достаточно оторвались от возможной опасности (а если бы кто-то нас и преследовал, то уже наверняка бы нагнал), так что нет смысла окончательно загонять лошадей. Нам они еще пригодятся. Значит, следовало подумать о достаточно продолжительной остановке. И первым делом нужно было где-то разместиться.

К вечеру мы достигли первого небольшого городка (как свидетельствовала табличка у невысоких городских ворот, у которых даже не оказалось стражников, назывался он Колер) и первым делом занялись поисками ночлежки. К счастью, здесь она имелась – даже целый небольшой трактир под вывеской «Руфик», для вынужденных, как мы, или добровольных странников. Там мы и разместились.

Признаюсь, я все еще был под впечатлением от умения Мариты держать удар. В силу некоторых жизненных обстоятельств я знал, насколько это важное умение. После тех первых тихих слезинок она, казалось, полностью собой овладела и не позволяла себе больше ни капли слабости.

Если откровенно, я не представлял, как бы справлялся с Фиксом без нее – наверно, если бы не покинул его на том пепелище, то уж наверняка оставил бы в этой харчевне.

На второй вечер Фикс более-менее оклемался. По крайней мере взял в руки свою трехструнку (которую, между прочим, нашла Марита, чудом нетронутую огнем, и впихнула в его дорожную сумку) и затянул одну из своих тоскливых песен (но хотя бы он уже *что-то* делал):

Что нас ждет – море хранит молчанье

Жажда жить сушит сердца до дна.

Только жизнь здесь ничего не стоит

Жизнь других, но не твоя...

На этом он, правда, и выдохся, резко прижав струны ладонью.

– Все-таки у тебя талант, Фикс, – заметила Марита, явно просто чтобы подбодрить его (хотя по идее, большее утешение требовалось ей как особе слабого пола и к тому же потерявшей родственника).

Он и не поверил, качнул головой:

– Ну, это же не мои слова, Рита.

«Рита» как-то особенно царапнуло слух. Какая она ему Рита? Если она и ночевала с ним в одном флигельке, это еще не дает ему права звать ее так панибратски. По крайней мере, не больше, чем мне, ведь я тоже ночевал в том злополучном сгоревшем флигельке!

А Фикс вдруг мотнул головой и встряхнулся:

– Эх, сфоткать бы вас! Хотя все равно никто не поверит...

– Что значит «сфоткать»? – поинтересовалась Марита.

– Ну, в смысле снять...

– Не надо меня ниоткуда снимать, – немедленно отказалась Марита, будто прочитав мои мысли.

– Да все равно нечем, – снова вздохнул Фикс. И снова занялся своей «балалайкой».

Глава 6

Кто-то – кажется, даже хозяйка кабачка – протянула мне самокрутку.

Мы отправились сюда с Фиксом на разведку – посмотреть да послушать рассказы селян.

Слышали ли они что-то о пожаре в деревне Сирила и если да, то что именно? Или может, надеялись мы, кто-то видел подозрительных всадников (или всадника), проезжавших здесь накануне? А если их было двое или трое, возможно, местные даже расслышали обрывки их разговоров?

Вчера мы таким же образом сидели в «Руфике», на первом этаже в столовой зале, но ничего интересного не услышали. Собственно, народу там было негусто, зато здесь, в кабачке «Серебряк» в нескольких кварталах от трактира, кажется, собиралось по вечерам все колерское общество. И, видимо, не в последнюю очередь благодаря держательнице кабака – веселой чернобровой вдовушке интересной внешности и весьма энергичного темперамента.

Мы с Фиксом просидели здесь уже пару часов, уговорили несколько порций грога и съели картошку на углях и двух карпов, однако ничего нужного так и не узнали. Очевидно, люди здесь и слыхом не слыхивали о страшной беде, случившейся всего в семи часах езды отсюда.

Я раскурил самокрутку и глубоко втянул в себя дым – это было крепче, чем я пробовал до сих пор. Но день выдался суматошный, полный переживаний и потрясений, и мне сейчас настоятельно требовалось заглушить чем-то горечь и усталость.

Лавантэ бы это не одобрила, мелькнула мысль. Мелькнула и растаяла в облачке пахучего дыма.

– Не кури ты это больше, пожалуйста, – попросил вдруг Фикс, сидевший рядом за дубовым столом и глядевший на меня с непонятным беспокойством. Сейчас, когда расслабляющий дым принес мне облегчение и нечто похожее на веселье, все начинало представляться в другом свете – легче, невесомее, в том числе и Фикс со своими тревогами.

– А то что? – поинтересовался я, непривычно растягивая губы в улыбке. Мне вдруг захотелось сказать ему что-нибудь хорошее и обнадеживающее. Однако я и понятия не имел, что может в данной ситуации прозвучать обнадеживающе.

– А то скуришься на фиг, вот что! – Фикс был настроен совершенно не благодушно. – Был у меня приятель в универе, так тот...

Мое хорошее настроение как ветром сдуло, и я ощутил привычное нараставшее раздражение – в основном из-за того, что Фикс заставил меня протрезветь.

- Что ты несешь, какой еще универ, болван? – Я невольно повысил голос. Получилось даже громче, чем я собирался, так что несколько посетителей повернули головы в наши стороны. А мы ведь не собирались привлекать к себе особое внимание (так же на случай возможной погони) – по крайней мере в мои планы это точно не входило.

Фикс сжал в голову в плечи и махнул рукой – не важно, мол.

Я отвернулся, выпуская дым из рта. А когда повернулся обратно, Фикса уже не было. Успел свалить, видимо. Ну и хрен бы с ним.

А все-таки это было жестоко. Со стороны дяди Руди. Очень жестоко – сжигать целую деревню. В смысле, отдавать такой приказ.

И, главное, за что?

Я прожил там две недели и не увидел ровно ничего предосудительного. И не услышал ничего противозаконного. Никаких призывов к свержению нашего короля или канцлера Рудольфо.

Нельзя же было, в самом деле, счесть опасными или преступными наивные речи Сирила и не менее наивные попытки его приятелей следовать им?!

Я снова затянулся и заказал еще одну двойную порцию грога.

Обычно спиртное на меня не действовало, но может, подумал я, если заказать сверх обычной порции, это как следует прочистит мозги?

Вчера я держался, хотя и очень хотелось притупить алкогольным градусом остроту пережитого (и увиденного в деревне – хотя, казалось бы, перевидал я уже достаточно), поскольку действительно надеялся выудить какую-нибудь информацию из досужей болтовни. Ну а теперь стало окончательно ясно: местные жители знают еще меньше, чем мы. И никто подозрительный мимо них не проезжал – или же они просто не успели заметить.

Ну конечно, эти пресловутые всадники должны были поторапливаться...

На самом деле вся проблема и внутренняя дилемма заключалась для меня в том, что я решительно ни в чем не видел опасность этой деревни для нашего королевства.

Зачем же понадобилось так жестоко ее карать?..

Может, все же стоило предупредить Сирила о внимании к нему властей?

Но, с другой стороны, я ведь давал присягу и не мог так просто забрать свои клятвы назад...

Конечно, я совершил в жизни много зла, но до сих пор как-то избегал мук совести. До этого вечера. Может, если сделать сейчас хоть что-то – например, то, о чем давно просила Лавантэ, и снять свой магический амулет – то и совесть если и не отступится, то хотя бы на время скроется в тени?

Я отодвинул очередную опустевшую кружку в сторону и вытащил свой серебряный медальон из-под туники. Так и есть – маленькое углубление в центре в виде капли порозовело. Медальон реагирует на любые слишком сильные эмоции, так что если я

продолжу предаваться тоске и унынию, он и вовсе покраснеет. Я провел указательным пальцем по капле. Мой талисман и единственная вещь, доставшаяся от мамы – и расстаться с ней меня ни убедили даже уговоры настоятельницы. Собственно, она уговаривала не расстаться с ним, а просто снять и положить в шкатулку, а вместо него надеть крестик, но даже на это я пойти не мог. Я вообще сомневался, что на свете существовала какая-то сила, способная заставить меня добровольно расстаться с медальоном.

Может, это вообще единственный знак моей принадлежности к роду ильхов...

– Эй, горбатый!

Я неохотно повернулся. Я уже слишком привык к такому обращению, чтобы злиться всерьез.

– А что это у тебя на плаще?

Я уже успел кое-как выбраться из кабачка, но не успел пересечь дорогу, отделяющую от него наш постоянный двор.

«Как же глупо, – подумал я почти отстраненно, будто дело происходило и не со мной, – как же невероятно глупо...»

Если бы я не был так пьян, конечно же я оказал бы достойное сопротивление этим двум ворам-забулдыгам (мне показалось, что их было четверо, но это наверняка от двоения в глазах). Однако, увы, в стремлении докопаться до сути случившегося я *сильно* перешагнул через свою обычную меру и теперь лишь каким-то чудом держался на ногах.

Ну а от первого удара, понятное дело, уже не удержался.

Я очнулся от того, что кто-то дергал меня за воротник рубахи, и потряс головой. И тут же, будто по щелчку, вспомнились слова беззубого – «Прощай, горбун!» В спине было липко. Они ударили в спину? Это поэтому я лежу на боку? Машинально я сунул руку в карман кафтана – пусто. Нет кошелька. Денег там было негусто – всего лишь пара медяков, оставшихся от кутежа (я же не дурак, чтобы носить с собой все деньги). Но кошелек – дорогой, из настоящей дубленой воловьей кожи, последний подарок Лавантэ перед расставанием – был бесценен.

Неоценимая потеря.

Надо же было так глупо подставиться, так бездарно потерять одну из двух самых дорогих вещей – почти у самого входа в трактир и в самом беспомощном состоянии нарваться на грабителей!

Я рванул руку к шее – слава Богу, цепочка на месте. Медальон не сорвали! То ли не увидели, то ли слишком торопились?

И наверняка они уже далеко отсюда, как и те неуловимые всадники, принесшие в нашу деревню огонь и смерть...

– Ты ранен, – Фикс попытался снять с меня куртку, и я, дернувшись, отшатнулся. И перевернулся с бока на спину, преодолевая боль.

– Пустяки, – я попытался раздвинуть губы в улыбке, но, боюсь, получился оскал. – Фикс протянул руку, и я, вцепившись в нее, кое-как поднялся и, почти повиснув на нем всем телом, дохромал до входа в постоялый двор.

Позор, конечно, что я дал себя так банально ограбить, подумал я всё с той же непривычной отстраненностью. Но, с другой стороны, я ведь шпион, а не убийца. А потому моей излюбленной боевой стратегией было обычно избегание боя. Я попытался шевельнуть плечом, и очень зря – в спине немедленно взорвался целый каскад боли, до слез и потемнения в глазах.

Как мы поднялись на второй этаж, я уже не очень отчетливо помню – все силы в основном уходили на то, чтобы не позволить *им* выпрямиться. Ну а когда я через некоторое время опомнился, в нашей с Фиксом комнате уже оказалась Марита. Когда она успела прийти? Я не мог сказать точно, все вокруг словно слегка вращалось и плыло куда-то.

– Надо стащить с него сапоги, – решительно объявила она, и я, несмотря на уплывающее сознание, от души порадовался, что совсем недавно помылся – буквально позавчера. Баня же в деревне, большая.

Была.

– Не надо, – на всякий случай заспорил я, однако она меня уже не слушала.

– А потом разрезать рубашку, Финикс, поможешь?

– Нет! – Я отодвигался на кровати, пока не ткнулся горбом в стену. Дальше двигаться было уже некуда. – Не прикасайся!

Мне никак нельзя было открывать свою постыдную тайну, тем более при Марите.

– Ну что ты, я просто посмотрю, – мягко пообещала она, пытаясь поймать мой взгляд, будто объезжая сноровистого животного. Может, она уже что-то почувствовала. Я оглянулся на застывшего у двери Фикса – это он привел ее.

– Предатель, – бросил я сквозь зубы. Кажется, это было уже второе оскорбление за истекший час.

Он растерянно покачал головой:

– Я же не лекарь, а она знает...

Я снова ухитрился вывернуться из ее рук.

– Лерой, не упрямясь, – она протянула руку и успокаивающе коснулась моего плеча, однако я дернулся, как от удара. – Из твоей спины идет кровь, нужно перевязать рану. Она деликатно произнесла «спины», а не «горба». Но про себя-то, конечно, сказала «горб». Она просто *думала*, что это горб.

Возможно, Марита уже привыкла к моему изъяду и даже перестала обращать на него внимание до нынешнего вечера – но к тому, чем это являлось на самом деле, она не привыкнет никогда.

Рана все-таки ослабила мое самообладание – по крайней мере оба крыла почти синхронно высвободились из-под рубахи, порвав ее еще в одном месте, и потянулись к окну.

И я не сразу заметил, что разминаю их – мою вечную боль, мой позор и источник неутолимого зуда. Если я не полетаю в ближайшие несколько дней, то почти наверняка сойду с ума. Я должен «пробовать небо» хотя бы раз в месяц, а иначе зуд становится таким давящим, что заглушает все остальное. Это мое проклятье, а вовсе не «дорога к небу», как пыталась утешать Лавантэ. Как-то в детстве я даже всерьез пытался их отрезать ножницами, а потом и отпилить. И оба раза их спасали, когда начинала течь кровь и я терял сознание.

Мои крылья даже выглядели как-то ущербно – тощие и костистые, неопределенного воробьиного цвета, а перья свалявшиеся (видимо, от долгого пребывания под рубашкой) и всклокоченные. Возможно, если бы они действительно были роскошные и белоснежные, как в Маритиных сказках, а не серые и задрипанные, я бы меньше их стыдился.

– Крылатый, – потрясенно выдохнул Фикс. – Ты не горбатый, ты – крылатый?!

Марита в явном ступоре отшагнула назад.

– Получеловек-полуптица, – проговорила она замороженно, – я думала, их уже не осталось. А ты есть. Вы есть?!

– Я остался последний в гнезде, – прошептал я. Сейчас я чувствовал себя почти голым и до крайности уязвимым. – Я выжил, потому что прятался. Я всю жизнь прятался, зачем же вам понадобилось выгонять меня на поверхность?!

– Лучше знать, – упрямо качнула головой Марита. Кажется, она уже немного пришла в себя. Я заметил, что женщины вообще намного гибче. – Ты же наш друг. Мы имели право знать.

Я закрыл глаза. Сейчас мне больше всего хотелось одного – уснуть и оставить все как есть, а там будь что будет.

Через пару мгновений я ощутил прохладную ладонь Мариты на своем лбу. Ее рука была не только красивой по форме, но и очень нежной на ощупь.

Даже не верилось, что Марита долгое время выполняла деревенскую работу.

Может, приехала в Сирилову деревню незадолго до Фикса?

Глава 7

После того как кровь остановили и рану перевязали (а прошло с тех пор два дня, из которых один я полностью проспал), я страдал не столько от боли, сколько от зябкости и какой-то слабости. И эта слабость оказалась весьма коварной – будто мраморной плитой прижимала меня к постели.

Через день после ранения, когда я только очнулся от своего затянувшегося сна, Марита дала мне какое-то странное лекарство – белое, мелкое и круглое – и стакан воды, чтобы запить. Я только собрался спросить, что это и откуда взялось, как перевел взгляд на свои руки – и тут же забыл обо всем прочем.

Точнее, на свои пальцы с непривычно короткими ногтями.

– А что... с моими ногтями? – кое-как выдавил я из себя.

– Ты во сне так дергался, не давал перебинтовать рану и царапался – даже руку Фиксу расцарапал – что я решила их состричь. Признаться, давно уже хотела, еще как только увидела у нас в деревне, – совершенно спокойно сообщила Марита, как будто не видела в этом совершенно ничего особенного.

Мне очень хотелось застонать, но я сдержался. Мужчины-ильхи специально отращивали их как дополнительное оружие, которое могло пригодиться им в рукопашной – я сам видел, как у моего деда ногти на мизинцах завивались чуть ли не кольцами. Я, конечно, не мог позволить себе колец, при моем-то ремесле, но старался соблюсти хотя бы видимость традиций.

И того не сумел, жалкий последыш...

В следующие несколько дней я почти не мог принудить себя поесть, за исключением нескольких ложек бульона в обед, который Марита чуть ли не силой вливала мне в рот. Почему-то во время этих дней слабости я больше всего боялся забыть свое настоящее имя – то, которое дали мне родители. Несколько раз за ночь я даже просыпался в холодном поту, потому что мне казалось – я забыл, как назвала меня мать. Уж не знаю, по какой

причине меня это так волновало, но ведь в моменты подобной слабости мы мыслим не совсем разумно (если вообще не теряем способность мыслить). Вот каковы мои эмоции на самом деле!

Полуптичьи.

Все мои имена и прозвища начинали иногда путаться в голове, вот что опасно.

Главное, не забыть то имя, что я назвал им. Вот смеху-то будет, если я вдруг всё перепутаю и назову настоящее... Через мгновение я уже приходил в себя и поражался, почему меня больше всего тревожит именно это.

А не то, например, что я оказался в зависимости у малознакомых людей на неопределенное время. Или не то, что ответом на мое затянувшееся молчание может стать гнев всеильного канцлера Рудольфо. И что гнев этот точно окажется для меня весьма болезненным...

В одну из ночей я проснулся весь мокрый – хоть рубашку выжимай. Я провел рукой по лбу и поморщился, насколько он липкий.

– Моя сестра всегда немного опасалась выкладывать свои снимки и снимки родных в общий доступ, – заговорил вдруг Фикс откуда-то из тени. Интересно, кто из нас бредит – он или я? – А я считал, что нет ничего страшного открывать миру свои фотки – ведь в них ты запечатлен в прошлом, прошлый ты и, можно сказать, уже не совсем ты... И, кто бы как на них не посмотрел, это не имеет отношения к тебе настоящему, в смысле теперешнему...

– У тебя есть сестра? – глупо спросил я, ведь ясно же было сказано, что есть. Вопрос со снимками и общим доступом (что это вообще?) я решил отложить на потом, когда начну соображать пошустрее.

Фикс приподнялся на локте, и даже в полутьме было видно, что его лицо прояснилось.

– О да! Вот бы вас познакомить! Но она-то осталась там... к счастью, скорее всего. – И почти без паузы добавил: – Не надо было оставлять тебя в кабаке в таком состоянии. Мой косяк.

- Вряд ли бы это что-то изменило, – резонно заметил я. И правда, положила руку на сердце, какой из Фикса воин?

- Может, и изменило бы...

- А я не должен был оскорблять тебя, – не без усилия признал я.

- А, – Фикс легко махнул рукой, – если бы я запоминал, сколько раз меня оскорбили тут, то ходил бы уже вот с такой головой, – он показал руками, с какой огромной головой он бы ходил.

- Фикс, а кто платит за все это? – Я оглядел комнату. Может, она была и не шикарной, но сколько-то стоила, да к тому же и с пропитанием. Мой же основной денежный запас лежал пока нетронутым – по крайней мере до сегодняшнего утра, я проверял. – Мы сколько здесь уже? Пятый день?

- Седьмой, – вздохнул Фикс, – да не парься, у меня были кое-какие сбережения. Ну и тут по вечерам играю, спасибо Марита захватила балалайку. Я ведь почти не тратил... там. – Он снова опрокинулся на подушку, явно готовясь погрузиться в тяжелые воспоминания.

– А это... – я указал на маленький букет подснежников, стоявший в банке с водой на узком подоконнике. – Откуда?..

Фикс снова приподнялся, вглядываясь. А через пару секунд понимающе кивнул:

– Да, здесь ведь подснежники не в Красной книге. Вот она и нарвала их.

– Марита? – переспросил я внезапно севшим голосом.

- А что, кому-то еще в этом местечке есть до нас дело? – хохотнул Фикс, однако как-то невесело. – Она самая, Марита.

И что-то благословенное почудилось мне вдруг в звуках ее имени. Хотя даже не знаю, откуда у меня взялось это слово – «благословенное».

Видно, матушке Лавантэ что-то все же удалось в меня вбить.

– Вот что, надо бы проветрить, – решительно объявил Фикс и легко соскочил с кровати.

Я хотел было возразить, что не надо, ведь он проветривал буквально сегодня утром – однако почти непреодолимая сила слабости (диковинно звучит, верно?) снова подхватила меня, укутала в кокон бездеятельности и поволокла за собой, будто невесомую песчинку на ветру.

Глава 8

– А что, правду говорят, – спросила вдруг утром Марита, придвигая мне на подносе миску бульона, большой кусок сыра и краюху хлеба, – что ильхи поют какую-то прощальную песню, когда кто-то из них умирает?

Несколько дней назад она переехала в нашу комнату – чтобы сподручнее было обо мне заботиться, как сообщил мне Фикс, или же чтобы просто сэкономить, как объяснила она сама. Деньги у нас пока были, да (добавила она), но кто знает, что может случиться завтра? Если тут грабители едва ли не на порогах домов орудуют! (Лица тех, кто меня ограбил, я толком не запомнил из-за крайней степени своего опьянения, и поэтому описать их толком

не смог, но не сомневался: если встречу их снова – сразу же узнаю. У ильхов нюх на кровных врагов.)

Я заметил, что Марита успела купить в городе новое платье – тоже однотонное, но не синее, а светло-сиреневого оттенка, и этот оттенок удивительно подходил к ее глазам. Она сняла косынку и заплела косу, причудливо уложив ее по последнему слову моды.

– Может, поют, а может, и нет, – буркнул я. Мне не хотелось отвечать, вообще не хотелось говорить на эту тему.

Слабость уже пошла на убыль, а силы все прибывали, так что я довольно быстро расправился со всей принесенной едой и даже ощутил ее вкус, впервые за неделю. Я мог сидеть в постели и даже вставать по надобности и уже обходился без утки и помощи Фикса и Мариты, к большому своему облегчению. Еще через неделю-вторую на месте раны останется лишь некрасивый рубленый шрам на спине, у основания левого крыла – еще один в коллекцию моих отметин.

На мне всегда всё заживало как на собаке, или как на ильхе. Такая вот удачная племенная особенность.

– Нет, правда, скажи, – повторила Марита. – Я не от одного человека про это слышала!

– Ну, если слышала – значит, правда, – отрезал я.

– А чем еще отличаются ильхи? – не отставала она. Я почувствовал утомление от ее любопытства – казалось, оно не знает границ, ни личных, ни каких-то еще.

– Ну, они... мы живем дольше, – с большой неохотой, но все-таки ответил я. – И соответственно медленнее стареем.

– Так вот почему ты двигаешься как мальчишка! – вскричала она. – А вы все такие смуглые... – она чуть запнулась, – были?

– Говорили, это от того, что мы живем в горах, ближе к солнцу. Но это было уже так давно, что стало неправдой, – добавил я не без горечи.

– Правда не может стать неправдой! – горячо возразила Марита. Как будто приняла падение моего рода (и даже его вырождение в лице меня) как нечто личное. – И пока ты живешь, твоя семья тоже будет жить.

Я поставил поднос на столик рядом с кроватью, отвернулся к стене и закрыл глаза – беседовать о семье было уже выше сил. Я и с Лавантэ-то не всегда мог о ней поговорить.

– Только не нужно себя жалеть, – посоветовала Марита после паузы. – Поверь, у меня тоже накопились кое-какие счеты к судьбе.

– Ну а мне и вовсе не за что быть ей благодарным, – почти против воли отозвался я.

Марита встала, подбоченилась и, четко выговаривая слова, переспросила:

– Не за что? А вот Сир бы с тобой не согласился. Он бы сказал: можно быть благодарным за то, что тот пожар не застал тебя спящим в постели!

– Я не Сир, – сообщил я, уязвленный таким сравнением (поскольку что-то в тоне и лице Мариты говорило: оно не в мою пользу). Да и вообще нелегко соперничать в глазах женщины с кем-то прекраснотушным, особенно если этот кто-то уже на небесах. (Если Лавантэ права, то только там Сирил и может оказаться по ее логике и представлениям о мире.)

– Да уж вижу! Знаешь, Сирил ни за что бы не стал тратить время на обиды, претензии и счета к судьбе, он бы занялся чем-нибудь более важным, если бы только ему оставили жизнь! А ты, по-моему, только тем и занимаешься, что собираешь эти счета. И потому, видимо, так уверен, что весь мир тебе задолжал!

– Не весь, – счел возможным уточнить я, – а только те, кто отобрали у меня семью.

– Они могли бы отобрать и твою жизнь!

– А, ну спасибо, что хоть это оставили! – Я отвесил шутовской поклон, насколько это возможно проделать полулежа. Я и сам не заметил, как тоже начал горячиться – все-таки некоторые женщины просто виртуозно умеют выводить из себя. – Правда, не уверен, что для меня это было лучший вариант. Они оставили меня в живых только для того, чтобы использовать, и получается, ни одного дня я не жил для себя... – Я прикусил язык: да уж, хорош шпион! Взял и чуть не выболтал ей всю подноготную.

В том числе и про дядю Руди.

– Так живи сейчас, – Марита даже топнула ногой в раздражении, – если тебе так уж хочется жить... для *себя*.

«В отличие от Сирила, – словно договаривал ее взгляд, – который жил в основном *не* для себя».

«Ну зато он и прожил недолго, – мог бы возразить я, – а я еще поборюсь. Может, я и не настолько благороден, но уж точно более жизнестойчив».

Однако продолжать этот спор не стал – зачем? Только еще больше выходить из равновесия, а согласия это нам все равно не принесет. Если Марита так любит Сирила, тут я бессилён что-либо изменить, глупо и пытаться. Поэтому я просто пожал плечами и промолчал.

Марита еще некоторое время пофыркала у меня над ухом, но за неимением оппонента спор ей тоже пришлось прекратить. И она, покружив по комнате и бросив напоследок:

«Кстати, больше еду я тебе таскать и не подумаю – и так уж здоров как бык, сам шевелись, если надо», – отправилась на кухню, помогать кухарке.

Благодаря этой помощи она каждый день приносила оттуда корзинку сыра и хлеба, в благодарность от кухарки, а вчера притащила даже часть настоящего окорока, и мы знатно поужинали.

Она вернулась в комнату поздно вечером, когда Фикс уже дрых на своей деревянной скамье, на которую хозяйка для мягкости подложила пару тощих перин да пару подушек. Видимо, Марита решила, что я тоже сплю, и начала переодеваться, повернувшись лицом к кровати (я уступил свое место ей, а сам перебрался на узкий топчан, также снабженный периной и стоявший у самого окна, – рана в спине почти уже не беспокоила, лишь иногда зудела или начинала ныть). Я не собирался подглядывать, но все же невольно успел отметить, что под платьем ее нижняя туника, котт, украшена тонкой вязью вышивки. Сразу видно, делала мастерица... Видимо, сама же Марита? Ее простые туфли без каблука, хотя и были сработаны грубее моих сапог-пигашей, все равно смотрелись на редкость изящно – может, благодаря узким носкам?

Ночью Марита спала беспокойно – видимо, разговор о Сириле вызвал у нее горькие воспоминания, и снилось ей нечто тревожное. Она без конца возилась и вертелась на кровати буквально в трех шагах от меня, и от этого я тоже не мог уснуть (Фиксу-то было все равно – он отрубался, едва коснувшись головой подушки). Наконец я приподнялся и сел на топчане, собираясь пойти выпить воды, и как раз в этот момент Марита снова повернулась набок. Одеяло сползло с ее плеча, открыв половину обнаженной спины, и я уже не смог отвести от нее взгляда.

Даже едва сдержал удивленный возглас.

Во-первых, спина была нежно-молочного цвета, как будто вовсе никогда не открывалась солнечным лучам. А во-вторых, левая лопатка оказалась исчерчена несколькими знаками – то ли оберегами, то ли еще чем. Но не языками пламени и не лепестками подсолнуха, а какими-то пересекающимися овалами.

Я припомнил слова Лавантэ о том, что расписывать свое тело непонятными символами может быть и глупо, и чревато. «Возможно, ты сам хорошенько не поймешь, что этот символ означает и с чем связан, – объясняла она, – так что не торопись совершать необратимых поступков».

Будто почувствовав даже сквозь сон мой взгляд, Марита зашевелилась, повернулась снова на спину и потянула на себя одеяло, тут же закутавшись и завернувшись в него, как в кокон.

Кстати, вдруг подумал я, хорошо, что мы встретились с Маритой в начале осени. В принципе хорошо, что сейчас осень – в это время года я бываю в лучшей форме, чем обычно. Да и просто – здорово, что осень.

Люблю ее.

Когда я на следующее утро обмолвился об этом Марите, она кривовато улыбнулась (которая должна была, очевидно, символизировать примирение):

– Ну хоть что-то тебе по душе.

Глава 9

- Ну вот, снова продул, – Фикс с досадой отбросил свои уже бесполезные игральные кости. Он одолжил их на вечер у постояльца из соседнего номера и единственного, кроме нас, обитателя второго этажа – неразговорчивого седоволосого старика, взамен на пару медных рифов, специально чтобы потренироваться в этой ставшей популярной в последнее время вуперийской игре. (А вуперийцы в свою очередь позаимствовали ее когда-то у мириконцев и существенно видоизменили.)

Мы с Маритой не возражали – почему бы не скоротать вечер за игрой, если делать все равно особо нечего.

После первых раундов, несколько раз проиграв и наконец кое-как разобравшись в правилах, Фикс настоял, чтобы мы сыграли на что-нибудь ценное – так, мол, интереснее. И вот снова продул.

- И когда я только научусь, а?

- Продуешь еще пару раз и научишься соображать быстрее, – пообещала Марита с довольным видом. В этом раунде победила она, ну а я по крайней мере не проиграл. – Ну что ты там ставил, давай.

- Свою балалайку, – мрачно отозвался Фикс. – И как я, интересно, буду теперь зарабатывать на жизнь? – Сам виноват: нашел тоже, что ставить на кон.

- Ничего, отыграешься, – попытался ободрить его я.

- Когда, через год?

- Не нужна мне твоя балалайка, успокойся, – великодушно объявила Марита. – К тому же у тебя ведь имеется и другое сокровище, верно?

- Денег у меня не так уж много, да и мы вроде играли на вещи...
- Я не про деньги.
- А про что же? – Фикс удивленно на нее уставился.
- А про то, что из твоей-то сумки пахнет чем-то вкусным, – Марита сделала вид, что принялась. – Неужели шоколадом?
- Точно, – восторженно Фикс, – я и забыл! – И полез в свою наплечную сумку, валявшуюся тут же на его скамье (играть мы расположились на полу). Покопался в ней, а затем вытащил целую горсть шоколадных конфет и вывалил их тут же, рядом с костями, будто это была какая-то безделушка.

На красочных упаковках было что-то написано на неизвестном мне языке. Я даже и приблизительно затруднился бы сказать, в какой стороне света так пишут.

И Марита была права – это же настоящее сокровище!

- Неравноценный обмен, – не мог не предупредить я его. Марита сделала мне страшные глаза, но я притворился, будто не заметил. – На это ты можешь купить себе хоть сто балалаек. Если не больше.
- Да? – Фикс удивленно почесал в затылке. – А я их съесть как-нибудь с чайком собирался. И всех угостить. Еще там, в деревне, просто хотел дождаться Нового года – вроде как сделать небольшие гостинцы...
- Съесть? – я пораженно на него уставился. Это было все равно что намереваться сожрать кошелек с золотыми руфами. В смысле, сожрать вместе с руфами.
- Ну да, не любоваться же, – Фикс в свою очередь удивленно на меня глянул. – Для этого ведь и существуют сладости. Ты что, никогда в жизни не ел конфет?
- Почему, ел, – возразил я несколько уязвлено. – В детстве, мне Лавантэ давала. Два раза, – уточнил я для большего эффекта.

Я не стал добавлять, что остальным детям – воспитанникам и послушникам – досталось тогда лишь по одной дольке карейтской шоколадной плитки, а со мной Лавантэ поделила свою порцию угощения, присланного от королевы-матери. Я хотел было отказаться от ее доли, однако искушению оказалось уж слишком велико.

К тому же Лавантэ мне объяснила, что некрасиво отказываться от подарков и угощений, сделанных от чистой души – это обидно для дарителя. С тех пор я, кстати, никогда и не отказывался от подарков, даже если из соображений безопасности не ел и не открывал их. Лавантэ вызвала меня к себе вечером, после заката, когда другие дети по идее уже должны были спать.

Однако одна из девочек – Востроножка (ее имя стерлось из памяти, запомнилось лишь это прозвище) все равно как-то про это прознала. И уже на следующее утро дети придумали мне новое прозвище – Любимчик (до этого звали Дикарем). И, право слово, «Дикарь» был намного лучше. А этот нелепый «Любимчик» просто намертво ко мне приклеился – и надолго, до самого моего отъезда, как я с ним ни боролся, даже пытаюсь порой идти на конфликт с самой Лавантэ.

Впрочем, глупо сейчас вытаскивать на свет старые истории, которые давно уже отыграли и отболели свое.

– А, это существенно меняет дело, – улыбнулся до ушей Фикс. – Кстати, а почему они стоят тут так баснословно дорого?

- Ты что, не знаешь? – удивилась Эрика. – Я думала, все знают.

- Ну я слышал что-то краем уха, но запомнил... Не напомнишь?

- Раньше-то они стоили намного дешевле, – принялась объяснять она, – но вот незадача – в ханстве Карейт за Славским морем, где только и растут какао-бобы, после гибели на охоте последнего и бездетного хана идет гражданская война. Два его брата – родной и двоюродный – уже третий год борются за власть над большой и богатой землей, и тамошняя столица Грог попеременно переходит из одних рук в другие, так что теперь купцы ездят туда за шоколадом с большим риском для жизни. Ну а за риск всегда приходится доплачивать, верно?

- Верно, – кивнул Фикс. – Ну, налетай! – И сам же, подхватив одну из конфет и сорвав упаковку, в один присест ее проглотил.

И я, будто под гипнозом, последовал его примеру. Медленно взял лежавшую ближе всего ко мне конфету и развернул бумажку, в которую она была завернута. Поднес ее к носу, чтобы как следует посмаковать, а потом не удержался и отправил в рот.

Сладость сразу же начала буквально таять на языке. Судя по вкусовым ощущениям, это был самый настоящий какао-шоколад – будто прямоком из Карейта! И, главное, конфет на полу лежало еще около двадцати, нереально дорогих и волшебных вкусных. Вот так богатство! Откуда?..

Я так и спросил. Фикс ответил с полным ртом, еще толком не прожевав:

– Ну, я когда-то купил. Раньше, очень давно, я и забыл о них. – *Забыл?! –* Вот они и завалялись в моем рюкзаке. Который захватила Марита. Я ведь в каком-то ступоре был после пожара и совсем не думал о вещах... – Нам-то уж мог бы и не рассказывать. – В общем, спасибо, Рита. Это всё по правде твое. В смысле, оставшееся.

- Обращайтесь, – меланхолично отозвалась Марита, крутя свою конфету в пальцах и будто не решаясь ее попробовать.

- Где ты сумел закупить столько, и на какие средства? – поинтересовался я. – Ты что, богач?

- Нет, – Фикс даже хохотнул над этим предположением. – Какой я богач? Просто они раньше дешево стоили.

- До войны в Карейте они стоили дешевле, – кивнула Марита, – и все равно были дорогущими.

- Ну, намного раньше, задолго до войны! Я тогда еще маленький был, и даже не я купил, а родители, по моей просьбе...

- Так это твое наследство? – уточнила Марита. – Но они такие мягкие...– Она все еще вертела конфету в руке, не решаясь развернуть обертку.

- Да, неплохо сохранились, – кивнул Фикс. – Главное, раньше-то я их особо не ел, так, по случаю. А сейчас прямо соскучился по сладкому, здесь его жуть как не хватает...

- Рой прав, – еще больше погрузилась Марита, – это целое состояние, и к тому же твое наследство. С моей стороны было бы просто грабительством взять их...

- Ну и не смотреть же на них, – засмеялся Фикс, – берите, ешьте! Всего осталось пятнадцать, так что всем как раз получится по пять. Дашь пять, в общем!

Мы с Маритой не заставили себя долго упрашивать и проворно взяли свои порции. Не знаю, как Марита, а уж я-то не спущу свою бездарно.

Не в нужник, по крайней мере.

Конечно, сложно было удержаться и не съесть всё сразу по примеру Фикса, приканчивавшего уже третью конфету, особенно после того как я и сам распробовал одну.

Но шпион без самообладания засыплется на первом же задании, так что с самоконтролем дела у меня обстояли нормально.

Как правило.

– Эх, жаль, что там не завалилось немножко кофе в зернах... Конечно, чай тут ничего, но как бы мне хотелось сварить для вас настоящий кофе, – вздохнул Фикс. – С туркой, молоком, ванилью и без сахара – все как я люблю...

И хотел я не все слова понял, вид у него был при этом такой мечтательный, что невольно верилось: это действительно вкусно.

– А у нас на кухне был такой мягкий угловой диванчик, – продолжал Фикс, прищурившись, будто разглядывая что-то вдаль, – я любил сидеть там по утрам, с чашкой кофе и бутербродом, и смотреть вниз, на дорогу с пятнадцатого этажа...

– Пятнадцатого? – переспросил я. Сложно было даже вообразить такую махину. Марита же только хихикнула, предположив, видимо, что речь идет о какой-то нашей старой шутке.

– Ага. Высоковато даже для тебя?

– Для меня нормально, – отрезал я. – А вот ты на такую высоту точно не заберешься...

– А я думаю, вам бы понравилось в моем мире, – продолжал свою болтовню Фикс.

– В каком это твоём? – вставила с удивлением Марита, перестав улыбаться. Ну да, она-то его идею о междумирье слышала впервые. Кстати, она так и не развернула свою конфету, и таким образом их становилось у нее шесть.

– Ну, как бы в другом.

- Во сне, что ли?

- В каком-то смысле да... – протянул Фикс, глядя куда-то мимо нас.

- Мне и здесь неплохо, – заметил я.

- А там ты бы вообще произвел фурор! Если бы, конечно, тебя не загребли в какой-нибудь цирк или, еще хуже, на исследования... Да шучу я, расслабься, – рассмеялся Фикс, будто выдал невесть какую смешную шутку, – я бы не позволил забрать тебя в цирк... А знаешь, на самом деле я понял, что не так важно где, и даже не так важно когда – главное, как здорово просто жить! – Последнее слово Фикс почти прокричал и с размаху хлопнул меня по плечу, а точнее, по сложенным крыльям. Я машинально отодвинулся и нахмурился.

- Извини, я и забыл о твоих личных границах, – Фикс подмигнул, – как-то забывается о границах, когда пару-тройку дней выносишь утки.

- Ты для того выносил, чтобы потом напоминать? – раздраженно огрызнулся я.

- Все, больше не буду, – он примиряюще поднял руки, однако усмехаться не перестал. Я демонстративно отвернулся, только чтобы не видеть эту ухмыляющуюся рожу. И, обратив взгляд к Марите, заметил, что она тоже снова улыбается, очевидно приняв слова Фикса за безобидную досужую выдумку, – однако ее-то улыбка ничуть не раздражала и даже удивительно ей шла...

Глава 10

– Много бы я дал сейчас хотя бы один глоток кофе, – пробормотал Фикс утром, сонно протирая глаза. Вчера вечером он решил выступить на первом этаже трактира – как

уверял, не из-за денег, а чтобы не потерять квалификацию, и даже имел некоторый успех, по крайней мере медяков ему в шапку накидали достаточно. Так печально и жалостливо тянул он некоторые из своих баллад. – Хотя бы растворимый... – И затянул вполголоса, будто вчера еще не навыступался:

Как бы крепко ни спали мы,

Нам подниматься первыми,

Лишь только рассвет забрызжет

В серой, весенней дали...

- Кофе нет, но зато сегодня мы завтракаем яичницей, – весело отозвалась Марита, когда он замолчал, будто споткнувшись, – так что не вешай нос, трубадур.

- Да? – слегка оживился Фикс. – О, яичницу я люблю!

Как оказалось, вчера кухарка отдала Марите несколько яиц из тех, что снесла вчера хозяйская несушка в сарае неподалеку от трактира, в благодарность за помощь при готовке. И Марита приготовила их по своей «особенной» методе, с добавлением каких-то травок. И действительно, получилось неплохо, хотя я и не смог разобраться, чем именно она приправила это скромное блюдо. Даже Фикс немного взбодрился, по крайней мере зевать во весь рот перестал.

А сразу после завтрака, когда Марита снова отправилась на кухню, он в своем углу комнаты склонился над тазиком с водой. Я даже подумал сначала, что его тошнит.

- Все нормально?

Фикс выплюнул жидкость, которой полоскал рот, выпрямился и развернулся. Его рот оказался перепачкан измельченным мелом, а в руке он держал деревянную палочку, на которой крепился пучок из конского волоса.

– Вот чучело, – прокомментировал я.

– Да, мне приходится следить за полостью рта, – не без достоинства заявил Фикс, – и что с того? Тут даже нормальной зубной пасты нет, кроме какой-то травяной, не говоря уж о дантистах. И не всем, знаешь, повезло с природой, как тебе. И мне не хотелось бы однажды лишиться вдруг половины зубов или благоухать дыханием... Хорошо хоть яблок пока хватает.

– Ты можешь лишиться зубов и другим способом – в драке, – кратко заметил я, решив оставить без внимания на его заикленность на запахах. Можно подумать, других проблем в его жизни нет. – Давай, заканчивай с этим и собирайся. Для тебя есть важное дело.

- Какое дело? – Фикс вытер рот рукой, так что теперь и рука побелела от мела.

- Я же сказал – важное.

Может, тут я слегка преувеличил, но лично для меня дело и правда являлось весьма значимым. А заключалось оно в том, что была уже середина осени, а значит, вновь возникла неизбежная необходимость написать послание для Лавантэ.

Что писать? – это был мой самый острый вопрос в середине осени и в середине весны, так что за несколько дней я изводил довольно много дорогого пергамента.

И каждый раз это казалось настоящей пыткой.

Пренебречь этой обязанностью было нельзя: перед моим отправлением в мир Лавантэ взяла с меня самое честное и твердое слово писать ей каждые полгода о себе и отправлять послания в монастырь.

«Пусть не срок в срок, но я буду по крайней мере знать, что весточка от тебя рано или поздно дойдет», – объяснила она перед расставанием. И каждый раз я по многу часов ломал голову, выискивая слова – правдивые и вместе с тем осторожные (ведь неосторожные, как известно, никак нельзя доверить бумаге).

Вторая часть письма, посвященная вопросам, давалась мне несравненно легче. Знай только спрашивай – как дела, да как здоровье, да как урожай, да как сестры-монахини, да что нового слышно (в монастыре обычно узнавали все придворные новости и вести с далеких сторон чуть ли не первыми, будто из первых рук). Как раз умещалось на полсвечка. А вот над тем, что рассказывать о себе, я каждый раз мучительно раздумывал. Ведь похвастаться-то мне было решительно нечем.

Сейчас, правда, появились кое-какие свежие новости – я на пути к тому, чтобы лишиться работы и превратиться уже в полноценного скитальца. Однако едва ли матушку это особенно порадует. Скорее наоборот, она встревожится и примется придумывать варианты моей судьбы один другого хуже. А то и вовсе снарядит кого-нибудь на поиски. Как ни мучительны были мои сочинительства в прошлые годы, теперь я просто всю голову сломал: как бы так описать события, чтобы и ее не встревожить, и не соврать? (Никогда не врать ей в главном – это было второе обещание, которое Лавантэ выбила у меня перед расставанием.)

Что писать?

Хвалиться особо нечем, рассказывать правду нельзя, а обижать Лавантэ сухими отписками или молчанием тоже не годится, даже без учета данного слова. Она все-таки старалась, действительно старалась для меня и делала что могла.

И, возможно, сделала больше, чем все другие мои знакомые вместе взятые.

В общем, на этот раз старый вопрос «что писать» предстал передо мной особенно острым и неразрешимым. Я начал продумывать текст послания еще находясь в постели, в дни своей слабости. «Выброси все лишние и ненужные слова, – на исходе третьей ночи, когда я уже почти полностью окреп, донесся до меня голос Лавантэ из прошлого. Совет, который она дала, когда я еще только постигал науку соединять слова. – И тогда то, что останется, будет верным». Я внял этому старому совету, использовал всю свойственную мне изворотливость, и в итоге после пары полусонных ночей переписал письмо на чистовик. Я надеялся, оно не слишком встревожит матушку, а что до разочарований, то я уже, кажется, переступил все известные рубежи.

И в итоге первая, самая значимая и сложная часть получилось такой:

«Добрый день, матушка, желаю вам здравствовать!

В моей жизни кое-что изменилось, но определенные изменения, я считаю, иногда даже необходимы. Я оставил свою прежнюю работу и решил путешествовать, чтобы лучше узнать страны Содружества, и познакомился с новыми людьми. В данный момент я нахожу свою жизнь вполне интересной».

И дальше, как обычно – как дела, как здоровье, как урожай, как сестры-монахини и что нового слышно...

Запечатав письмо каплей воска, я написал адрес: «Княжество Вильсия, Обиньенская обитель, настоятельнице в руки». Себя в качестве отправителя я, конечно же, не указал. Никогда не указывал.

Добравшись до одинокого почтового ящика, стоявшего на отдалении от городка у крупного пересечения дорог (я заметил его, еще когда мы подъезжали к Колину), я спешился и подошел к большому синему ящику.

Я отправлял свои письма именно в это время, потому что два раза в год – в последний месяц осени и в последний месяц весны – представители международной почтовой службы с центром в Славии (ее учредил еще король Люксен, разлученный в свое время с невестой, дабы и другие разлученные влюбленные, родственники и друзья не теряли окончательной связи) проводили вскрытие всех почтовых ящиков, указанных в их реестрах, и развозили письма по указанным адресам. И этот Колерский почтовый ящик тоже был в реестре – я разглядел полустертые от дождя цифры, начертанные выцветшей киноварью.

– Слушай, Рой, а зачем столько предосторожностей? – прервал наконец молчание Фикс, наблюдая, как я пропихиваю плотный запечатанный сверток в узкое горлышко ящика. Я

специально взял его с собой, чтобы смотрел по сторонам и предупреждал о возможных прохожих или же всадниках. – Ты что, хочешь связаться с какой-то вельможной особой? – С настоятельницей монастыря, где я воспитывался, – буркнул я. И зачем-то уточнил: – До двенадцати. – Отвечать не особенно хотелось, но ведь в противном случае он мог навоображать с три короба и потом наплести что-нибудь нелепое Марите.

– Да, в мое время связываться было намного проще... – Фикс резко замолчал, будто оборвав себя. – А почему ты не хочешь ее лично повидать?

Только таких вопросов от него и можно ожидать – непродуманных и глупых. Вообще если бы люди давали себе труд подумать, прежде чем спрашивать, вопросы звучали бы гораздо реже.

– Опасно и незачем, – кратко ответил я.

– Кому опасно – тебе или ей?

– Всем. Может, поджигатели все еще у нас на хвосте.

Фикс сразу же померк и замолчал. А я наконец пропихнул сверток в ящик и, снова оседлав Мартышку, сделал ему знак отправляться.

И всю недолгую обратную дорогу я вспоминал о годах, проведенных в стенах монастыря. Поскольку почти все монахини относились ко мне почти по-родственному (а мать-настоятельница Лавантэ – даже вдвойне), к религии я относился вполне терпимо. Даже с некоторым теплым чувством, поскольку это напоминало мне о детских годах, проведенных за толстыми укрепленными стенами монастыря, о его клумбах и грядках, на которых я провел много времени, о запахах еды из трапезной, о видах, открывающихся с колокольни, о теплых руках настоятельницы, когда изредка она трепала меня по плечу или волосам (как мне сейчас представляется, она была тогда молода – едва ли больше тридцати).

И еще книги. Даже в первую очередь книги. Я ведь с детства привык к книжному запаху. Надо сказать, в изобилии книги хранились лишь в монастырях (кому как не мне знать) и в королевском дворце, а в других местах их днем с огнем не сыщешь.

Уж не говоря о таких редких манускриптах, как книги, посвященные животным и уходу за ними. Я даже не уверен, чтобы у Рудольфо их было больше двух-трех.

И, кстати, вот за что я был до сих пор благодарен Лавантэ и даже простил ее за ту легкость, с которой она меня отдала «летучему отряду» канцлера, – за эти полки и даже целые подвалы, открытые для тех, кто знает монастырские подземелья как свои пять пальцев и умеет искать, и набитые книгами.

Пожалуй, книги были моими единственными друзьями в детстве, с тех самых пор, как

Лавантэ, поддавшись внезапному порыву, поручила своей помощнице Регине обучить грамоте дикого косматого и тощего карапуза, которого уже успели прозвать Дичком (к тому времени я уже научился не плакать).

И до сих пор от запаха отсыревшего пергамента у меня слегка кружилась голова – из-за предвкушения путешествия в другой, волшебный мир, которое можно начать в любой момент, стоит лишь открыть первую страницу. Да, за эту библиотеку я многое мог простить даже самой строгой монахини-воспитательнице – старой Эльге – и если не полюбить ее, то хотя бы проникнуться расположением.

Однако когда я поделился с Фиксом этим, без сомнения, своей лучшим воспоминанием детства и своей неслыханной удачей, он не разделил моего восторга:

– Эх, в каких же условиях тут содержатся книги. Сколько бесценных текстов пропадет...

Может, как-нибудь заехать туда и вывести хотя бы самое редкое?

В общем, так ничего и не понял, дурень.

Я только сказал:

– Говорю же: если бы я мог свободно туда ездить, то не посылал бы писем.

- А-а, - протянул Фикс и наконец замолчал.

Разорвать раз и навсегда все связи с монастырем и матушкой Лавантэ – это было самое первое требование канцлера (тогда еще не верховного), когда я поступил к нему в услужение.

У разведчиков короля, как убедительно объявил он, не может быть иного дела и цели в жизни, кроме службы королю. И значит, не должно быть никаких родственных, дружеских и прочих связей и никакого постоянного дома, а уж тем более родного. (Только потом я понял, что он даже воспоминание о том, что у меня когда-то был родной дом, точнее гнездо, пытался выкорчевать из моей души.)

Стыдно признаться даже себе, но я не сдержал эту клятву. Пожалуй, никто из людей не был мне так близок, как Лавантэ – насколько вообще я мог бы сойтись с человеком. Поэтому я и не сумел себя пересилить, хотя и сделал все возможное и даже свел нашу коммуникацию к самому минимуму – всего лишь посылал весть о себе дважды в год (это была одностороннее сообщение).

Я успокаивал себя тем, что матушка Лавантэ взяла с меня слово писать раньше, чем дядя Руди выбил клятву. Очевидно, он все же что-то подозревал, поскольку однажды обмолвился: если прознает про мое сообщение с «монастырскими» (а он прознает!),

заплатить за это придется не только мне, но и *им*. И его предупреждение держало меня хуже всякой клятвы.

Так я и жил – скитался по чужим землям, а в редких перерывах между заданиями жил в рабочем крыле королевского замка в Руфине, на этаже для слуг и под рукой у верховного канцлера. Хотя сам Руфин, столица Славии, несмотря на всю его красоту и блеск мне никогда особенно не нравилась. С того самого первого дня, как меня, 12-летнего юнца, привезли туда ночью, неожиданно выдернув из-под крыла матушки Лавантэ. Может, если бы я провел в монастыре чуть больше времени, из меня бы и вышло что-нибудь путное? Я сомневался, конечно, но такая вероятность все же имелась... «Не положено держать мальчишку старше 12 лет в женском монастыре, – только и ответил тогда дядюшка на все мои обвинения в тот единственный раз, когда меня все же прорвало и высказал все, что скопилось на душе. – Как бы ты себе это представлял? Поползли бы нежелательные слухи. Кто такой да почему скрывается. Нет, об этом даже речи быть не могло!»

Однако Фиксу всё это знать совершенно необязательно – да и непросто было бы объяснить. - Надеюсь, Лавантэ простит, что я написал так немного, – немного забывшись, пробормотал я вслух.

– Не знаю насчет Лавантэ, но многие женщины не могут простить, – немедленно отозвался Фикс, – если не занимают все твоё время, мысли и усилия. Хотя вот Марита, например, не такая. – Он сказал это так просто, будто все уже заранее про нее обдумал. Да и вообще, при чем тут Марита? Вот о ком, выходит, все его мысли!

– Ты любишь ее? – спросил я несколько дергано, но зато напрямую. И вдруг вспомнилось чуть заметное родимое пятнышко над ее левой бровью, которое мне в последнее время все чаще хотелось поцеловать.

Если Фикс и удивился этому вопросу, то вида не подал.

– Я отношусь к Марите как сестре, – твердо ответил он, не отводя взгляда. И, подумав, добавил: – Но что-то в ней меня тревожит... не могу объяснить хорошенько...

- Вот и не надо, – перебил я его.

Я и сам хорошенько не разобрался в чувствах к ней, поэтому в этом разговоре чувствовал себя на редкость неловко и уязвимо. Признаться, всю жизнь я опасался слишком уж целеустремленных женщин. Во-первых, потому что никогда не угадаешь точно, к чему они стремятся, что бы они не говорили. Во-вторых, потому что в связи с этим не знаешь до конца, что можно от них ожидать. Ну и в-третьих, мне никак не мог подобрать верный тон, как с ними держаться. Несмотря на все усилия, я чувствовал, что все равно фальшивлю –

видимо, от той же неуверенности. Марита была целеустремленной, этого у нее не отнять, но при этом, как ни удивительно, умела быть и нежной, и даже мягкой.

– А я, если честно, – снова заговорил Фикс, – так до конца и не смог привыкнуть к здешней... ну, к здешним запахам. Но быстро понял, что уговаривать кого-то чаще мыться бесполезно, а иногда и опасно. Хотя есть же в городах общественные бани! Я даже в Колере видел одну...

Я был бы не прочь ходить в общественные бани, если бы не изъян, который мне приходилось скрывать.

– Хочешь сказать, что все вокруг воняют, и я тоже? – сухо перебил его я.

– Нет, что ты, – поспешно возразил Фикс, – я вовсе не хотел тебя обидеть. И, кстати, от тебя не пахнет так, как от других, хотя я еще ни разу не видел, чтобы ты пошел мыться.

– Зато ты только и делаешь, что моешься, – пробормотал я. Его слова задели меня сильнее, чем можно было ожидать. «Не пахнет так, как от других». Надо же. С таким носом ему следовало бы родиться в каком-нибудь замке.

– Зря я вообще завел этот дурацкий разговор... такое время, такие обычаи. – Он втянул голову в плечи и попросил: – Не бери в голову.

А я-то еще думал, что в монастыре заведено мыться слишком часто – раз в неделю. Да, на Фикса монахини никакой воды не напаслись бы – просто не успевали бы приносить ее из речки.

Подумав еще над этим вопросом, я решил этим же вечером, когда стемнеет, пойти на речку с бруском мыла и помыться в холодной проточной воде. Не то чтобы меня так озаботило обоняние Фикса – скорее ощущения Мариты. Ведь если она тоже моется часто (а пахла она всегда свежестью – возможно, еще и поэтому казалась мне такой необычной), то наверняка обладает, как и Фикс, повышенной чувствительностью к запахам. А мне бы меньше всего на свете хотелось доставлять ей какой-либо дискомфорт...

Глава 11

Катастрофа разразилась, когда мы вернулись.

Разразилась довольно быстро, я бы даже сказал – молниеносно. Еще утром, до нашей поездки к почтовому ящику, Марита была спокойна и невозмутима, а тут вдруг – бац, и все пошло наперекосяк.

Когда я вошел в нашу комнату (Фикс задержался возле конюшни: сам вдруг вознамерился задать корму нашим лошадям, хотя все эти дни за ними ухаживал хозяйский слуга – за

отдельную, разумеется, плату), Марита уже упаковывала немногие свои вещи, а на ее щеках виднелись две влажные дорожки.

Плачущая Марита – от этого зрелища я буквально остолбенел.

Ведь даже увидев тогда пепелище, она позволила себе всего лишь несколько слезинок, да и то почти украдкой, тайком, а тут...

Она подняла на меня покрасневшее лицо, неловко провела по щекам, попыталась выжать ухмылку.

Видно было, что плакать – дело для Мариты непривычное, потому и выходило у нее как-то скомканно и сдавленно, совсем не напоказ. То есть она не использовала свои слезы как оружие, чем частенько злоупотребляют женщины, а искренне и прямо горевала, почти не скрываясь на этот раз.

Или, может, просто больше не имела силы скрываться?

Поначалу я даже не понял, что послужило к этому поводом. Причину-то я, конечно, знал – тщательно подавляемая все эти дни скорбь по сгоревшей деревне, односельчанам, друзьям и кузену. И по Сирилу с Селеной, разумеется, как самым близким друзьям. А когда носишь на сердце такой тяжкий груз, рано или поздно боль прорвется – и чем старательнее она подавляется, тем с большей силой.

Для этого достаточно любого пустяка – неосторожного слова или просто взгляда на предмет, рождающий нежданные воспоминания. Однако сейчас я долго не мог добиться от Мариты вразумительного ответа, что послужило спусковым механизмом, хотя несколько раз спросил у нее как умел мягко и по-доброму:

- Что случилось?

- Ничего такого, – Марита снова попыталась усмехнуться и снова безуспешно, - просто я должна сейчас уехать. – Она вдруг бросила собирать вещи и села, уронив руки, на кровать, которую я уступил ей.

Я осторожно приблизился к ней, неловко дотронулся до плеча.

До того самого, под которым начертана какая-то надпись...

Моя рука против воли дрогнула, а Марита вскочила и, вытерев лицо, как будто снова собой овладела.

И став почти прежней собранной Маритой (лишь покрасневшие глаза и нос выдавали недавнюю бурю), она объяснила мне и зашедшему в комнату Фиксу:

– Я получила одно важное и срочное известие и должна немедленно отбыть.

– А что за известие? – спросил Фикс немного растерянно.

– Я не могу сказать, – Марита на секунду отвела взгляд, но тут же добавила словно бы в оправдание: – Это не моя тайна, и потому я не могу ее открыть. Не обижайтесь.

– Ну что ты, – грустно кивнул Фикс, – мы понимаем. – Лично я терпеть не могу, когда говорят от моего имени. Лично я вообще-то мало что понимал. – Езжай, конечно, если нужно. Ты же вернешься? В смысле, мы еще встретимся?

Марита снова отвела глаза, что в принципе не очень сочеталось с ее прямым и открытым характером. Какая же, интересно, чужая важная тайна здесь замешана?

– Я надеюсь, – наконец выговорила она мягко и протянула руку Фиксу. Тот немедленно ее пожал. – То есть, я хотела сказать – не сомневаюсь...

Несмотря на ее сбивчивые речи, я до последнего не верил, что за час она соберется и ускачет куда-то одна. Однако Марита на то и была Марита, что разгадать алгоритм ее поведения не представлялось возможным – и именно так она и поступила. Взяла и ускакала.

Одна мысль пришла мне в голову почти сразу же после ее отъезда: уж не от дядюшки Руди ли она получила свое «срочное» задание?

И, если на то пошло, не она ли его второй, запасной шпион?

Или даже основной первый, если Марита как-то замешана в произошедшем с деревней Сирила...

Хотя думать об этом было тяжело, но что мы, по большому счету, о ней знали, кроме якобы родственных связей с Мартином, подлинность которых уже не установить?

Лично я – только то, что Марита сама сочла нужным о себе рассказать. То есть почти ничего – она упомянула лишь о том, что у нее имеются кое-какие претензии к судьбе.

Ну что же, это объяснимо: в шпионы мало кто пойдет от хорошей жизни...

Однако делиться с Фиксом своими сомнениями было по меньшей мере преждевременно, если вообще уместно.

И интересно, что в тот же день, уже после отъезда (или бегства) Мариты я получил срочное послание.

После обеда, когда я только поднялся из-за стола, ко мне подбежал худой черноволосый мальчишка, чем-то похожий на меня в детстве. Я узнал его – это был посыльный хозяйки трактира, помощник на все руки, ухаживающий в том числе и за нашими лошадьми (теперь – за оставшимися двумя). Может, ее внебрачный сын, хотя и не слишком похож? У меня не было времени как следует подумать над этим вопросом – мальчишка вручил мне какой-то сверток, потоптался рядом, получил свой медяк и исчез.

Я медленно развернул сверток, не ожидая ничего особенно хорошего. И интуиция меня не подвела – внутри оказалось послание от дяди Руди.

В котором он приказывал мне немедленно, бросив все дела, возвращаться в Руфин.

И тон его письма не оставлял сомнений: если я ослушаюсь приказания, это будет приравнено к государственной измене. Но оставался еще один вопрос: откуда дядя Руди узнал, что мы остановились именно в этом местечке, в этом трактире? Кто ему доложил с такой точностью? Еще один камешек подозрений в огород Мариты, как бы мне ни хотелось даже себе это признавать.

- Вот что, надо уже выбираться отсюда, – сказал я Фиксу, когда он, пропев очередную балладу и шумно дыша, опустил на противоположный стул за столом.

Сегодня публика в «Серебряке» была настроена весьма благодушна, и в итоге в шапке у Фикса оказалось даже больше монет, чем вчера (а среди них проглянул и одинокий серебряный рофик).

Мы пришли сюда в четыре, и я все два часа провел за маленьким столиком в самом углу, не спеша потягивая кружку пива. Напиваться снова в этом месте я не стал бы ни за какие коврижки. (Правда, я уже успел опустошить небольшую фляжку эля, купленную напрямую у трактирной после внезапного отъезда Мариты – но, видимо, из-за потрясения почти не опьянел.) А сидел здесь с единственной целью – проследить, чтобы Фиксову шапку не опустошили (я снова с грустью вспомнил об украденном кошельке).

Было еще только шесть вечера, самое начало посиделок – и провели мы тут побольше времени, думаю, рофиков бы еще прибавилось. Однако ощущение приближающейся опасности, вызванное письмом-предупреждением канцлера, не давало мне спокойно сидеть на месте: я и так уже извертелся, будто на иголках.

- Во, я то же самое хотел предложить! – обрадовался Фикс. – Что нам, на самом деле, тут делать? И так уже задержались, а ты уже совершенно здоров. Может, даже Риту успеем нагнать по дороге, если сейчас выехать?

- По-моему, она ясно дала понять, что хотела уехать в одиночестве.

- Ну а ты куда ехать предлагаешь?

– Главное, всегда и во всем придерживаться плана, – уклончиво отозвался я. Можно сказать, это был один из моих девизов. Однако нужного эффекта я не достиг – Фикс глянул на меня весьма недоверчиво:

– И что, твои планы тебя никогда не подводили?

– Ну, было пару раз, – с некоторой неохотой признал я. Например, после провала одного из них я превратился из человека, твердо стоящего на ногах, в беглеца с неопределенным статусом и сомнительными перспективами. И сейчас срочно нужно было что-то решать, торчать здесь и дальше становилось и глупо, и опасно. Просто пропадем ведь ни за что. Особенно это будет позорно для меня, специалиста, как мне казалось, довольно высокой категории. – Но это не имеет отношения к сегодняшнему вопросу. Я предлагаю ехать в столицу...

- Что, прямо сейчас?

- Завтра с раннего утра, а для этого лучше лечь пораньше. – Я поднялся из-за стола, допив свою единственную кружку пива.

Фикс, может, остался бы и еще повиступал, тем более кто-то из колерчан начал требовать новые «песенки», но, видимо, и сам уже выдохся. И, проворно убрав свою «балалайку» в наплечный мешок, вышел из кабака вслед за мной.

- Я все думаю, – нагнав меня, заговорил он, – за что сожгли Сирила и его деревню? Ведь совершенно ничего про короля Кимфилда и канцлера он не говорил. Ну, может, один только раз на руфинском базаре, да и то в позапрошлом месяце, когда мы ездили туда закупить стройматериалы для новой хижины...

- Ну и что он сказал? – нетерпеливо спросил я. Тоже нашел где разговаривать – на шумном базаре в центре города, в котором полным-полно шпионов канцлера, пускай и самого низшего звена! (Мы, профессионалы, называли их между собой – Уши.)

- Ну, он рассказал только одну грустную шутку.

- Что это вообще такое – грустная шутка? – удивился я.

- Могу пересказать, как запомнил. Вот слушай: «Когда на собрании король спросил, почему так быстро пустеет казна, шут взял ледышку и попросил пустить ее по кругу. Когда ледышка дошла до короля, от нее почти ничего не осталось. Потом по кругу пустили шута».

- И все? – с некоторым разочарованием уточнил я.

- И все, – грустно кивнул Фикс. – Сирил, правда, тем же вечером сказал нам, что не стоит говорить при всех о «Точках силы» и прочем, только если кто-нибудь уже заинтересовался или мы видим, что может заинтересоваться...

Неужели за такую малость, всего лишь за краткую байку, последовала столь жестокая кара? Рудольфо был, конечно, суров и подозрителен, но не настолько же...

- Наверняка он говорил что-то еще, ты просто не слышал.

- Да всё я слышал, я же постоянно рядом был!
- Значит, он просто привлек к себе внимание, и за вами начали следить. Сколько вы тогда пробыли в столице?
- Дня три, а что?
- И сколько неопитов с собой увезли?
- Да немного – только Мартина. Ну и Марита к нему попозже приехала...А что?
- А то, что Марита как раз и могла быть...

Я резко остановился и замолчал на середине фразы. Фикс удивленно глянул на меня и тоже замедлил шаг.

Первым до меня донеслись даже не голоса – запах. Его сложно с чем-либо перепутать – запах сапог из воловьей кожи. Такие носят в королевской гвардии. Да, дорого, признавал сам дядя Руди, но что делать: за престиж часто приходится платить буквально, звонкой монетой. И вот сейчас этот густой насыщенный запах четко дал мне понять: за два проулка до нас находится «летучий отряд» дяди Руди. Поджидают кого-то?

Так вот почему дядя Руди настаивал в письме на немедленном возвращении! Потому что выслал на место еще целый отряд – полноценный отряд для «разговора» с последним, кроме Мариты, жителем Сириловой деревни. И я прекрасно знаю, чем обычно заканчиваются подобные разговоры, ведь не в правилах канцлера было оставлять возможных свидетелей или даже мстителей.

Тут я наконец расслышал их шепот – как они тихо переговаривались за углом. Они делали это довольно профессионально (хотя еще профессиональнее было бы молчать), и обычный человек едва бы услышал.

Но я был не человек, а ильх, а ильхов слух намного острее.

Их там человек десять, не меньше.

Да, дядя Руди не пожалел людей на это задание. И ради чего – неужели всего лишь из-за одного Фикса?

Я замедлил шаг и остановился, не доходя до перехода. Теоретически я должен быть уже далеко отсюда, и люди канцлера не должны увидеть, что я ослушался его прямого приказа. В первый раз и, надеюсь, в последний.

Просто я все никак не мог придумать толковую причину для своего исчезновения, а исчезнув не простившись, наверно, было бы нечестно.

– Но лучше мне будет пораньше уехать сегодня, – наконец произнес я, сделав акцент на слове «мне». Фикс посмотрел на меня, склонив голову. Если он и удивился, то не подал

виду. А я ощутил малодушное сожаление от того, что не забрал из гостиницы все свои деньги. Вещи-то ладно, немного их у меня и имелось, но серебряные рофы! Хотя и монеты, если подумать, дело наживное, в отличие от жизни...

– Возникло одно срочное дело, так что мне нужно еще кое-куда заехать, – продолжал я отчаянно и бессмысленно тянуть время. Ну проживет он лишние пять-десять минут, и что с того? Разве принесет Фиксу пользу, если я умру с ним за компанию? Я вдруг подумал, что уже достаточно долго живу, и за это время не успел принести пользу ни одному живому существу. Возможно, я принес немного пользы своему государству, но где сейчас я – и где государство? В данный момент оно показалось мне слишком далеким, безликим и безучастным, а в лице верховного канцлера – еще и мстительным.

А я действительно прожил уже немало – целую четверть века. В моем возрасте мужчины обычно заводят семьи, а кто-то и начинает копить приданое для дочерей. Кстати, будь у меня дочь, я бы не нашел для нее лучшего мужа, чем Фикс, даже с учетом того, что у него нет и собственного дома.

Они выйдут из засады и нападут на нас здесь, если мы так и будем торчать на виду. И тогда мне все равно придется бежать. Мое лучшее оружие – это мозг, и я всегда понимаю, когда нужно отступить, спрятаться, укрыться в тени. А если бы были живы мои соплеменники, я бы добавил еще одно оружие (а точнее, средство спасения) – крылья. Но я ведь недавно был ранен и уже полтора месяца не поднимался в небо. Может, я даже сейчас и не сумею быстро взлететь? А если даже и смогу, полное безумие взлетать вот так, как глупая живая мишень, при всем честном народе. – Как жаль, что я просто горбун, – пробормотал я под нос. Однако Фикс расслышал.

– Ты не горбун, – возразил он. Может, если бы я сказал, что служу шпионом Рудольфо, он бы наконец начал действовать – побежал назад, скрылся бы в безопасном месте? – И ты умеешь летать.

Мне стало невыносимо жарко, как бросает в жар при лихорадке. Почти машинально я расстегнул плащ.

– Все будет нормально, – и Фикс даже в такой ситуации счел уместным подмигнуть. – Ты не переживай, я все понимаю. Я сегодня с утра чувствовал. Сначала Марита, теперь ты. Желаю тебе удачи во всем!

- Да, – отозвался я глупо. Удача бы мне сейчас не помешала, а еще больше не помешала бы Фиксу.

Он покачался на носках сапог.

- Ну, я пойду?

- Может, не стоит? – сдавленно произнес я. Сам не знаю, на что я рассчитывал. Хорошо бы вся эта сцена оказалась просто кошмарным сном, бредом, и в самый страшный момент я бы проснулся на своем топчане, как уже несколько раз бывало...

- Ну не можем же мы торчать тут вечно, – тихо возразил он.

«Фикс, там засада», – совсем уже было собрался сказать я, как Фикс меня опередил.

- Там засада, – сообщил он шепотом. Интересно, что у него тоже отменный слух. Ну да, он же музыкант. – Это за мной пришли. Переживают, наверно, что не всех добились. А ты тут ни при чем. Зачем вдвоем пропадать? Беги, потом вещи заберешь. Надеюсь только, что до Риты не доберутся...

Вот как, оказывается, он все это видел.

- Но если ты говоришь, что там засада, то зачем...

Он поднял руку, будто предостерегая или перебивая.

- Я устал убегать, – горько произнес он. – Человек же не может все время убегать.

- Почему? – тоже шепотом спросил я. Еще немного – и они поймут, что что-то идет не по плану, и сами двинутся на встречу.

- После того, как всех сожгли, чего мне терять... – Фикс махнул рукой и не договорил.

В детстве мне казалось, что, стоит лишь избавиться от горба – и все наладится, жизнь моя войдет в правильное русло. А теперь я понял, что даже без горба не так-то просто держать спину прямо.

- Ну, хотя бы жизнь! – Я дернул за ворот своей рубашки. Всё из-за того же охватившего меня жара, а не чтобы высвободить крылья. Но они так долго находились связаны, что теперь будто сами собой, по собственной воле дернулись и распрямились, порвав хлипкую веревку, которую я попросил у хозяйки. Надо же, словно со стороны отметил я, крылья полезли наружу, без всякого мысленного приказа или даже усилия с моей стороны.

Очевидно, я так долго пренебрегал ими, что они решили зажить собственной жизнью.

У Фикса же округлились глаза.

- Ты ведь не собираешься... – начал он.

Почему-то его детское изумление вызвало у меня необъяснимое веселье.

Можно подумать, он раньше их не видел и даже не догадывался об их существовании.

Сначала я пытался подавить смех, но он упорно пробивался наружу, как и крылья, и у меня создалось впечатление, что я больше не хозяин своему телу, по крайней мере на время.

Поэтому просто перестал сдерживаться и засмеялся уже во весь голос. Глаза Фикса стали еще больше. Наверняка он решил, что я взял и спятил от страха.

– Рой... – снова заговорил он, и тут его голос перебил вой собак. Ага, они подобрались даже ближе, чем я думал, и захватили знаменитых своей безжалостностью мириконских псов. Я уже и со своего места слышал, как они нетерпеливо переступали лапами и втягивали ноздрями воздух, и было их тоже не меньше десяти.

– Зачем же идти, – кое-как сквозь смех выдавил из себя я, – если можно лететь?

– Рой!

Последнее слово растянулось во времени и пространстве, превратившись в высокое и тонкое «ОЙ!», когда мы взмыли в воздух. Я ухватил его не слишком удачно, под мышками, но зато крепко, и мириконские псы завыли еще пронзительнее, увидев две поднимающиеся фигуры на одной паре крыльев.

Мне просто повезло, что Фикс был меньше меня и весил тоже меньше, а иначе нам бы несдобровать – я просто не смог бы его удержать. Я и так поднялся не слишком высоко – но все же высоковато для их стрел.

Люди, сопровождавшие псов-убийц, что-то кричали, махали руками, а кто-то на всякий случай прицелился и выстрелил из лука. Однако попасть не сумел, а еще через пару секунд я поднапрягся и поднялся еще чуть выше. Люди закричали сильнее, однако порывы ветра все равно заглушали для нас их слова. Так же они не услышали бы меня, вздумай я что-нибудь сказать на прощание.

Наверно, дядя Руди будет недоволен, мелькнула у меня глупая мысль, и я еле сдержался, чтобы не разразиться новым приступом смеха. Смеяться на высоте было бы еще глупее. А дядя Руди окажется недоволен в любом случае, без всякого «наверно».

Мало того, что я поднялся не слишком высоко, так еще и пролетел не так уж долго – всего лишь на два часа пути в южном направлении. И все равно мы приземлились за границей, в пустынной местности и уже не под юрисдикцией Рудольфо и короля.

Надо было пролететь бы еще немного на север, но я не смог – крылья совершенно обессилели с непривычки к долгим перелетам и начали уже подрагивать, так что лететь дальше становилось уже рискованно: как бы не навернуться.

Руки Фикса, которыми он судорожно обхватил меня за плечи, заметно подрагивали, на бледном лбу несмотря на холод выступили капли пота, когда мы медленно и плавно опустились на сухой песок ржавого цвета.

– Никогда больше так не делай, – хрипло попросил он. И с неловким смешком признался:

– Я с детства побаиваюсь высоты.

– Ну что же, иногда нужно выбирать, – спокойно (даже слишком спокойно с учетом сложившейся ситуации) ответил я, – страх высоты или жизнь.

Моя жизнь трещала по швам – я вышел из тени на свет, раскрыл себя, подставил под неисчислимые опасности, не сберег главную тайну и провалился по работе – но невзирая на это душа моя пела и по-прежнему страшно тянуло смеяться.

Не истерично, как в том проулке, а свободно и радостно, и как бы всем телом, всем своим существом, как свободный человек и свободный ильх – однако я кое-как сдерживался.

Наверно, эта эйфория связана с настоящим полноценным полетом – я вдруг вспомнил, как отчаянно давно вот так не летал. Свободно, всласть, на всю катушку. В последний раз, пожалуй, лишь в детстве, с отцом, когда только встал на крыло (и до *Большой охоты* на нас), а во взрослой жизни позволял себе лишь жалкие крохи неба, да и то урывками.

Почти двадцать лет своей жизни я действительно был инвалидом, потому что ильх без полетов – это ильх лишь наполовину.

Ситуация была как в фантастическом сне, когда происходит нечто настолько нереальное, что ты совершенно не знаешь, как себя вести и что говорить. И любые слова в таких обстоятельствах покажутся, пожалуй, слишком будничными и поверхностными.

– И что мы теперь будем делать? – тихо спросил Фикс.

Я задумался. Что я мог сказать теперь, когда вся моя прежняя жизнь пошла прахом?

– Хороший вопрос. – Я огляделся и втянул крылья под когот. – Сначала неплохо было бы добраться до какого-нибудь жилища.

– А дальше? – Он заглядывал мне в глаза, словно то, что я смог перенести нас сюда из Славии, автоматически сделало меня мудрецом или вещим.

– Не знаю, – честно ответил я и запахнул плащ, хотя здесь было совсем не холодно – пустыня же. На меня снова вдруг накатило чувство стыда – но на этот раз не за крылья, а за то, что я их так долго прятал. – Но, не буду скрывать, хотелось бы как-нибудь выжить. А выживать, как я где-то слышал, легче не в одиночку.

Фикс медленно, неуверенно улыбнулся. Пожалуй, он только сейчас почувствовал себя отодвинувшимся от края, по крайней мере эта горькая усталость и покорность судьбе, кажется, его оставила.

Глава 12

Преследователей мы явно теперь могли не опасаться, но зато возникала другая проблема – с передвижением.

Мы оказались в необитаемой части пустыни, а моим крыльям после такого долгого перелета требовалось как минимум дня три на восстановление (из-за того, что я использовал крылья катастрофически мало, мышцы не были укреплены как следует). И поэтому пока у нас оставался только один путь – пешком через пустыню к княжеству Вильсия.

Я знал, что на южной его границе, как раз на пересечении с пустыней, имеется высокая пограничная башня, которую видно издалека – нипочем не собьешься, если двигаться точно на север.

У ильхов от рождения имеется способность распознавать стороны света даже без всяких природных указателей – собственно, как и у птиц. И я очень надеялся, что мое чутье не подведет и в итоге мы выйдем куда следует, а не станем блуждать по кругу, пока у нас не закончится еда и, что важнее, вода.

– Пить, – только и повторял через час измученный пешим переходом Фикс. За это время он успел растерять большую часть своего обычного оптимизма.

К счастью, вскоре чутье подсказало мне, где оазис (воду ильхи умели чутя особенно издалека), а Фикс первым его заметил.

Это оказался совсем небольшой прудик, окаймлённый несколькими чахлыми финиковыми пальмами, и мы буквально набросились на воду и начали пить прямо из прудика, жадно загребая воду ладонями. К большой удаче для нас, вода из подземного источника смогла в этом месте достичь поверхности благодаря собственному давлению, без всякого участия человеческих сооружений.

Вдоволь напившись (Фикс еще глотал), я достал свою медную флягу. Ту самую, которую купил еще в полдень у хозяйки «Руфика», почти сразу после бегства Мариты. Днем же я успел ее осушить, но зачем-то сунул в широкий внутренний карман плаща, благо она была плоская. И вот как она сейчас пригодилась: другой-то посуды для забора воды у нас ведь с собой не было!

Я немедленно наполнил ее водой, с сожалением отметив, как она мала. Но не могли же мы вечно тут оставаться, к тому же к завтрашнему вечеру я рассчитывал оказаться уже у сторожевой башни.

На одной, самой высокой пальме мы даже заприметили несколько фиников и тут же, сорвав их и разделив, съели. Затем умылись, и на этот раз я совершал водные процедуры с

искренним удовольствием: пока мы шагали по песку, мне стало казаться, будто горячие сухие песчинки впитались не только в мои волосы, но и в губы, и даже в глаза и горло. И, напоследок еще раз напившись, мы отправились дальше на север, пока еще не стемнело. - Пить хочу, – уже через два часа снова сказал Фикс. Я умел достаточно точно отмечать время по солнцу – по его движению в небе и положению тени, и за долгие годы странствий это умение не раз меня выручало.

Я достал фляжку, которую прицепил к своему широкому кожаному поясу, чтобы не вылетела, и протянул ему. Он немедленно обхватил ее двумя руками и сделал долгий жадный глоток, потом еще один и еще – видимо, уже не вполне отдавая себе отчет, где находится. Я вынужден был с силой отобрать у него фляжку, пока он не оставил нас обоих без воды.

– Пить, – умоляюще повторил Фикс.

– Потом, – твердо ответил я, – а сейчас пойдем. – Я снова прицепил фляжку к поясу. – Когда выйдем к пограничной башне, будет чем вновь ее наполнить.

Я очень надеялся, что выйдем в ближайшие сутки.

Ведь полглотка воды – это было все, что я позволил себе за истекшие два часа. А раскаленное солнце все еще пекло довольно ощутимо, хотя уже почти склонялось к горизонту. (Здесь солнце садилось на час позже, чем в Славии.) Хорошо хоть мы попали сюда не летом!

Еще через час я оглянулся – Фикс шел неровно, и ноги уже заметно заплетались. Это был плохой знак.

Если мне придется тащить его на себе, я быстрее выдохнусь и быстрее вновь захочу пить. А делать это следует как можно реже. Надо подумать о чем-то другом, отвлечься.

Интересно, что в пустыни вещи приобретают совершенно другую меру и ценность.

Например, вода. Она, если подумать, самая дорогая и значимая здесь штука...

Нет, нельзя думать о воде.

Фиксу приходилось тяжело, я видел (людям ведь требуется больше жидкости, чем ильхам, особенно на жаре), но он старался не подавать виду и смотрел куда угодно, только не на фляжку, прикрепленную к моему поясу.

Он ведь не по своему желанию попал сюда и несколько не был виноват в постигшем нас испытании. Если уж говорить о вине, то тут скорее была моя ответственность – надо было больше летать, тогда бы я продержался в воздухе намного дольше. А так я летел так долго,

как только смог, и все равно не сумел полностью пересечь пустыню, отделявшую Славию от Вильсии.

Но только что толку теперь было жалеть о прошлом? Нужно идти вперед – на восток, в княжество принцессы Виль. Я очень рассчитывал, что мое чутье не подведет и завтра к полудню, максимум к вечеру выведет нас к пограничной башне княжества Вильсия. А там будут и запасы воды, много воды...

Нет, нельзя об этом сейчас думать, если я не хочу сорваться и осушить флягу за раз. Надо держаться, Фикс ведь держится.

– А ты знаешь какие-то песни наизусть? – хрипло спросил вдруг он.

- Нет, никогда не запоминал их полностью, только какие-то отрывки, – ответил я и поразился, как прозвучал мой голос – так похоже на карканье. Да, теперь птичьего во мне стало заметно больше. – Но петь не буду и тебе не советую, чтобы в горле еще больше не пересохло.

Его колени вдруг подогнулись, и он грузно осел на песок. А потом и вовсе повалился на спину и закрыл глаза, пробормотав:

- Не могу больше.

Я понял, что до утра его уже не поднять, да и действительно пора было остановиться на ночлег: уже почти стемнело, и к тому же начинало холодать.

Нужно сделать укрытие с подветренной стороны – соорудить что-нибудь из верхней одежды и каких-нибудь веток.

Я огляделся и заметил невдалеке развесистый кустарник ползучего риста (это колючее растение единственное росло на бесплодной земле на многие рии вокруг, но зато встречалось в изобилии). Его еще называли проклятым ристом, потому что он вроде как рос на проклятой земле. Однако для нас оказался очень даже кстати – то, что нужно!

– Давай вставай, надо сместиться, – сказал я Фиксу, – а не то околеем ночью на открытом пространстве.

Однако ответом мне стало сонное бормотание.

Пришлось за ноги перетаскивать Фикса к кустарнику и заниматься прочими делами по обустройству ночлега своими силами.

Кое-как я соорудил на ночь подобие укрытия с наветренной стороны из собственного плаща, подбитого мехом, и двух прутьев от кустарника. Фикс мне, конечно, ни в чем не помогал – как повалился, так и заснул на месте. Я набрал еще веток и с помощью двух мелких сучков сумел выбить искру и зажечь таким образом костер. Его я вскоре погасил –

спать рядом с огнем небезопасно, а мои глаза уже тоже смыкались. Однако золы должно хватить хотя бы на несколько часов тепла – ну а на зоре мы отправимся дальше.

Я стащил пеструю накидку со спящего Фикса, положил ее на золу, перекатил на утепленное место самого Фикса и улегся между ним и открытой безветренной стороной (меня, в свою очередь, немного прикрывал кустарник).

«Надо идти», – прозвучал вдруг в ушах голос, похожий на голос Сирила. Нет, не может быть – Сирил ведь погиб. Его кто-то выдал, может быть, даже Марита, и его деревню сожгли, а мы убежали в пустыню. Где в скором времени тоже, наверно, погибнем, если не сумеем выбраться.

«Надо идти», – повторил голос с нажимом, и я испугался, что сам начинаю сходить с ума. – Надо идти, – повторил я громко, чтобы заставить замолчать этот голос. – Фикс, слышишь?

Я обернулся – он спал на боку, подвернув под себя руку. Я потряс его за плечи – без всякого толку.

– Фикс, вставай, – я продолжал его трясти, так что голова моталась из стороны в сторону.

Было темно и очень холодно. – Надо идти! А не то замерзнем тут как малики!

Зола действительно уже успела остынуть, и импровизированная «постель» не давала никакого тепла, а без плаща я продрог до костей. Даже крылья казались одеревенелыми.

– Диана, – простонал он, – я сейчас, Диана... Еще пять минут ...

Кажется, он уже начал заговариваться. А между тем следовало идти как можно быстрее, чтобы не растерять последние остатки тепла. Поэтому я решился на крайнюю меру – отстегнул фляжку с пояса и дал ему сделать глоток в неурочное время. Теперь выхода нет – нужно идти еще быстрее, если мы не хотим остаться навсегда в этих проклятых песках.

Сначала Фикс не реагировал, но потом прижался губам к горлышку фляге и сделал глотательное движение, потом еще.

Два глотка – это так много. Непозволительное расточительство. Я отнял у него фляжку.

Было так трудно удержаться и не глотнуть вслед за ним, но я, призвав на помощь всю силу воли, все же сдержался. Мне было все же легче, чем ему – ильхи способны дольше обходиться без питья, и температура тела у них выше, чем у людей.

Зато Фикс наконец открыл глаза и глянул на меня мутноватым взглядом.

– Я только помеха, – произнес он отчетливо. – Мне жаль...

И рухнул обратно на песок, явно намереваясь вновь уйти в свою дрему.

И это после всех моих усилий его добудиться! Я так разозлился, что схватил под мышки и вздернул его на ноги, как ту единственную игрушку, которая была у меня в детстве.

– Или мы пойдем вместе, или я сейчас тоже лягу и делай что хочешь, – процедил я, и эта угроза, кажется, подействовала – по крайней мере он снова поднялся, на этот раз самостоятельно.

– Я иду.

– Кто это – Диана? – спросил я по дороге, чтобы не думать о воде. Она была так рядом, так соблазнительно близко. У меня же на поясе в фляжке. Ничего, потом попью, позже, когда воды будет навалом, хоть залейся...

Нет, снова я думаю о ней...

– Диана классная, – не совсем внятно отозвался Фикс. И после очень долгой паузы добавил: – Жаль, я ей раньше не говорил... никогда.

- Ну, потом скажешь, – постарался ободрить я его.

- Когда? – горестно вздохнул он.

- Когда-нибудь, – подумав, ответил я.

Ответ, конечно, был никчемным, однако Фикс благодарно кивнул.

– Я напишу про нее балладу, – решил он, проводя рукой по лицу. Еще немного подумал и добавил: – И про Сирила, и про других.

Ну что же, у него хотя бы появилась цель.

Спустя два часа пешего перехода, когда солнце уже выкатилось из-за горизонта и активно принялось разогревать воздух, я решил, что все же заслужил глоток воды, да и Фиксу не помешает. Его губы обветрились, лицо слегка заострилось, и, шагая, он понуро глядел только вниз, под ноги.

Я машинально потянулся к фляге, висевшей на поясе, и нащупал... пустоту.

Фляги не было.

Я потряс головой, будто так можно было прогнать дурной морок.

Однако это, конечно, не помогло, как и усиленное протирание глаз, и охлопывание себя со всех сторон. Не могла же фляга сама собой свалиться с пояса и затеряться за мифической прорехой на штанах!

Однако факт оставался фактом – она исчезла.

А вместе с ней и наша последняя надежда выбраться отсюда живыми.

Куда она могла запропасться?!

Фикс остановился, лишь едва на меня не наткнувшись, и с недоумением поднял голову.

Потом мигнул, негромко охнул – тоже заметил исчезновение фляги.

Я же тем временем проверил крепление на поясе – один замочек отстегнулся. Выходит, она свалилась, а я и не заметил? Даже не услышал удара о песок, несмотря на весь свой хваленый слух – настолько был погружен в себя и в свои невеселые мысли о смутном прошлом, неясном настоящем и туманном будущем!

Но ведь Фикс шел позади, почти след в след. Даже если он смотрел все время только под ноги, он не мог бы ее не заметить!

Может, заметил, но не сказал? Просто не сумел совладать с этим искушением, со своей жадной и осушил ее за раз, а потом втихомолку отбросил?

У меня не было сил кричать или тем более драться.

– Почему ты не сказал, что фляга упала? – пробормотал я только, почувствовав в этот момент непомерную усталость. – Теперь все кончено, понимаешь?

– Я ничего не заметил, – Фикс в страхе замотал головой, будто действительно опасаясь, что я полезу в драку. – Правда, я бы сказал!

Возможно, он даже не врал. Может, он взял в полубреду, в беспамятстве, не отдавая себе полностью отчета? В любом случае это было уже не важно. Потому что с нами покончено, Рудольфо может быть доволен. Никому еще не удавалось выйти в отставку со шпионской службы у канцлера.

- Но ты же говорил, что мы сегодня дойдем? – неуверенно продолжил Фикс, переступая с ноги на ногу.

- Я говорил, если мое чутье не подведет. А я в этом очень не уверен! – Особенно теперь, когда даже за флягой я не смог уследить. Проморгал, не услышал, посеял...

И тогда Фикс сказал:

– Надо лететь, Рой.

Я покачал головой. Мои крылья еще не успели отдохнуть после непривычно длинного перелета, и к тому же замерзли ночью, и к тому же от ночевки на холодной земле снова разнылась недавняя рана. Наверняка они будут неровно держать, если вообще удержат нас обоих.

– Надо лететь! – повторил Фикс отчаянно и решительно. Его взгляд теперь полностью прояснился. – Другого выхода нет, ты же видишь.

– И это не выход, – произнес я устало. – Мы просто разобьемся.

– Лучше разбиться, – упрямо сказал он.

Взвесив все за и против, я все-таки решил рискнуть и попытаться взлететь. Особого выбора у нас ведь не оставалось.

Однако все, на что меня хватило, – это 20 минут лета на восток, после чего я резко пошел на снижение, почувствовав, что еще минута и крылья откажут. Больная спина и так уже горела в связи с тяжелой ношей в лице Фикса, а крылья ощутимо подрагивали и держали нас в воздухе неровно. Поэтому посадка вышла немного жесткой, Фикс даже перекувыркнулся через мою голову и полетел носом в песок.

И тут же вскочил, отряхиваясь:

- Эй, а полегче нельзя? Чай не дрова везешь!

Потирая спину, я хотел было высказать все, что думаю о его претензиях, однако он меня опередил, заорав:

- Змея! Вот там, в кустарнике! Поднялась на хвост и пялится на меня!

Я оглянулся в том направлении, куда он показывал.

- Это мириконская песчаная змейка, не бойся. – Пожалуй, это единственный вид местной фауны, который сумел приспособиться и выжить здесь. (Ну еще знаменитая порода мириконских псов – однако выращивались и жили они, понятное дело, уже не здесь.) И встретить тут змейку было счастливым знаком: значит, где-то неподалеку есть вода.

Может, еще один оазис? Кстати, окружающий пейзаж заметно изменился: кое-где уже виднелись низкорослые мастиковые деревья и заросли крушины, а рист исчез.

Пусть немного, но все же мы приблизились к цели!

- А чего это она шерстяная и пялится на меня?! – не успокаивался Фикс.

- Это не шерсть, а волоски, защищают ее от холода в ночное время. А сейчас она сама тебя боится, вот и вздыбилась. А изучает, потому что интересно.

- А, – Фикс отвернулся, чтобы не пугать ее еще больше. – Пусть смотрит, не жалко... – Не договорив мысль, он вдруг подскочил на месте и замахал руками: – Вон же она, башня, видна уже! Тру-ля-ля! Мы почти дошли, то есть долетели, да? Йе-х-у-у! Ур-ра-а!

Все же для человека у него оказалось очень даже неплохое зрение.

Глава 13

Фикс был прав – наконец-то на востоке показались три острых зубчика пограничной башни.

Она оказалась в непосредственной видимости от нас даже раньше, чем я рассчитывал.

А значит, скоро мы минуем наконец ненавистную пустыню и окажемся в княжестве

Вильсия!

В том самом княжестве, где располагался монастырь Лавантэ.

Теперь я и с закрытыми глазами найду к нему в дорогу. Где еще нам было искать укрытия? Сейчас, когда я сделался беглецом, вариантов прибежища оставалось не так-то много (ведь остальные мои временные «норы» принадлежали короне, а значит, были известны канцлеру и уже никак не подходили).

Я ведь с самого начала направлялся туда – да сбился немного, не дотянул. Сказалось отсутствие привычки к длительным перелетам. Да и откуда бы ей взяться, этой привычке, если почти всю жизнь я летал урывками и только по ночам, больше всего опасаясь, как бы кто-нибудь меня не засек? Особенно другие шпионы канцлера, Глаза и Уши... Летать он строго запретил мне с самого начала знакомства – тогда же, когда потребовал никогда больше не связываться с Лавантэ.

В общем, едва разглядев верхушку пограничной башни, я почувствовал душевный подъем. И чем ближе мы подходили к ней, тем лучше становилось настроение.

– Я бы сейчас бочку воды выпил и целого быка сожрал, – признался Фикс, едва поспевая за моим шагом.

- Потерпи, скоро доберемся до безопасного места.

- Так это еще надо добраться! А как дотянуть без сил?

- Ну, спой что-нибудь.

- Так ты же сам говорил, что не нужно!

- Теперь можно.

- Ну окей, – согласился Фикс и тут же запел с чувством:

Я обманывать себя не стану,

Залегла забота в сердце мгlistом.

Отчего прослыл я шарлатаном?

Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,

Не расстреливал несчастных по темницам.

Я всего лишь уличный повеса,

Улыбающийся встречным лицам...

Хорошо, сделал я вывод, если он поет, значит, достаточно уже взбодрился. И еще прибавил шаг – вперед, к монастырю, к Лавантэ и запасам чистой родниковой воды из ближайшего святого источника... Сейчас я думал о нем без всякой иронии, а с одной лишь все возрастающей жаждой.

Фикс же, закончив песню, заговорил о другом:

– Я теперь поражаюсь, что раньше я каждой весной и осенью мучился от аллергии. А как попал сюда – вся аллергия пропала без следа! Мне теперь даже стала чем-то нравиться весна – а цветет тут все будь здоров, намного больше, чем, например, у нас...

– У кого это «у нас»? – Я пожалел о своем вопросе еще до того как он начал отвечать. Но Фикс, к счастью, не стал снова распространяться о своих бредовых идеях о междумирье.

– Да это я так, по привычке... Слушай, а к кому мы все-таки идем, правда?

Как я уже упоминал, я знал только одно безопасное место, где можно было укрыться. И знал, что всегда могу податься туда, как только придет необходимость. Правда, я собирался использовать это убежище лишь в самом крайнем случае – но, видимо, он как раз и наступил, потому что пойти больше было некуда. И ответил кратко:

– К Лавантэ.

Фикс притих и не задавал никаких вопросов, даже перестал болтать и петь на целых полчаса, что было в общем для него несвойственно.

Окружающий пейзаж уже слегка изменился – вместо «проклятого» риста начали появляться и некоторые другие растения и кустарники, а вместо выжженного ржавого песка мы теперь шагали по красноватому суглинку. Я всё прибавлял шагу – терпеть оставалось совсем немного, ведь рядом с пограничной смотровой башней чуть позади нее, я точно знал это, есть старый заброшенный колодец, из которого в любой день можно добыть немного чистой холодной воды.

Надеюсь, ведро тоже на месте – я не был в этих местах тринадцать лет, могло и пропасть.

Однако я чувствовал сейчас такую отчаянную жажду, что в случае пропажи ведра, наверно, нырнул бы в колодец сам.

В самой башне давно не было стражников и пограничников, потому что не от кого стало охранять этот участок границы. Соседей уже не имелось, а путники не решались пересекать огромную смертоносную пустыню пешком: даже двугорбые вьючные радзины не выдерживали этого оглушительного и каждодневного перепада температур (это нам повезло, что приземлились не так далеко от границы).

Поэтому из узких стрельчатых каменных окошек-бойниц никто уже не смотрел. Башня выглядела довольно старой: ее построили еще по время войны княжества Вильсии (ее правительницы всегда наследовали фамилию Виль, а имен их никто не знал, кроме самых близких приближенных) с ныне пропавшей страной Мириконом.

Собственно, от Мирикона теперь осталась лишь порода послушных и жестоких к любому противнику собак-долгожителей. Помню, Лавантэ мне рассказывали, некоторые мириканские псы дотягивали и до пятидесяти лет! Не все люди до такого возраста доживают, а тут подишь ты...

У княжества не было правителей, только правительницы (что, помню, довольно сильно возмущало дядюшку Руди), но зато их мужья становились им самой твердой и лучшей опорой – точнее, почти всегда. Кроме одного-единственного исключения: муж Виль XV предал ее недружественному королевству Мирикону. Тому, которое располагалось раньше на месте нынешней пустыни. Собственно, с того и началась война...

Теперь я лучше понимал воинственных правителей Мирикона – уж слишком сложная земля им досталась: хоть и большая, а пригодной для жизни территории немного. Эта страна находилась внутри материка и была изолирована от морей, и поэтому дневная и ночная температура здесь, как мы успели прочувствовать на себе, сильно различались (как было написано в манускрипте по страноведению, из-за влияния областей высокого давления). Или, попросту говоря, днем здесь было слишком душно, а ночью – слишком ветренно и холодно, и так девять месяцев в году.

Например, в Славии времена года плавно перетекали друг в друга: не слишком холодную и чаще всего бесснежную зиму сменяла прохладная весна, потом наступало теплое лето, которое в свою очередь начинала понемногу теснить сдержанная осень. В Вильсии лето было уже более жарким, а зима – с неизменными снегопадами и сугробами, осень – вначале золотая и тихая, а потом ветреная и дождливая, но зато какая красивая и ароматная весна! Ну а в Мириконе погода была весьма специфической. Зимой снега здесь могло намести по макушку большой собаки. Осенью же, летом и весной днем стояла жара, а ночью начинался сильный порывистый ветер, различались только температуры (и летом жара была даже куда более иссушающей, чем сейчас).

Поэтому страна, хоть и огромная по территории, была даже заселена не полностью – люди, как правило, селились на берегу немногочисленных рек и крупных оазисов. И, понятное дело, им очень не хватало выхода к морю... По преданию, Вильсия была благословлена когда-то советом святых мудрецов, и поэтому каждое время года было в ней полнокровно и красиво. А в Мириконе одного из древних королей (кажется, Олбрита VI Печального) тот же совет проклял за братоубийство – однако, по мне, это была не более чем легенда. В реальности же все объяснялось тем, что Микирон был континентальной страной, а Вильсия имела выход к небольшому морю под названием «Соленое» – из-за необычайно плотной

концентрации солей, в отличие от Славского моря. (И в отличие же от огромного Славского, Соленое было так мало, что некоторые землееды даже прозывали его озером.) В общем, из-за неудачного климата или по еще какой другой причине, но воинственный мириконский король Макбейн I Лысый захватил несколько соседних маленьких герцогств и княжеств и планировал расширяться и дальше – на восток, до Соленого моря, потом через Эльтыйские горы, захватив по пути крошечную Игению, и в конце концов добраться до Славии и Славского моря, которое, очевидно, и было конечным итогом кампании. Нападать на Славию напрямую король Макбейн не решился: две эти огромные и сильные державы разделяла незаселенная пустыня, жить на которой оказалось и вовсе нереально и которую в принципе возможно было пересечь, но ценой потери части армии и ослабления ее физического и морального состояния.

Поэтому Макбейн и решил пробираться к Славскому морю долгим окружным путем: сначала на восток, а уж потом на север, завоевывая и подчиняя себе местные армии и угоня мирное население в плен. И пару герцогств он действительно успел завоевать – Литайское и Эсанийское. Однако на пути к горам оставалось еще маленькое княжество Вильсия. Маленькое, но упорное – с гораздо меньшими силами и слабым вооружением оно сопротивлялось мириконской армии целый год, хотя в итоге все равно обречено было захвату и разорению.

И оно *было бы* захвачено – если бы не вмешалось нечто необъяснимое, в результате чего уничтожен оказался сам Мирикон...

Конечно, вовсе не силами Вильсии – те, хотя и сражались мужественно, но очень проигрывали в численности и были уже на грани уничтожения. Нет, тут вмешалась природа, или стихия, или что-то еще – до конца не ясно. Но в один далеко не прекрасный для Мирикона день с неба на него обрушился неслыханный огненный дождь – по крайней мере так гласила легенда.

Этот смертоносный дождь шел ровно три дня и три ночи, а потом еще семь дней догорали и тлели все постройки и сооружения на мириконской земле. Люди-то погибли еще в первый день, почти никому не удалось выжить. А те, кому удалось, бежали, бросив все, к соседям-врагам – и те их великодушно приняли, забыв о накопившемся военном счете. И за сто прошедших лет песок почти полностью занес все остатки домов и сооружений – сейчас нипочем не догадаешься, что на этом месте находилась когда-то процветающая держава. Это все случилось задолго до рождения дядюшки Руди, однако он почему-то твердо был уверен: тут сработало некое новое и неслыханное по мощности оружие, которое кто-то

создал и использовал для защиты Вильсии (и немного перестарался, кажется). Канцлер говорил это с такой убежденностью, что я долгое время верил ему.

Его уверенность подкрепляла одна странная баллада, дошедшая до нас из-за Славского моря. В ней говорилось о том, что где-то далеко есть страна, укрытая со всех сторон высокими горами, ученые которой якобы изобрели нечто вроде смертоносного порошка. Он может мирно храниться годами и десятилетиями, но стоит поднести к нему зажженный факел, как все в округе немедленно взлетит на воздух. А если использовать ее экономно – например, смазать наконечник стрелы, поджечь и запустить – можно принести пожар и в соседнее селение.

А уж если зарядить такой «начинкой» катапульти, то там и вовсе никого не останется живых...

Сам по себе сюжет баллады был прост: молодой король этой самой «укрытой горами» страны влюбился в принцессу из другого королевства (как водится, по портрету), заслал к ней сватов, все как положено. Родители принцессы ответили согласием, сыграли пышную свадьбу, и юная королева переселилась в замок.

И в первый же день семейной жизни король попросил ее не заглядывать в самую дальнюю комнату подземелья, не подходить к закрытой бочке и, наконец, не подносить пламя к ее содержимому. Словом, как водится в сказках, сразу три запрета – и все три юная красавица благополучно нарушила на второй же день. Более интересных и важных дел у нее, что ли, не нашлось?

В общем, как бы то ни было королева с помощью факела отыскала самую дальнюю и темную дверцу подземелья, открыла ее, поскольку та почему-то оказалась не заперта, отыскала бочку и, чтобы лучше рассмотреть таинственное содержимое бочки, поднесла к ней факел... Ну и финал довольно предсказуем: весь замок с его обитателями тут же взлетел на воздух. А люди королевства, лишившись короля, постепенно одичали и превратились в оборотней, так что купцы и послы предпочли со временем забыть дорогу в ту страну, и даже названия от нее не осталось... Немного надуманный сюжет, на мой взгляд, однако дядя Руди даже и эту балладу рассматривал всерьез.

И одной из его грандиозных государственных идей было найти, на земле или под землей, это чудо-оружие – смертоносный порошок. Которое моментально бы сделало Сланию сильнейшей страной земли, по крайней мере в плане вооружения. В том числе и для этого он множил армию своих шпионов, засылая их в самые дальние и экзотические уголки мира – однако пока что заветный порошок найден не был.

Да и я за восемь лет службы побывал много где и не то что не видел, но даже и не слышал никаких намеков на это катастрофическое оружие.

Кстати, вдруг подумал я, а ведь сильнейший пожар в деревне Сирила тоже мог быть вызван легендарным огненным дождем: картина разрушений там оказалась такой же, какая представлена и в хрониках, посвященных концу Мирикона...

Я сам не заметил, как начал рассказывать эту историю Фиксу, когда дрожащими от нетерпения руками вытаскивал ведро с водой из колодца – нам повезло, что он был прорыт глубоко, на совесть, и на самом дне его даже в самые засушливые годы всегда оставалось немного воды.

А сам Фикс долго молчал, жадно глотая воду из наконец вытянутого заржавевшего ведра, и выглядел донельзя счастливым – кажется, впервые после пожара.

И поэтому про свою догадку о сходстве катастрофы с Мириконом и катастрофы с Сириловой деревней я решил не упоминать. Потом разберемся, а сейчас главное добраться до цели.

Расположившись прямо на земле в негустой тени колодца, мы вылебали все, что удалось зачерпнуть из ведра со дна колодца. Как я и ожидал, вода оказалась чистой, прохладной и невероятно вкусной.

- Я бы сейчас, наверно, целого быка сожрал, – мечтательно протянул Фикс, проведя мокрой ладонью по пыльным взлохмаченным волосам.

Я пошарил в карманах и нащупал слегка сплюснутую конфету. Последнюю. (Остальные четыре я вложил в послание Лавантэ как подарок ей и ее теперешним воспитанникам.) Я протянул ее Фиксу – все-таки изначально она принадлежала ему.

– Это же моя конфета, – удивился он. – У тебя еще осталось?

– Да, это все, что есть.

– Спасибо, Рой. Давай напополам!

– Там и есть-то нечего, – отказался я, невольно сглотнув слюну.

– Все равно, – Фикс решительно стащил с нее обертку и разделил. Противостоять этому искушению я не смог и проглотил ее в один присест, хотя и подозревал, что есть после этого захочется еще больше, а главное, пить. Фикс тоже быстро прожевал свою половину.

- Пойдем дальше, – позвал я, поднявшись.

- Может, еще хотя бы минут пять посидим? – протянул Фикс, прищурившись и сделав руку козырьком, чтобы закрыться от солнца.

- Тут недолго осталось, еще рывок, пошли.

- Я, конечно, привык уже к долгой ходьбе – но не *настолько* долгой... - Фикс закричал и тяжело поднялся.

А я уже не мог ждать, оказавшись так близко от родных мест. И главное, я хотел уже скорее увидеть Лавантэ, убедиться, чтобы хотя бы с ней и ее обителью все в порядке.

Сам монастырь располагался на восточной окраине княжества Вильсия, не так уж далеко от смотровой башни. К счастью, солнце светило уже совсем не яростно, а спокойно и тихо, и шли мы теперь не по выжженной пустыне – все чаще там и здесь попадались и другие кустарники, помимо колючего риста, и даже кое-где начали проглядывать низенькие деревца и карликовые финиковые пальмочки. Здесь уже смелее пробивалась жизнь.

Наконец еще примерно через час пути вдаль показался сам монастырь – первой из-за горизонта выглянула колокольня. Я сам столько раз лазил по ней в детстве и прекрасно помнил, какая она высокая... Подойдя ближе, мы увидели несколько темно-зеленых алерских сосен, росших у самых стен монастыря. В детстве я и их тоже излазил вдоль и поперек – я вообще был очень подвижный ребенок.

Собственно, в женский монастырь вход был нам как бы нежелателен, но на моей памяти Лавантэ всегда делала исключение для, например, королевских посланников. И я был уверен, что сделает и для меня.

И оказался прав – когда настоятельнице доложили о нашем появлении, она тут же распорядилась провести нас прямо к ней. Этот кабинет был мне знаком с самого детства – много часов я провел здесь за слушанием увещаний и наставлений самой Лавантэ.

Я и не думал, что оказывается, так соскучился даже по простому деревянному табурету, на котором просидел немало часов как заядлый нарушитель порядка. Справедливости ради надо сказать, что первым свару в общей спальне для мальчиков я никогда не начинал – но и отступать тоже привычки не имел.

Когда матушка Лавантэ наконец выпустила меня из объятий, я счел необходимым представить и Фикса, который крутил головой по сторонам, глаза на окружающую обстановку.

– Лавантэ, это... э-э... Финикс. Мы находились в одной деревне, когда там случился пожар, и только нам удалось выбраться. С нами была еще девушка, но она уже уехала... По делам.

– Подробнее о Марите я решил не рассказывать. В конце концов это была не моя тайна. – Старостой в деревне был Сирил – может, слышала?

– Очень жаль, – Лавантэ посмотрела на меня печальным и тревожным взглядом, который ясно дал мне понять: она не успокоится, пока не выяснит все подробности. Мы

разговаривали сейчас на славском, хотя в Вильсии был принят свой язык – а скорее, один из старых диалектов игенийского. Великоигения являлась когда-то большой империей, даже больше, чем Славия, но еще три века назад в результате внутренних противоречий распалась на несколько независимых государств: Вильсию, Лиго, Литайское и Эсанийское герцогства и собственно Игению, и везде разговаривали на диалектах игенийского и мириконском. Ну а после гибели Мирикона новым международным языком для торговцев и путешественников стал славский. Я знал и игенийский, и мириконский (в детстве выучил его для интереса, потому что некоторые книги в монастырской библиотеке были написаны именно на нем) плюс карейтский и вуперийский. Однако Фикс знал один лишь славский, поэтому сейчас мы беседовали на этом, моем родном языке. – Да, я слышала что-то краем уха... И вы вместе сюда добирались?

– Да, Фикс в некотором роде как бы наследство. Хотя я почти не знал Сирила и вроде не успел ему насолить, – добавил я вполголоса, не удержавшись. Из-за хорошего настроения у меня появлялась, как правило, потребность отпустить остроту-другую, о чем впоследствии я частенько жалел.

Лавантэ выразительно на меня глянула, округлив глаза (острота и в самом деле получилась так себе), хотя Фикс все равно вряд ли услышал, занятый разглядыванием разнообразного убранства ее кабинета.

– Любимчик, – заговорила она с осуждением, но я быстро перебил:

– Я же просил не называть меня так!

– Во-первых, не я дала тебе это прозвище. А во-вторых, ты просил об этом в детстве, а сейчас ты уже не ребенок....

– Вот именно! – Я невольно повысил голос, и Фикс с любопытством на нас оглянулся, оторвавшись от разглядывания огромных цветных гобеленов на библейские сюжеты. – Так что теперь это вдвойне нелепо.

- Я просто хотела сказать, – примирительно произнесла Лавантэ, – что в твоём последнем письме не было ни слова о том, что ты собираешься приехать.

- Планы изменились внезапно, – кратко ответил я.

- Надеюсь, ты не угодил ни в какую дурную историю? И не поэтому так... запылится в дороге? – Она подобрала весьма мягкое определение для всей моей одежды.

Действительно, выглядели мы с Фиксом не лучшим образом: оба в песке, запыленные и утомленные, еле держимся на ногах после нешуточной дороги. Фикс вон даже успел уже присесть в широкое мягкое кресло для посетителей

- Это зависит от того, как посмотреть, – приняв философский вид, отозвался я. – Возможно, вся наша жизнь – это одна большая дурная история, и тогда получается, что мы все в нее угодили...

- Опять ты начинаешь, – Лавантэ посмотрела на меня с укоризной, которая, однако, не могла затмить тревогу. – Ладно, в любом случае с дороги вам нужно умыться, поесть и отдохнуть, – объявила она, решив, видимо, отложить подробный распрос на потом.

Это сообщение вызвало явное одобрение у Фикса, причем слово «умыться» встретило не меньший энтузиазм, чем «поесть» и «отдохнуть». И неудивительно, ведь за последние сутки нам не предоставлялось возможности умыться целиком. Но меня, признаться, тогда больше занимала другая задача – как бы выжить.

Когда-то канцлер Рудольфо учил меня среди прочих людских слабостей распознавать и увлеченность какой-либо идеей. Так вот, в случае Фикса эта увлеченность явно была связана с запахами. Но если подумать, он был в этом не так уж и повинен: люди вообще редко отдают себе полный отчет в своих слабостях.

Кстати, вот от матушки Лавантэ всегда приятно пахло. Тут даже настолько повернутый на запахах человек, как Фикс, не смог бы ни к чему придаться. Собственно, Лавантэ и ввела правило всеобщей регулярной помывки в монастыре – правда, не у всех монахинь ее нововведение встретило одобрение. Пожилые сестры жаловались, что им это тяжело – и физически, и морально (видимо, прежняя настоятельница вселила в них какой-то страх перед водой), и всячески пытались увильнуть от этой процедуры. Не говоря уж о том, что некоторые сестры и вовсе давали обет воздержания от мытья.

- А чем занимается Финикс? – спросила Лавантэ, когда после обеда на скорую руку, бани и крепкого шестичасового сна мы были приглашены на ужин в трапезной. Час был неурочный, и потому за длиннющим столом оказались только мы трое: Лавантэ – во главе, а мы по обе стороны от нее. Ужин оказался обычным для монастыря – простой, сытный и вкусный. А так как день был не постный, в меню добавилась свежая обжаренная до золотистой корочки рыба (узнаю руку сестры-заведующей кухней Расланы!). В каждой тарелке лежало по большой форели, к которой прилагалась зелень, несколько крупных печеных картошин и большой ломоть свежайшего хлеба, который выпекали здесь же. За форель-то мы с Фиксом и принялись в первую очередь и быстро обглодали ее до косточек.

- Фикс скоморох, – кратко обрисовал его ремесло я. – А занятие у него такое – смешить людей.

- Не совсем, – он глянул на меня с полушутливой обидой. – Точнее моя профессия звучала бы как бард. Ну или на крайний случай артист.

- Как хорошо, – почему-то обрадовалась Лавантэ (я-то решительно не видел в этом повод для радости), – сто лет не слушала хорошего менестреля. Расскажите нам что-нибудь, Финикс, или спойте, если, конечно, есть желание?

- Отчего бы не рассказать, – неуверенно произнес Фикс. С сомнением глянул на тарелку, уже почти пустую, и отставил ее чуть в сторону. Потом поднялся из-за стола, приложил руку к груди и заговорил с каким-то надломом в голосе:

*И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к Богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда! –
клянется –
не перенесет эту беззвездную муку!*
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.

Говорит кому-то:

«Ведь теперь тебе ничего?

Не страшно?

Да?!»

– Совсем несложно цитировать чужие стихи, – заметил я, когда он закончил, – для этого нужно всего лишь иметь хорошую память. – Его это стихи или нет, я научился определять сравнительно точно: свои он читал и вполнину не так выразительно, как чужие, постоянно сбивался, мямлил и заканчивал до срока, уверяя, что они еще недоработаны. И из-за того, как вытянулось сейчас его лицо, я пожалел, что высказал эту мысль вслух. В глубине души я не мог не признать, что моя реплика была отчасти продиктована и ревностью – с таким восхищением слушала его Лавантэ.

– Я и свои могу, – возразил Фикс негромко, почти шепотом, после долгой паузы и выразительной пантомимы настоятельницы, когда я уже совсем собрался забрать свои слова назад.

– Ну так давайте, – немедленно оживившись, подбодрила его Лавантэ.

– Но они не особо... не так уж хороши.

– Это уж нам судить, – решительно объявила она. – Начинайте!

И Фикс послушно начал. С Лавантэ, особенно когда она в таком настроении, вообще сложно долго спорить.

– Одни бранятся: вот грешница!

Другие вздыхают: как святая...

А она не ангел и не зла приспешница,

А обычная женщина земная.

"Интересно, это он про Мариту?" – мелькнула у меня мысль. Хотя я и не особенно раньше знался с поэтами, чутье мне подсказывало, что свои образы они берут из личного опыта и окружающей действительности. Фикс между тем продолжал изливать свою душу – или чувства – и его голос звучал все увереннее и громче. Может, он снова поймал свою «Точку силы» (или же мысли о Марите так его разволновали).

Я оглянулся на Лавантэ – ее глаза уже повлажнели. Впрочем, ее всегда было легко растрогать.

- Он выпил почти всю мою воду, – сообщил я внезапно и с неожиданной досадой, даже сам себе удивился. Но слишком уж восхищенно смотрела Лавантэ на Фикса – почти как на героя. Как будто это он нас вывел из проклятой выжженной земли! Поэтому я не удержался и добавил еще не совсем справедливое: – И даже последний запас присвоил..

– Ты думал все-таки, что это взял воду? – Фикс побледнел. – Что я украл и соврал?!

А куда же делась фляга, интересно, если Фикс ее не брал? Кроме нас двоих никого больше не было. И он не мог не заметить, что я ее выронил! Однако я решил не доводить сейчас спор до конфликта – только не в присутствии Лавантэ, которая и так уже напряженно переводила взгляд с меня на Фикса и обратно.

– Ничего я не думал, успокойся. Я думал просто, что фляга пропала и нам, значит, какую.

А если ты и взял, то в бреду, но и то едва ли.

Фикс еще помолчал, шумно дыша, а потом вдруг взял и щелкнул меня по носу.

И хотя щелчок вполне безобидный, я взглядом выразил неудовольствие. В основном даже не из-за самого щелчка, а потому, что Лавантэ, чуть откинув назад голову в высоком

чепчике, из которого, как обычно, выбивалась волнистая каштановая прядь, громко и заливисто засмеялась.

Я всегда любил этот ее открытый и заразительный смех, но только теперь-то она смеялась *надо мной вместе* с ним! Как-то невероятно быстро Фикс нашел с ней общий язык, разве нет? Мне-то для этого понадобились целые месяцы и даже годы.

Фикс пожал плечами и щелкнул уже по своему носу – но это было, конечно, неравнозначно. Ведь не он же был обладателем одного из самых выдающихся носов Славии. Или как его лучше назвать теперь, когда я открылся, – носоклювом?

Проблема с моим носом заключалась не в том, что он был большой – это как раз нет, – а в очень заметной горбинке и в том, что кончик был загнут вниз, как у клюва. Не счесть, сколько я снес по этому поводу насмешек в детстве. И теперь при всем желании я не мог бы забыть того, что происхожу из полуптичьего племени ильхов – для этого достаточно было бы просто посмотреть в зеркало.

Признаться, я частенько жалел, что не обладаю обычной внешностью, как, например, у Фикса (если не считать его светло-рыжих отросших лохм). Ведь мои отличительные признаки делали меня очень плохим беглецом.

Взять, например, мои черные волосы – они очень неохотно поддавались расческе и уж тем более приглаживанию. А когда при поспешном полете я лишился своей шапки, они совершенно распоясались и начали бессовестно лезть в глаза, так что сегодня после бани я потерял терпение и обкарнал их своим кинжалом.

Однако и в урезанном виде они все равно продолжали упрямо курчавиться...

Глава 14

– Какие же вкусные лепёшки здесь пекут, – сыто пробормотал Фикс, когда мы остались одни в гостевой келье. – Я даже дома такие не ел.

– Это да, – не мог не согласиться я. – Фрея знает толк в выпечке.... Слушай, Фикс.

- А?

- Я всё хотел спросить, чем же ты так насолил верховному канцлеру Рудольфо, что он отправил за тобой целый «летучий отряд»? – Я спохватился, что ненароком выдал свою необычную осведомлённость в устройстве канцлеровой отборной гвардии, однако Фикс, кажется, не обратил на это внимание.

– Я сам точно не знаю, – отозвался Фикс и нахмурил лоб, задумавшись. – Всех из нашей деревни хотел уничтожить, наверное... Хотя, может, отчасти и из-за этого, – он вывернул

карманы и достал небольшую бумажную упаковку. – Поначалу я пользовался ими направо и налево, даже в Руфине в той поездке дал одной женщине несколько таблеток. Она к нам подошла после спонтанного выступления Сирила на базаре, пожаловалась, что дочь лежит в горячке... А теперь запасов почти не осталось, – прибавил он извиняющимся тоном.

– Что это? – поинтересовался я.

– Таблетки. Активированный уголь, анальгин, парацетамол, жаропонижающее и один антибиотик. Точнее, остатки. – Видя мое полнейшее недоумение, Фикс пояснил: – Ну, одно из средств, которое мы давали тебе от температуры и против воспаления. А кроме лекарств, я ничем таким и не пользовался – точнее, у меня больше при себе ничего и не было...

Раньше я как-то обходил эту тему, старался не задавать лишних вопросов, чтобы не разжигать, как казалось, искру безумия в его голове. Но теперь понял, что мне нужно узнать хотя бы его версию случившегося с ним.

– А как ты вообще здесь оказался, Фикс, если жил в другом мире?

– Я учился на втором курсе, когда однажды увидел одно объявление, – сразу и охотно начал рассказывать Фикс. – Написано в нем было как-то так: "Дорога в придуманное кем-либо и когда-либо произвольно выбранное прошлое, тестовое испытание машины времени. Деньги вперед». Я-то думал, про машину времени это такой образ, а на самом деле будет какой-нибудь психологический опыт или исследование от лаборантов психфака. Ведь в объяве был указан как раз их корпус. А когда я понял, что это никакой не образ, уже поздняк было – попал сюда. Как оказалось, это дорога в один конец, и без всякой возможности связаться. Телефон уже садился, и дозвониться кому-то из родных и друзей я не смог. Только маме и успел написать эсэмэс... А главное, и претензии-то предъявлять некому, кроме себя – ведь предупреждали же. Они, наверно, и сами удивились, когда на пороге их лабы нарисовался такой лопух-испытатель, как я... – Как обычно, я разобрал далеко не все Фиксовы слова, но главную идею, кажется, уловил. Он попал сюда (или думал, что попал) в результате какого-то магического вмешательства или опыта, связанного со временем, на который пошел по легкомыслию. – Ну и напоролся за что боролся... оказался вдруг тут.

- То есть ты не из нашего времени? – решил уточнить я на всякий случай.

- Ну, да, – вздохнул Фикс.

– Из какого же? – спросил я, делая вид, что не слишком-то удивлен.

– Это сложно объяснить, – он обхватил голову руками. Если он и играл растерянность, то весьма убедительно. Это меня задело.

– Меня во многом обвиняли, но в глупости – нечасто, – заявил я.

– При чем тут это? Я и сам не до конца понимаю... А иногда даже начинаю думать, что прошлая жизнь мне приснилась – такой далекой она кажется теперь... Я сейчас и говорю-то по-другому, на языке, который, как думал, никогда не выучу. А раньше жил совсем в ином времени и в иной стране... – Он замолчал, и на этот раз надолго. – Тогда я жил в большом городе и учился на втором курсе яныза. В смысле, на переводчика. Если бы хотя бы на физика, химика или инженера, но нет...

А оказавшись тут, я подумал: круто было бы применить свои знания в этом мире. Ну типа кому-нибудь помочь или что-то улучшить. Однако очень скоро понял, что не слишком и много я знаю. Просто привык пользоваться разными полезными штуками вроде электричества и пенициллина, а когда столкнулся с их отсутствием, оказалось, я даже не представлял, по какому принципу они работают. Не интересовался всем этим. Ну, ты понимаешь? – Он с надеждой заглянул мне в лицо. А у меня, признаться, от его бредовых речей уже голова шла кругом. – И что меня понесло в ту лабораторию? – не дождавшись ответа, продолжал Фикс. – Ведь жил-то, главное, совсем даже неплохо. И проблемы тогда у меня были совершенно другие. Точнее, даже не проблемы, а так, задачки. Вот, например, как-то я постирал в машинке цветные вещи с белыми и получил интересный результат. Меня побила девушка.

– В какой еще «машинке»? – терпеливо уточнил я.

– Да не важно, – махнул рукой Фикс, – я про то, что беспокоился тогда совершенно не о том и знать не знал, как много у меня было... – Боюсь, это проблема свойственна не только ему одному. – Хотя, кое-что хорошее я тут все же нашел. Хлеб! Все никак не могу привыкнуть, какой у него здесь удивительный вкус. И даже вода тоже кажется вкуснее... А я, как только понял, что это не последствия пьянки и не бред воспаленного сознания, был первое время в шоке, конечно. Повезло, что почти сразу на меня наткнулась Селена и привела в их деревню. Там уж я немного освоился, обвык, язык кое-как подучил, даже в седле худно-бедно сидеть научился. И когда вопрос встал о моем трудоустройстве, так сказать... на меня никто не давил, просто самому стало неудобно жить за их счет... Сирил спросил, что у меня получалось раньше лучше всего. Он думал – «раньше», это до травмы головы, как я им говорил. Мол, травма и вызвала некоторые мои чудачества и забывчивость. Только я ему рассказал... впрочем, не важно, сейчас не об этом.

Иногда слушать Фикса было довольно непросто, когда он, как вот теперь, перескакивал с одного на другое.

– Ну так вот, я припомнил, что раньше участвовал в нескольких капустниках и студвеснах... – он щелкнул пальцами, – не знаю, как это будет по-здешнему... И вроде бы кому-то даже нравилось мое бренчание на гитаре. Тут никакой гитары, конечно, не было, но Мартин – он ведь неплохо резал по дереву – вырезал мне эту «балалайку». И на ней я уж начал бренчать потихоньку, как бы развлекать их вечером после ужина своими песенками... не своими, конечно. Поначалу.

Как всегда, я разбирал далеко не все его словечки, но в принципе о смысле можно было и догадаться.

– А потом Сир мне такой и говорит: а почему бы тебе не поработать, так сказать, по специальности? И посоветовал: попробуй себя в качестве трубадура. А я сам еще заметил – когда поешь, акцент становится не так заметен. Ну я и попробовал. Потом еще, а потом уже начал втягиваться... ну а дальше что было, ты уже знаешь. А я до сих пор, признаться, в некотором шоке, хотя и времени вроде бы прошло уже достаточно, чтобы привыкнуть. Я-то, конечно, раньше немного читал про попаданцев, – переведа дух, продолжил он полугорестно, полушутливо. – Но меня это нисколько не подготовило к проблемам, с которыми я вдруг столкнулся, в том числе и бытовым. Ну, например, к отсутствию элементарной туалетной бумаги или к тому, что бриться приходится стремным куском железа. Или что некоторые симпатичные девушки моются только летом, в речке. Зато когда я попал в деревню Сирила, это была настоящая передышка! Вроде как акклиматизация... И вот теперь я снова наедине со всем этим...

Может, мне бы его размышления и не показались бы смешными, если бы передо мной с детства не стояла другая, гораздо более важная задача: как бы выжить, будучи ильхом в обществе людей, ненавидящих ильхов (по крайней мере по словам дядюшки Руди, а в то время у меня еще не было оснований ему не верить). А так я просто фыркнул.

– Ну вот, – еще больше расстроился Фикс, – и тебе мои проблемы кажутся смешными.

– Скорее странными, – уточнил я с неловкостью. – Скажи, а ты никогда не падал с высоты и не ударялся, к примеру, головой?

– Ну, может, было что-то такое в детстве – как-то я свалился с горки и заработал сотрясение, а потом чуть не захлебнулся в аквапарке, но это тут совершенно ни при чем, понимаешь?

Я неуверенно кивнул, хотя на самом деле понимал далеко не все слова Фикса и даже не совсем поспевал за его мыслью.

Сначала я принял этот рассказ за одну из его шуточных историй, а под конец серьезно забеспокоился – не заболел ли он. Я видел, что делает с людьми мозговая горячка, и первым делом они начинали вот так же заговариваться. Я быстро поднял руку и приложил к его лбу. Лоб был горячий, но это обычная температура для человека, ничего внушающего тревогу. Кроме бредовых речей, разумеется. От неожиданности он отшатнулся, а потом печально протянул:

– Ты мне тоже не веришь. Даже в деревне никто не поверил, кроме Сирила... Ладно, не бери в голову.

– Я верю, что у тебя была какая-то травма.

– Это не то, – Фикс досадливо качнул головой, – я просто хочу объяснить или предупредить на случай, если вдруг... Понимаешь, у меня иногда возникает какая-то рябь перед глазами...

– А чем ты занимался... в твоём мире? – поинтересовался я.

– Я-то? Я учился.

– И все?

– А что, этого мало?

– Ты же говорил, тебе уже девятнадцать.

– Ну, еще подрабатывал, – подумав, вспомнил Фикс.

– Кем же?

– Ютубером. – Видя мое скептическое выражение, он махнул рукой: – Долго объяснять, что это. Ведь для этого нужно будет сперва объяснить, что такое интернет, а для этого – что такое компьютер, а еще видео и фото, и многое чего, в чем я сам, если уж откровенно, не слишком разбираюсь... В смысле, пользоваться-то умею, а вот как все в точности устроено, не скажу. В общем, если короче, моя подработка заключалась в том, что я как бы рассказывал людям истории... Только не рассказывал, а показывал.

– Что-то вроде оживших картин? – уточнил я, просто чтобы показать, что тоже кое в чем разбираюсь. В детстве Лавантэ иногда показывала мне картинки из волшебного фонаря, отражающиеся на стене при зажженных свечах.

– А ты сечешь фишку! – обрадовался Фикс. – Да, что-то в этом роде... Теперь-то я понимаю, что моя прежняя жизнь по большей части проходила в соцсетях и прочем виртуальном мире. Так что теперь вполне закономерно, что я оказался в не слишком-то

реальной стране... То есть, – тут же поправился он, – я хотел сказать – необыкновенной.

Ну, а что насчет тебя?

- Что насчет меня?

– Я слышал, твой отец был у вас большой шишкой, чуть ли не королем?

Фикс мог услышать это только от Лавантэ, больше не от кого.

– У ильхов нет королей, – без большой охоты отозвался я, – только вожди племени.

– Ну, значит, ты теперь вроде как новый вождь племени?

Иногда я просто поражался его наивности.

– Фикс, нельзя быть вождем племени без самого племени.

– Но ведь там, за морем, есть еще эльхи...

– И у них там есть свои вожди. И вообще, мне не слишком хочется обсуждать этот вопрос.

– Извини, – Фикс поднял руки, – не хотел тебя расстраивать, просто до этого я ведь даже не знал, что общаюсь с особой королевской крови! Я-то думал, ты не любишь, когда к тебе приближаются, потому что по натуре диковатый. А оно вон оказывается что!

– Я же сказал, нет у нас королей. Не было.

– Ну, не факт, что со временем не развились бы. Вот, например, как было у людей...

– А я что, не человек? – перебил я его.

– Человек, конечно, – торопливо закивал он, – но просто не такой, как другие.

– А я, может, хочу быть как все! – вырвалось у меня почти против воли.

Фикс склонил голову набок, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на сочувствие.

То, что всегда действовало на меня как красная тряпка на быка.

– А что, все должны быть как все? Я вот тоже, например, как-то выделяюсь. И ничего, пока живу!

По-моему, ключевым в этой фразе было как раз «пока». Однако я воздержался от комментария. В отличие от Фикса вначале я предпочитал обдумывать слова, и уж потом их произносить. Не всегда получалось, конечно, но я хотя бы старался.

– А я тут подумал, наверно, сложно тебе пришлось бы в нашем мире, – заметил Фикс, – у нас в день может происходить до ужаса много событий. И поездок, – подумав, добавил он. Это было даже в чем-то обидно.

– Я сроду не боялся никаких поездок, – объявил я с самым уверенным видом.

– Даже и под землей?

– Под землей даже лучше. Народу меньше.

Не знаю, что в моих словах показалось ему таким смешным, но только Фикс вдруг так захохотал, что у него даже выступили слезы на глазах. Я подождал, когда он разъяснит мне соль шуток, однако не дождался и решил сменить тему.

– Фикс?

– Да? – Наконец отсмеявшись, Фикс вытер выступившие от хохота слезы.

– А какой был Сирил? В обычной жизни.

– Сир-то? – Фикс почесал за ухом. – Ну, он любил посмеяться. В том числе и над собой.

Ценил хорошие шутки...

Я вдруг подумал, что, пожалуй, никогда в жизни не встречал человека, более свободного, чем был Сирил. Ни канцлер Рудольфо, ни тем более юный король, ни даже принцесса Виль никогда бы не сумели его в этом опередить. И я впервые по-настоящему пожалел, что мне больше никогда не доведется послушать его речи, к которым я начал было незаметно привыкать... Впрочем, при желании я ведь всегда могу спросить у Фикса, что он помнит из них, ведь он слушал побольше моего. Особенно меня интересовала эта теория про раскрытие какой-либо способности в определенный час или минуту дня или ночи. Может, у меня все-таки тоже имеются какая-нибудь скрытые таланты?

– Мне не хватает Сирила, – признался вдруг Фикс, будто прочитав мои мысли. – Он-то, казалось, всегда знает, что дальше делать... – Он тяжело вздохнул. – А теперь его больше нет, и Селены нет, и остальных, а я так и не понял, что мы такого сделали.

– Иногда, чтобы попасть в беду, достаточно и какой-нибудь малости, – задумчиво заметил я.

Как Фикс называл свои снадобья, «антибиотик», «анальгин»? Положительно ни в одной стране, которую я успел посетить за время своей жизни, ничего созвучного я не слышал. А когда он показывал мне остатки своей «аптечки», я заметил, что эти снадобья действительно напоминали по форме и цвету те, что давала мне Марита от слабости. Можно было бы, конечно, отмахнуться от его рассказней, если бы не одно «но» – я поднялся на ноги всего лишь за неделю. И даже с моей выносливостью это было довольно быстро. Спина почти уже не тревожила – и никакого заражения, чего вполне можно было бы ожидать из-за грязного ножа.

– А фея ведь хотела меня о чем-то таком предупредить на званом вечере, да там столько народу было, и я не расслышал и не понял, – Фикс горько махнул рукой. – Она что-то говорила о шпионах, поэтому я и напрягся, когда ты подошел с расспросами...

– Фея? – Я подумал, что ослышался. Или это продолжение прежнего бреда про междумирье, просто в новой вариации?

- В смысле, принцесса Дорофея, – поправился он. – Мы с ней немного пообщались, не то что подружились – времени особо не было, – но зато успели разок сыграть в шарады, а это, по-моему, показатель!

Тут я вспомнил и принцессу Дорофею, то поручение, которое привело меня в замок к ее отцу и которое я так и не успел выполнить.

А вопрос с Дорофеей заключался вот в чем: дядюшка Руди собирался сосватать ее за нашего короля Кима, в целях укрепления государственных связей и прочих важных соображений. Ей ведь уже исполнилось четырнадцать и она была всего на год младше короля. Однако вовсе не для сватовства послали меня в соседнее королевство – нет, мое ремесло никак не связано с представительскими задачами. Просто до нашего двора дошли слухи, что у красавицы Дорофеи что-то неладное стряслось с лицом.

Слухи были мутными и до крайности неопределенными, вот дядюшка Руди и послал меня выяснить все на месте, что и как. Не врут ли слухи, и если не врут, то насколько велик ущерб?

Конечно, в любом случае королю Киму предстояло в первую очередь думать об интересах государства и, если интересы того потребуют, принести в жертву им личную жизнь и личные вкусы. Другое дело, что если с лицом Дорофеи и впрямь случилась катастрофа, то возникал вопрос о дополнительных предпочтениях и гарантиях, которые можно было вытрясти в данном случае с ее отца Ронуалдо Щедрого...

- А все же, что же на самом деле случилось с принцессой? – подумал я вслух.

- С Феей-то? – переспросил Фикс. – Да ничего особенного, просто подростковые проблемы с кожей. Я ей посоветовал одну мазь, у меня как раз имелась в аптечке – думаю, стопроцентно помогло.

- А ты еще удивляешься, почему они тобой заинтересовались! Сначала в Руфине, потом и в Игении! Мог бы держаться и понезаметнее.

- Ну, жаль было девочку-то, – развел руками Фикс. – Она ведь и правда красивая, а главное, так в себе не уверена...

- Это пройдет, когда она станет королевой Славии, – заметил я. – Кстати, и тебе тогда будет не лишним напомнить о своей услуге. Не прямым текстом, конечно.

– Мне кажется, это будет не слишком-то галантно, - усмехнулся Фикс.

– Это будет уместно. Жизнь проходит слишком быстро, чтобы мяться, – объявил я.

Собственно, это был мой второй девиз. – Если ты мнешься, значит, ты проиграл.

Фикс понимающе кивнул.

– Рой?

– Что?

– А все-таки здорово, что ты есть. Я правда не думал, что найду здесь такого, как ты.

– Крылатого?

– И это тоже, – кивнул он. – Вот уж не думал, что когда-нибудь найду друга с крыльями.

Если я когда такое и видел, то только по телеку или в компьютерных играх... – На его лице снова появилась какая-то неопределенная, будто блуждающая улыбка, как случилось, когда он начинал нести явную тарабарщину, и Фикс даже оживился. – И никак не рассчитывал, что увижу когда-нибудь такое, кроме как в мультиках. И вот пожалуйста, вуаля: я поднялся в воздух без самолета, да еще в стране, которая не знаю даже где и когда существует и существует ли. Рассказать кому – ведь не поверят...

– Это, может, ты непонятно где и когда существуешь и существуешь ли, – парировал я, поскольку нашел уже утомительными постоянные сомнения в реальности окружающего мира. – Фикс вскинул на меня удивленный взгляд. – А тебе бы понравилось, если бы кто-нибудь назвал... – я даже не знал, как это слово правильно произносить и как к нему относиться – как к оскорблению, насмешке или просто невинной шутке? – Мультиком?

– Я же не тебя так назвал, – примиряюще заверил он. – Скорее, свою жизнь. – Она стала какой-то... мультяшной, то есть ненастоящей как будто. Знаешь, я много времени провел в школе и универе и получил кучу знаний, которые уже наполовину забыл и которые сейчас бы мне навернякагодились – но кто бы мог подумать, верно? И в реальности мне пригодилось, помимо захваченного парацетамола, только умение брэнчать на гитаре. Освоить другой струнный инструмент после этого оказалось не так уж трудно.

Я был лишен этого преимущества – учиться в настоящем учебном заведении, о чем и сообщил. Только на монастырском подворье, и то мое образование нельзя было назвать системным.

– Не сказать, что тебе так уж сильно не повезло, – хохотнул Фикс. – Но вообще да, наверно, я просто несу чушь, – самокритично добавил он. – Иногда я и сам не знаю, что болтаю...

– И к тому же частенько болтаешь во сне.

– Да? Толкни меня тогда, если буду мешать. – Фикс снова огляделся. Гостевая келья была, конечно, тесноватой, но уж всяко просторнее одиночных. – Так ты тут, значит, провел свое детство?

- Отчасти, - неохотно ответил я. – И не совсем тут, но да, в монастыре.

- Ну и как тут вообще, жилось?

- Сносно.

Фикс склонил голову набок, явно ожидая продолжения.

- А почему не «хорошо»? – наконец спросил он после молчания.

– Дети меня не особенно принимали, – все так же без охоты продолжил я. Выдавать о себе минимум достоверной информации – вот залог успеха, а иногда и выживания для шпиона. Однако сейчас я вроде уже не шпион, а сами монастырские стены не очень-то располагают к притворству.

Хотя странно, что это вообще требовалось объяснять. У меня был как бы горб, похожий на клюв нос и волосы, жесткие как проволока и черные как крошечная ночь – поэтому кто из детей захотел бы иметь со мной дело? Собственно, «горб», нос и волосы с тех пор никуда не делись, однако я научился жить с ними и не извиняться перед окружающими в каждом жесте и взгляде.

К тому же теперь кое-что было и в моей власти.

Пожалуй, лучшим семейным наследием я считал зубы – довольно крепкие и белые. И, стоило мне показать их в улыбке, получался контраст по сравнению со смуглой кожей – однако улыбаться я не умел и не любил.

– Кроме Кирины, – вдруг вспомнив, добавил я. Показалось нечестным по отношению к ней не сделать эту оговорку.

– А кто это – Кирина? – с живостью спросил Фикс.

- Ну, одна девочка. – Что еще про нее рассказать, я положительно не знал, и поэтому решил перевести разговор на другое:

- Я недорассказал тогда, по поводу Мирикона, помнишь?

- Еще бы забыть, – поежился Фикс. – По описанию похоже на то, что случилось с нашей деревней...

- Так вот, тогда, сто пятьдесят лет назад, впервые кто-то пустил слух о том, что тут не обошлось без ильхов. Что это якобы они принесли в Мирикон смерть с воздуха

И хотя слух этот был на редкость нелепым и не имел никаких доказательств, но люди тогда были растеряны, испуганы... А когда испуган, то и рубишь сгоряча.

- Ты их еще и оправдываешь? – удивился Фикс.

- Не оправдываю, просто пытаюсь объяснить, как было... В общем, это и положило начало страху перед нами. Сначала страху, потом ненависти и презрению. Ну и пошло-поехало... А ведь до этого мы жили с людьми в мире. Сейчас мало кто помнит, как все началось. Да уже неважно теперь, все равно нас почти не осталось, – я махнул рукой.

- Как это не важно? – Фикс даже вскочил с узкой койки. – Очень даже важно! Обязательно нужно развеять все эти слухи и вернуть ильхам доброе имя! Я, правда, пока не знаю как...

- Но это все равно не вернет мне мою семью.

Фикс снова сел, почесал в затылке.

- А я слышал, за Славским морем живут эльхи, – снова заговорил он осторожно. – За Карейтом, в Вуперии. Они вроде как дальние родственники ильхам, и может, мы могли бы как-нибудь собраться и переплыть за море, и познакомиться с ними, и может, тебе пришлось бы по нраву какая-нибудь милая эльханка, если, конечно, у вас с Маритой все непоправимо закончено...

Я ушам своим не поверил. Он что, всерьез собрался сосватать меня, чтобы вывести новое потомство, как у исчезающего вида животных?.. В следующую секунду я подумал о Марите и против воли зажмурился. При всем желании я не мог бы забыть ее – она как будто маячила на самой границе сознания, не желая, видимо, окончательно меня оставить.

- Во-первых, у нас с Маритой никогда ничего и не было, – произнес я после паузы, и в этом не покривил душой, – а во-вторых, ты что, не слышал? Все это не вернет мне МОЮ семью!

Фикс посопел немного и выдал вдруг еще одну идею:

- Тогда, если ты не против, мы бы могли побрататься.

- Что-что? – Мне показалось, что я ослышался.

- Ну, тогда бы мы стали братьями, хоть и названными, но не суть. И тогда вся моя семья стала бы твоей, и наоборот! Удобно же?

Это прозвучало так инфантильно, что я даже забыл о злости.

- И где вся твоя семья?

- Ну, как бы в другом мире, но это не важно...

- Мне важно, – перебил я. – Мне надо, чтобы была в этом. И еще Фикс, не обижайся, но это звучит как-то по-детски, что ли.

- Ну да, – Фикс опустил голову, – мне уже говорили, что я как ребенок.

Он явно был задет.

Глупо, конечно, вышло – зачем было обижать человека, если он хотел как лучше?

- Ладно, – вздохнул я, – если тебе это так важно, то давай.

Фикс глянул на меня искоса.

- Знаешь, это не самая верная мотивация.

- Ну то есть, я хотел сказать... Я подумал – действительно здорово было бы, если бы хоть и в чужом мире, но у меня появились родные.

Фикс немедленно разулыбался:

- Правда?

- Ну да, я же сказал. А что делать-то нужно?

Фикс задумался.

- Я читал, – неуверенно произнес он, – что вроде для этого нужно...

Однако не успел он договорить, как в дверь кельи негромко постучали.

Вместо того чтобы просто крикнуть – «Входите!» – я встал и сам пошел, чтобы открыть (так уж тут было заведено).

И едва сдержал возглас удивления, когда увидел гостью.

На пороге стояла Кирина.

Надо же, меньше всего я ожидал увидеть эту гостью из прошлого, хотя только что сам о ней вспоминал.

Она изменилась, конечно – все меняются, когда вырастают.

Однако кое-что осталось без изменений: задорно вскинутый нос и блестящие карие глаза, из которых временами била, как молния, чистая энергия. И густые блестящие волосы, которые теперь, как и у настоятельницы, слегка выбивались из-под платка. По виду – достойная продолжательница дела всей жизни Лавантэ.

– Кирина, – глупо произнес я, продолжая торчать на пороге и не делая попыток отступить.

Она обогнула меня и сама перешагнула порог, потом взмахнула рукой, и в ладони появился пергамент с письмом. Моим собственным, как оказалось.

– Твое? – без всякого приветствия начала Кирина обвиняющим тоном, будто написать его было тяжким проступком.

Мы с Кириной, как я недавно сообщил Фиксу, некоторое время воспитывались вместе, в одном монастыре. Только она жила в комнате для девочек, а я в то время больше лазил по подвалам, исследуя мир подземелий и надеясь откопать чье-нибудь древнее золото или на худой конец серебро, сбежать к морю и сесть на кругосветный корабль. А ночевать чаще всего приходил в сторожку. Однако мы с Кириной каким-то образом сумели сойтись –

возможно, потому, что она сама проявила склонность к исследованиям подземелий и поиску сокровищ.

А потом ее отдали в частную школу – она была хоть и незаконнорожденной, но дочкой сиятельного графа Гватийского. Тогда я сильно тосковал по ней, а теперь был очень удивлен, увидев вдруг здесь.

Я и не подозревал, что они с Лавантэ не теряли связи и уж тем более, что Кирина тоже решила посвятить себя вере.

– Что стряслось? – первым делом спросила она. – Мы с матушкой места себе не ходили с тех пор, как получили твое послание. О каких переменах речь?

– Я же написал – о переменах к лучшему. Здравствуй, кстати. – А мне-то казалось, я так ловко и красиво все изложил, – даже гордился своим посланием, пожалуй, впервые в жизни.

- Не увливай, – отрезала она. Да, Кирина и в детстве за словом в карман не лезла. – Где ты теперь живешь? – продолжала расспрашивать она.

- В данный момент здесь.

- Я же сказала, не увливай!

- А я упомянул в письме, что некоторое время решил посвятить странствиям. – Я по-прежнему не понимал, из-за чего весь сыр-бор. Они ведь пока еще не знали об опасности – или мне только так казалось? Да, некоторые женщины и без всяких «Точек силы», загодя начинают чувствовать неприятности.

– Ты стал бродягой? – Ее красивые, хоть и небольшие голубые глаза округлились.

– В настоящий момент я путешествую, – я решил быть терпеливым и отвечать на ее вопросы, пока они наконец не иссякнут.

– А это кто? – Кирина не глядя ткнула пальцем в сторону Фикса. Он невольно выпрямился. – Новый знакомый?

– Приветствую, – Фикс широко улыбнулся и даже поднес два согнутых пальца ко лбу.

– Ну да, – я уже достаточно опомнился, чтобы и самому перейти в наступление. – А что, собственно, за допросы? Почему я должен давать тебе ответы?

– Потому, что мы всю голову сломали, гадая, что с тобой стряслось! А ты, оказывается, просто решил постранствовать?

Как раз сейчас я намеревался передохнуть от дороги.

– Ну а ты, – решил я сменить тему, – надумала все-таки вернуться в монастырь?

- Ну да, – Кирина опустила глаза, будто смутившись. Но тут же снова вздернула подбородок: – Графская дочь и внебрачная графская дочь – это две большие разницы, как говорил наш садовник Микван. – Как я, она накрепко усвоила еще в детстве, что иногда и правда, сказанная вовремя и с уверенным видом, может быть лучшей защитой. – Помнишь его?

- Ворчуна Мика? Ну еще бы! – Впервые с ее появления я позволил себе улыбнуться. В детстве мне довелось разок побывать в поместье ее отца герцога Гватийского, в блестящей Гвайте. – Признаться, мне тебя не хватало там... в *мире*.

- А я вот не стану тебе в этом признаваться, – сообщила с усмешкой Кирина. Да, она все же несколько не изменилась. Она наконец прошла вглубь кельи, и Фикс немедленно встал и протянул руку, словно не поздоровался две минуты назад.

- Знакомься, Кира, это Финикс.

- Можно Фикс, – встрял Фикс.

Кирина коротко глянула на его ладонь. Помедлив, Фикс ее опустил. Очевидно, раньше ему никогда не приходилось общаться с монахинями и даже здороваться с ними, а иначе бы он был в курсе, что пытаться коснуться – это грубое нарушение приличий.

- Фикс изучал науки в университете, – ляпнул я, не подумав. И конечно же у Кирины это немедленно вызвало шквал вопросов:

- Как интересно! А в каком университете, вильградском или заграничном? И какие науки?

- Заграничном, – уклончиво ответил я, раздумывая, как бы сменить тему, прежде чем Фикс примется разглагольствовать о «лаборатории», «психфаке» и прочем.

- А что изучали? – не успокаивалась Кирина.

- Разные языки. И культуры, – зачем-то уточнил я.

- Ага, – немедленно встрял Фикс. – Хотя и не знаю, зачем меня понесло на иняз. Предки больше уговорили. Мне-то больше всего в школе нравилась биология.

- Биология? – переспросила Кирина, удивленно подняв брови.

- Ну, в смысле, естественные науки, – пояснил Фикс, – меня еще астрономия интересовала. Хотя и музыка тоже ничего была. Но биология все же – на первом месте!

- Естественные? – протянула Кирина, слегка наморщив нос.

- Ага, – радостно кивнул Фикс, не замечая ее разочарования, – самые что ни на есть. До сих пор помню клочки информации с факультативов... – Вот, вспомнил! Угол обзора у осьминога – 360 градусов, а у человека – всего 190! Или еще, например, вы знали, что

самая медленная рыба на свете – это окунь, а самая быстрая, парусник, может развивать скорость до 100 км в час?

Да, познаний об окружающем мире у него, судя по всему, было немало. Сам-то я не проходил теоретическое обучение в общепринятом смысле этого слова, никто не отдавал меня в школу постигать мастерство шпиона, и почти сразу я начал учиться на практике. Точнее, меня заставили. А еще точнее, бросили как щенка в прорубь, как ильхенка со скалы. И тут уж зависело от меня, выплыву я, вырулю или же разобьюсь о камни. Я кое-как выплыл – по крайней мере, до сих пор жив, а при моем бывшем ремесле это довольно значимый показатель.

- Впервые слышу об этих рыбах, – холодно заметила Кирина.

- Ну... - Фикс немного стушевался, – может, они как-то по-другому называются, я просто перепутал... – Он повернулся ко мне: – А ты вот в курсе, к примеру, что тело человека на 72 процента состоит из воды?

- Мне все равно, я не человек, – пробормотал я с досадой. Кирину можно было не стесняться: она с детства в курсе.

- Как это не человек? Очень даже человек, – не отставал Фикс. – И еще ты знаешь, что сердце – самая сильная мышца? А в мозге клеток больше, чем звёзд в Галактике!

- А что такое галактика? – спросил я, заинтересовавшись.

- Ну, это как бы... – он задумался. – Ну, скопление звезд. А скопление галактик – это уже Вселенная...

- Разве ты не учился в школе и не знаешь, что звезды вместе с луной и Солнцем крутятся вокруг земли? – снисходительно спросила Кирина.

- Я-то как раз учился, – гордо сообщил Фикс (ему, видимо, не преподавали в школе урок, что спорить с дамами не галантно). – И прекрасно помню, что наоборот! В смысле, луна крутится вокруг земли, да, а сама Земля вокруг Солнца, единственной звезды нашей солнечной системы.

Кирина глянула на меня, приподняв брови и как бы приглашая вместе посмеяться над Фиксом (как мы, бывало, смеялись над ворчунном Микваном).

- Вообще я тоже слышал, – неловко проговорил я (этот разговор, даже я понимал, не для монастырских стен, особенно если тебя милостиво приютили). – Недавно появилось новое учение, что касается звезд, и в нем...

- И слушать не желаю! – Кирина демонстративно зажала ладонями свои хорошенькие уши, выглядывающие из-под платка, и сделала шаг назад. – И вообще пойду я, пожалуй, а то уже

поздно, а мне завтра рано вставать... Как обычно, – и еще раз с осуждением глянув на Фикса, она суховато кивнула и вышла из гостевой кельи.

Фикс посмотрел на меня печально:

- Я сказал что-то не то, да? Говори, не стесняйся. Чувствую, я сейчас сел в лужу.

- Похоже, тебе не привыкать, – я не удержался от улыбки, заметив, как вытянулось его лицо.

- Думаешь, эта милая, но строгая девушка передаст мои слова настоятельнице, и меня и отсюда попрут?

– Не волнуйся, на самом деле Лавантэ мыслит довольно широко. По крайней мере шире, чем принято при ее сане и положении. Так что за неправильные речи тебя точно никто не выгонит. Разве что ты во всеуслышание сообщишь, что побывал на луне.

- Ну, не я сам, но вообще да, было дело, – Фикс осекся под моим взглядом. – Всё, молчу...

Глава 15

Среди ночи Фикс вдруг принялся трясти меня за плечи:

– Рой! Эй, Рой, проснись!

– Что? – Я даже подскочил на лежанке. – Пожар, нападение?!

– Нет, нет, все нормально, – Фикс отошел к своей койке.

– Тогда что же случилось?

– Ничего особенного, просто я...

– Что же ты меня разбудил?

– Да так, ерунда. – Я заметил в полутьме, как Фикс натужно улыбнулся. – Мне просто сон один приснился...

– Сон? – переспросил я, едва веря своим ушам.

– Ну да, и я хотел рассказать...

– А до утра это не могло подождать? – проворчал я, укладываясь обратно.

– Да просто захотелось поделиться.

– Ну, тогда делись. – Я против воли зевнул.

– Да я подумал, – Фикс почесал в голове, – действительно, глупо как-то рассказывать..

– Ты что, смеешься надо мной? – заподозрил я.

– Нет, я... – Фикс быстро взглянул на меня и опустил голову. – Наверно, еще боюсь за тебя.

– Фикс, не чуди, – посоветовал я и закрыл глаза. – Ложись лучше спать.

– Мне приснилось, будто тебя хоронят, – признался Фикс, понизив голос. – А я слышал, что если сон расскажешь, то он не сбудется.

Рано или поздно это сбудется, подумал я, а вслух сказал:

– Фикс, ты же меня вытащил.

– Ну строго говоря, не я...

– Успокойся уже. Ложись спать, – мягко повторил я.

Долго гостить в женском монастыре мы все же не могли – надо и честь знать – и поэтому через день отправились в Вильград, столицу княжества.

На прощание Лавантэ неловко сунула мне какой-то сверток в карман и с непривычной робостью попросила:

- Просто гостинец. Ты сейчас не разворачивай, ладно? Потом, когда проголодаешься.

- Ладно, – согласился я, удивляясь, почему для нее это так важно.

А Фиксу Лавантэ успела уже подарить новые дорогие штаны взамен его старых, порвавшихся уже даже и на коленях, и он долго вертелся перед маленьким зеркальцем, одолженным так же Лавантэ, чтобы рассмотреть себя со всех сторон. Надо сказать, новые штаны не особенно сочетались с его просторной пестрой накидкой, простой рубахой и кожаным жилетом, не говоря уж о крестьянских башмаках из грубой кожи и неопределенного коричневого цвета. Однако, кажется, это мелочь несколько его не смущала.

Я сначала удивился – откуда Лавантэ вообще взяла здесь штаны? – а потом догадался, что она припасла их заранее, для меня. Да я оказался выше, чем она, очевидно, рассчитывала.

Что же касается меня, я жалел, что не успел толком попрощаться с Кириной. Еще вчера ее срочно вызвали в пригород, что-то случилось с ее отцом. Однако Вильград находился не так уж далеко от монастыря – всего лишь чуть больше часа пешего пути, – поэтому, я не сомневался, мы еще не раз с ней увидимся.

И, как частенько бывало со мной в последнее время, я сильно ошибся...

– Ну и толпа, – вздохнул я, когда мы проходили через главную площадь Вильграда.

Может, тут готовятся встречать в ближайшем времени какого-нибудь сиятельного графа или даже герцога? А я с детства не люблю, когда в одном месте слишком много народу, особенно когда значительная их часть была в казенных мундирах.

– И это, по-твоему, толпа? – усмехнулся Фикс. – Видел бы ты наше метро в час пик, особенно на серой ветке!

Опять какая-то тарабарщина, в которой я понял лишь половину. Причем слова «серая ветка» он явно употребил в каком-то другом значении. Признаться в том, что его словарный запас больше моего (хотя в я прочитал книг больше всех в нашем монастыре) было неохота, и поэтому я снова сделал вид, что не услышал.

– Дай медячок! – донеслось до нас чье-то пение. – Всего лишь медячок, чок, чок! Не обеднеешь, мужичок! Подкинь на уголек!

Как вскоре выяснилось, куплеты выводил какой-то уличный паяц. Вокруг него собралась еще одна кучка зевак, и мы с Фиксом замедлили шаг, обходя ее. Вообще-то мы направлялись в гостиницу «Кираса» – по рекомендации Лавантэ.

Хозяин гостиницы был ее давним и хорошим, как она пояснила, знакомым по фамилии Легрей. Однако паяц так забавно кривлялся, крутился, изображая танец, выкрикивал свои немудрящие стишки и так простодушно просил медячок (некоторым людям не мешало бы поучиться этому умению говорить прямо о том, что им нужно), что я почти против воли полез за пазуху. Теперь, лишившись дорогого мне кошелька, я вынужден был носить деньги во внутреннем кармане своего плаща (после марш-броска по пустыне старушка Эльга почистила его и привела его в порядок, так что теперь он выглядел как новый).

И я очень удивился, обнаружив в своем кармане постороннюю руку – а именно узкую девичью ладошку.

Светловолосая девчонка, оказавшаяся рядом, тоненько вскрикнула, и Фикс немедленно обернулся. Ее волосы были светлые, как пух, а ресницы и брови казались и вовсе белесыми. А глазенки большие, бледно-серые и испуганные. Карманница!

Я крепко ухватил обе ее руки за запястья, не хуже кандалов.

- Работаете в паре? – зло прошипел я. – Он отвлекает внимание, а ты лазаешь по карманам?

- Нет! – девочка затрясла головой. Точнее, девушка – вблизи стало заметно, что ее фигурка вполне уже сформировалась, несмотря на миниатюрный рост – ей лет семнадцать, не меньше. А может, и больше. – Я просто ошиблась!

- Гвардейцы разберутся, – бросил я. – Сейчас крикну стражу...

Теперь уже замолчал и размалеванный в черно-белую краску паяц, и люди начали на нас оглядываться.

Конечно, никакую стражу я звать не собирался, просто хотел припугнуть этих негодников, чтобы впредь неповадно было устраивать свои «выступления» аж на главной площади города.

- Не надо, – страдальчески зашептала девочка. Ее одежда, хоть и была чистой и аккуратно подштопанной, выдавала бедность: что это за заплатки на руках, если не отчаянное барахтанье на самой границе нищеты?

- Не надо! – так же тихо подхватил Фикс, – она же ничего не взяла!

- Что, воровку поймали? – поинтересовался кто-то в толпе, и горожане зашумели, сдвигаясь плотнее: никому не хотелось пропустить это волнующее представление.

- Я ее не знаю! – выкрикнул паяц и вдруг задал стрекача, только его и видели. Карманница проводила его растерянным взглядом. А я уже и сам начал жалеть, что вызвал шумиху. Только этого беглецам, впервые вступающим в чужой город, и не хватает.

- Я ее знаю, – с показной уверенностью заговорил вдруг Фикс, больше обычного растягивая гласные, и его иноземный акцент стал заметнее. - Это моя родственница, все нормально. Просто произошло недоразумение. Помнишь, я рассказывал, что меня должны встречать тут на площади? – повернулся он ко мне и со значением подмигнул. – Племяшку, видимо послали!

- Да, вспомнил, – напрягая голос, отозвался я и наконец выпустил ладони воровки. Толпа разочарованно выдохнула и отступила. Девчонка тоже отступила и неуверенно оглянулась – бежать ей было сейчас не с руки, следовало подождать, пока все разойдутся.

- Ну, что встали, пойдете! – бодро скомандовал Фикс, и мы, будто послушавшись его команды, действительно пошли. И прошли так вместе довольно долго, почти до самой гостиницы «Кираса», причем воришка держалась рядом с Фиксом, сразу распознав в нем наиболее безвредного из нас.

Глава 16

- Эйя говорит, что поэтому и перебралась сюда, в Вильсию, что женщинам здесь возможно учиться. В местном вильградском колледже имени... э-э... забыл, как называется. И она хочет учиться, просто пока не собрала достаточную на обучение сумму – вот и приходится крутиться! Здесь она познакомилась с Корисом, он и предложил ей заработать, и она уверяет, что сегодня вышла на площадь во второй или третий раз. Поэтому и сработала неумело. И она обещает, что больше так не будет, честно! – захлеб рассказывал Фикс, проводив незадачливую воришку до ее жилища и вернувшись в «Кирасу», где я уже успел

договориться с хозяином о проживании, занять и проветрить комнату и расположить наши немногочисленные пожитки.

В голосе Фикса звучало что-то новое, и к тому же его энтузиазм по отношению к словам карманницы казался несколько избыточным.

- Ее зовут Эйя? – спросил только я.

Фикс заметно смутился от этого довольно невинного вопроса.

- Ну, вообще-то Эрика, – пробормотал он. Но тут же встряхнулся и с еще большим энтузиазмом продолжил: – Вот, а изучать она хочет естественные науки, представляешь? В частности медицину! В первый раз тут встречаю девушку, которая всерьез стремится учиться!

Для меня лично тяга к знаниям не могла быть оправданием для воровства, однако Фикс, похоже, уже выбросил из памяти этот неприятный инцидент.

Надо сказать, в Славии женщин не принимали в университеты. Дядюшка Руди, например, считал (публично свое мнение, впрочем, не афишируя), что женщины – это вторичный продукт. Так и объяснял в нечастых беседах с глазу на глаз, мол, раз она произошла из ребра Адама, то и ее законное место – на вторых ролях. А на первые места, что в политике, что в семейной жизни, ей лучше и не пробовать выдвигаться. Так будет лучше и для нее, и для окружающих. (Принцесса Виль, думаю, могла бы с ним поспорить, случись ему озвучить это мнение в ее присутствии.)

На следующее утро после завтрака Фикс заявил, что у него дела в городе, да и был таков. Он отсутствовал довольно долго – до самого позднего вечера.

Наконец, когда я уже начал беспокоиться, дверь открылась и в нее влетел Фикс собственной персоной. Но в каком же он был виде! А, главное, с кем – с давешней карманницей Эрикой. И держал в руках какой-то сине-красный камень.

Приглядевшись, я понял, что это обычная хвостатая черепаха, а камень напоминает, потому что съежилась настолько, насколько было возможно: втянула в панцирь и голову, и все конечности. Втянула бы и хвост, если бы могла – но он оказался перетянут на конце тонкой полоской белой ткани.

Надо признать, довольно жалкое зрелище, но Фиксу очевидно нравилось – как говорится, подобное притягивается подобным.

– Что это? – поинтересовался я скептически.

А Фикс протянул вперед черепаху, как будто я ее плохо разглядел. Она попыталась еще больше сжаться и втянуться в себя, но безуспешно.

– Черепаха, – объяснил он тогда. – Мы нашли ее, а точнее, отобрали у плохих ребят.

– А почему она здесь? – Как-никак, это жилище я снял на собственные деньги, Фикс свои уже успел промотать, и не предполагалось, что здесь будет ползать кто-то безмозглый (то есть кто-то еще, помимо Фикса).

– А что мне было делать? – тут же ушел в оборону Фикс. – Они начали ей резать хвост! И, клянусь, я видел, что она плачет!

– Черепахи не плачут, – машинально поправил я. В данный момент она как раз перевела немигающий взгляд своих глазенок на меня, будто понимала, что говорят о ней.

– Не понимаю, – продолжал Фикс горестно, – кому вообще могло прийти в голову сделать такое...

– Да еще и на кладбище, – пискнула за его спиной Эрика, и это были первые слова, которые я услышал от нее после вчерашнего знакомства. И тут же мне на ум пришел резонный вопрос – а их-то как занесло на кладбище? Что еще за странное место для встречи?

– Наверно, проводили какой-нибудь поганый обряд, – предположил я и тут же задал главный интересовавший меня вопрос: – Куда же вы теперь ее отнесете?

Я сделал упор на слово «вы», подразумевая, что Эрика тоже должна принять участие в судьбе рептилии, однако она (Эрика, а не рептилия) ловко спряталась обратно за спину Фикса, а тот постарался принять уверенный вид и даже подбоченился.

– Ну брось, чем нам может помешать несчастный черепашонок? – Тут Фикс явно преуменьшил – это был уже далеко не черепашонок и даже не черепашка, а вполне взрослая сухопутная черепаха. Я бы сказал, целая черепашища. Она была довольно большого размера и выглядела лет на десять, если не на пятнадцать, и значит, по идее не поддавалась дрессировке. Впрочем, я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то вздумал дрессировать черепах. – К тому же какой-то редкой породы – я ни разу таких не встречал!

А порода между тем была самая обычная. Я даже специально осмотрел ее – может, пропустил какую-то метку или необычный знак, – но нет, совершенно стандартная внешность большой сухопутной бирюзовой черепахи. Их, правда, уже не слишком много осталось. Очень уж выдает цвет, а мясо у них, говорят, довольно нежное – для гурманов и богачей.

– А кто будет ее кормить и все прочее? – спросил я не без подозрения. Я и уход за животными – это очень, очень далекие понятия.

– Я, конечно! – с энтузиазмом объявил Фикс. – На самом деле ухаживать за ними совсем не трудно, я сам когда-то читал.

– И как ты ее назовешь? – Новость о том, что не мне выпадет честь с ней возиться, немного ободряла.

– Пушка, – выпалил Фикс без всякого раздумья. Очевидно, он все уже успел продумать. – Это, кажется, самка, хотя я и не до конца уверен. Сокращённо от Черепушка. Это не из-за кладбища, а от слова «черепашка»... Сначала-то я хотел назвать Фишка, просто по приколу, но потом подумал: может получится, будто я назвал ее в свою честь. А это вышло бы как-то нескромно...

По-моему, слишком много размышлений по поводу прозвища, поэтому я сказал кратко:

– Пушка сойдет. Надеюсь только, она не будет слишком шуметь.

– А ты что, знаешь, что такое пушка? – озадаченно уставился на меня Фикс.

– Ты же сам сказал – сокращение от черепушки. А скелеты имеют свойство греметь костями, – неловко пошутил я.

Тут Эйя удивила меня, издав неловкий смешок. Однако, видимо, и сама от этого смутилась и тут же засобиравалась «по делам». Ну а Фикс после ее ухода немедленно приступил к «дрессировке».

Когда черепаха перестала бояться и высунула голову из панциря, выяснилось, что ей нравится, когда ее гладят по голове. А когда Фикс почесал ее по панцирю, и вовсе принялась раскачиваться на лапах – как бы пританцовывать (даже странно, что после всего пережитого она не разуверилась в человеке).

- Поверить не могу, что люди способны издеваться над таким беззащитным существом, - вздохнул Фикс, будто прочитав мои мысли.

- Я слышал, черепахи этой породы могут и укусить, - заметил я, рассматривая книгу, купленную сегодня в местной книжной лавке. Книга называлась «Все о древних и современных ядах и противоядиях», и я листал ее, размышляя, не слишком ли дорого заплатил – целый роф серебром. А деньги меж тем следовало экономить – неизвестно, когда я найду здесь новую работу.

- Укусить? – переспросил Фикс. – Это ей никак не помогло бы! Когда мы с Эйей собирали траву на кладбище и увидели, что делают с черепашкой, Эйя начала кричать, да таким громким голосом, что они, наверно, подумали, что на них орут сразу три девушки, а потом уж я...

– Постой-постой, а вы-то что делали на кладбище? – вдруг задался вопросом я.

– Ну, Эйя рвала траву, а ей помогал, – Фикс с недоумением на меня посмотрел. – И еще стихи кое-какие ей читал.

Да, это было как раз неудивительно: сложно представить ситуацию, в которой Фикс не посчитал бы возможным прочесть пару-тройку стихотворений.

– А *зачем* ей понадобились трава с кладбища? Она что, ведьма?! – спросил я после паузы, и, едва произнес это слово, как мне тут же стало ясно – ведьма, конечно же. Кто же еще? И где только были мои мозги? Это же буквально бросалось в глаза!

Я даже не сразу смог вымолвить это слово – «ведьма».

В какую же страшную ловушку угодил Фикс, сам того не сознавая! Эрика наверняка его приворожила, как действуют все колдуньи. И уж конечно пользуется какой-нибудь волшебной расческой или румянами – или какие там еще есть хитрые штучки у ведьм? Вот и соблазнила как нечего делать наивного и не слишком опытного Фикса. Он даже имя ее произносил как-то с придыханием: «Эйя...»

– И вовсе Эйя не ведьма! – предсказуемо не поверил мне Фикс. – Что это вообще за суеверия? Она просто разбирается в растениях и знает, какие могут помочь и от чего, а от каких лучше держаться подальше. Говорю же, она хочет изучать медицину...

– Да? – я даже не пытался скрыть свой скепсис. – А почему же в таком случае она собирает их *на кладбище*?

– *В том числе* и на кладбище, – поправил меня Фикс. – В основном она собирает их на лугу или в лесу, но иногда возникает необходимость в особенных травах...

– Каких, например? – Я пожегся, до того зловещей представилась картина этих *особенных* трав.

– Это я не могу сказать, я же не знаток, – Фикс легкомысленно улыбнулся. – Но, думаю, каких-то важных...

– Надо же, ты *думаешь*, – не удержался я от горькой усмешки.

– А что, я, по-твоему, глупец? – немедленно оскорбился Фикс.

– В общем не уверен, но с ней ты определенно глупеешь.

– Видел бы ты себя со стороны, когда разговаривал с Маритой, – поддел меня в ответ Фикс, но я был слишком встревожен, чтобы обращать внимание на подобные выпады.

Я вспомнил, как однажды Лавантэ посоветовала мне – или это лучше назвать предостережением? – держаться подальше от тех, кто разговаривает с духами. Счастья это не принесет, объяснила она, а вот навредить очень даже может. И я накрепко, на всю жизнь запомнил ее совет. Я точно знал – с губ Лавантэ не может сорваться откровенной и

осознанной лжи. Это, кстати, до некоторой степени примиряло меня с произносимыми ею религиозными речами. Хотя я все равно никак не мог взять в толк, зачем Богу понадобилось создавать таких существ, как я, которые не только не нужны людям, но и отвергаемы ими и, кажется, обречены с самого рождения.

Разве что для страдания, как это случилось с моей семьей? Или, хуже того, ради шутки и развлечения?

Нет, я решительно не мог понять этого (может даже, самого важного) вопроса, а у Лавантэ только это и не получилось мне объяснить.

Я не спрашивал о том, почему вынужден прятаться и притворяться горбуном вместо того, чтобы без опаски расправлять крылья и взлетать в небо при солнечном свете – ладно, на это действительно могла иметься какая-то причина.

Но *моя семья!*

Правда, это было уж *слишком* много.

Лавантэ все повторяла, что у случившегося должна быть какая-то причина, а я должен научиться перешагивать через личную боль, чтобы видеть дальше и шире.

Наконец, лет в десять мне надоели эти речи, и я прямо спросил: какая цель могла быть в уничтожении моей семьи? Если она и есть, я не хотел бы ее знать. Я до сих пор иногда слышал во сне, как кричала моя младшая сестра, когда солдаты тогда еще прежнего короля отрубали ей крылья. Видимо, тот молодой солдат нашел это крайне забавным. Потом, лет пять назад, я его отыскал и поговорил по-свойски, и это была очень печальная для него беседа.

А у Лавантэ на мой вопрос так и не нашлось ответа, и она замолчала, свернула разговор и больше не возвращалась к этой теме. Поняла, видимо, что бесполезно.

– Вот пообщаешься с Эйей побольше – и сам поймешь, какая она. И вовсе не ведьма, – всё пытался убедить меня Фикс. – Стоит только с ней поговорить...

– Да она не слишком-то со мной и разговаривает, – заметил я скептически.

– Это потому что Эйя тебя малость побаивается, – пояснил Фикс.

– Меня? – удивился я.

– Ну да.

– Потому что я страшно выгляжу?

– Потому что ты выглядишь грозно, – усмехнулся Фикс, – особенно когда вот так смотришь. Я и то чуть не зассал, когда ты спросил – откуда, мол, у меня трехструнка-то.

Прямо как следователь из кино, точь-в-точь. Ну все, думаю, хана мне, этот человек

момента́льно выведет меня на чистую воду. – В принципе он был не так уж далеко от истины, учитывая мое тогдашнее ремесло. – Хотя, заметь, я ее ни у кого не стащил, она была моя – в смысле, подаренная. Вот насколько у тебя суровый взгляд!

– А тебе было что скрывать?

– Ну, не намного больше, чем другим. В том-то и дело! Теперь усек, какое впечатление производит твой суровый вид на неподготовленных людей? Я и то был немного готов – малость уже пообтерся, шастая по дорогам со своей балалайкой. А Эйя – хрупкая нежная девушка, и испугать ее намного проще!

Надо же, никогда не смотрел на это с такой точки зрения. Да и странно было бы разглядывать себя с точки зрения юных дев – хотя и любопытно, без сомнения. Значит, вот что я внушаю своим видом? Страх?

Но и Эрика тоже, знаете, не такая уж нежная девушка. Как вообще карманница и ведьма может быть «хрупкой»?

И что делать с околдованным ею Фиксом, хотел бы я знать? Есть же какие-то заклинания против приворотов, то есть антизаклинания или антивороты? Эх, поторопился я все же, взяв книгу о противоядиях – следовало купить пособие по борьбе с ведьмовскими штучками. Ведь если они существуют, то должны быть и способы противодействия, верно?

«Думай, – скомандовал я себе. – Ну же, думай лучше!»

Я прочитал уйму самых разных манускриптов в подвалах монастыря, самом большом хранилище книг во всей Вильсии, хотя многие из них отсырели или были безнадежно испорчены (наверно, Фикс прав, содержали их довольно небрежно), – и не знал ни одного подобного «антиворота».

Я просто никогда не интересовался подобным чернокнижным знанием, даже когда повзрослел и получил доступ в библиотеки канцлера – ограниченный доступ, но все же! – и мог выбрать почти любой манускрипт по своему желанию. Дядя Руди взял с меня слово, что я буду возвращать прочитанное на место, предварительно его запомнив. И я действительно всегда запоминал и возвращал – на протяжении всех шести лет, когда я числился в его слугах, кроме одного-единственного раза...

Снова я отвлекся, речь сейчас не о том злосчастном разе, а о том, как избавить Фикса от присосавшейся к нему колдуньи. Потому что знаться с такими, как она – дело не только никчемное, но и прямо опасное, о чем и предупредила меня Лавантэ и о чем я сам не раз читал в разных источниках.

В этих самых случаях (зафиксированных в хрониках, например, Мирикона и Карейта) на костре сжигали не только ведьму, но и иногда ее близких, поэтому нет нужды расписывать, насколько опасно иметь дело с подобными особами.

В конце концов, кто еще может предостеречь Фикса от опасности, кроме меня? Что вообще у него есть за душой, кроме балалайки да облезлой черепахи? Фикс как раз снова с увлечением занялся ее воспитанием – так что она быстро вжала голову и лапы в панцирь и притворилась камнем. Тогда он оторвал листок у вьющегося растения на подоконнике и положил перед Пушкой – угощайся, мол. Она осторожно вытянула голову, понюхала, затем проворно проглотила угощение и снова спряталась в себя.

«Нужно поговорить с Лавантэ», – так ничего и не придумав, решил я и углубился в свою книгу о противоядиях.

Глава 17

- А ничего, что она была ведьмой? – мрачно спросил я у Лавантэ, когда на следующий день прибыл к ней посоветоваться по поводу Эрики. Дорога от Вильграда до монастыря занимала совсем немного – если темным вечером на крыльях, то вообще двадцать минут.

- Главное тут слово – «была», – безмятежно отозвалась матушка. Она всегда рада была уделить мне время в своем плотном графике настоятельницы большого монастыря, но, увы, не всегда могла помочь. – Если вообще это было.

- Было, уж поверь, – веско заметил я. – Или посещения кладбища тебе ни о чем не говорит?

- Ты же не знаешь все подробности, – мягко возразила Лавантэ.

- Все, может, и не знаю, но тем не менее знаю достаточно!

- Это тебе только кажется. Мы даже свою душу до конца изучить не можем, что же можем сказать о чужой?

- Ну да, ничего особенного, – с досадой пробормотал я себе под нос.

Снова она сбивалась на проповеднический тон, а значит, диалог грозит вылиться в душеспасительную беседу. И пока этого не произошло, я поднялся, скомканно простился, сославшись на недостаток времени для ужина, на который она меня настойчиво приглашала, и откланялся.

В общем, даже Лавантэ, хранитель нравственности и страж морали, не смогла дать толковый совет, как вывести эту Эрику на чистую воду. И весь обратный полет в город я злился на себя: а чего я, собственно, от нее ожидал? Что она бросит все дела и поедет изгонять из Эрики злых духов? Смешно даже, ей-богу.

Самое первое и, может, самое горькое разочарование юности заключается в том, что ты понимаешь: твои наставники далеко не всесильны и даже могут быть в чем-то слабее тебя. Причем мне казалось, что этот-то урок я прошел, а вот подишь ты!

И с Кириной снова не вышло встретиться – она все еще гостила у родных. Возможно, как раз она-то, с ее острым умом и собственным мнением почти по любому вопросу, могла бы подсказать мне что-нибудь действительно дельное...

Я спустился неподалеку от Вильграда, намереваясь оставшийся путь проделать пешком, чтобы не привлекать досужее внимание. Сунул руку во внутренний карман плаща, дабы достать флягу с водой (фляга была та самая, «счастливая»), и нащупал тот сверток, что положила мне Лавантэ еще в прошлое посещение. Я и забыл про него из-за суматохи последних дней! А сейчас медленно достал и развернул.

Надо же, опять те конфеты!

Четыре Фиксовы конфеты, которые я послал настоятельнице как единственный дар за много лет. А она, выходит, сохранила их! И украдкой сунула в мой карман...

Мне немедленно стало стыдно, что я соединил слова «разочарование» и «Лавантэ» в одном предложении даже мысленно. Не она меня, а я ее наверняка разочаровывал своей гордыней и несообразительностью...

Однако на этом разочарования не закончились: в этот же день, стоило мне вернуться в «Кирасу», как Фиксова черепаха, поев, поспав и как-то оживившись, взяла и уползла. Воспользовалась моментом, когда кто-то открыл дверь, незаметно в нее проскользнула – и была такова, только ее и видели. Очевидно, ее воля к свободе оказалась сильнее стремления к уюту и ежедневному обеду. Или, может, просто надоела Фиксова «дрессировка»?

Мне еще потом долго было интересно, как она сумела преодолеть все двадцать немаленьких деревянных ступенек, ведущих на первый этаж, при том что одна из них и вовсе отсутствовала? И даже сделать это довольно проворно – ведь Фикс почти сразу спохватился, выскочил в открытую дверь, пробежался вверх-вниз по лестнице, выбежал на улицу и исследовал лужайку перед гостиницей чуть ли не на коленях, а потом еще долго ходил по округе, выкрикивая во все горло: «Эй, Пушка!», так что люди уже начали на него оглядываться. И в конце концов, подавленный и молчаливый, он возвратился ни с чем обратно.

Так и закончилась его попытка завести собственное домашнее животное в чужой стране.

Вечером за ужином в одном из городских кабачков (кухня в «Кирасе» успела нам уже надоесть однообразием и какой-то недоделанностью, что ли, как будто повар постоянно куда-то спешил) Фикс снова взялся за промывание мне мозгов. В том смысле, чтобы я чаще навещался в городские бани. Он еще не отошел от пропажи своей Пушки и явно был не в настроении.

– В моем мире я бы не стал приближаться к субъекту, от которого бы так тарщило потом. Но здесь правила другие...

– Ну и не приближайся, тебя никто не заставляет, – я демонстративно отодвинулся в другой конец лавки. Меньше слов – больше информации, вот был мой девиз. Но это вовсе не значило, что я не умел различать нюансы и оттенки различных слов. Как Фикс или другие музыканты различали на слух разнообразные оттенки звука, а Селена видела тончайшие оттенки цвета, так и я, как казалось, различал малейшие нюансы слов. Ну а в слове «вонючка» приятных оттенков мало, даже если оно и не высказано вслух. Фикс, кажется, сам понял, что на этот раз хватил через край, потому что тут же примирительно заговорил, придвинувшись:

– Ну я же сказал – в *моем* мире, а здесь-то другие правила. Тут по сравнению с большинством окружающих ты просто образец свежести! Если я что-то и говорю, то только потому, что мытье в первую очередь полезно для здоровья...

Я так же демонстративно промолчал, отодвигаясь еще дальше и продолжая жевать безвкусный и какой-то резиновый кусок баранины. Фикс уже проглотил свою порцию и снова придвинулся.

– А вообще я сегодня какой-то бред несу, потому что немного волнуюсь – понимаешь, мы с Эйей договорились встретиться, и...

– И пойти в городскую баню? – продолжил я. – Или туда сразу же после кладбища?

– Нет, мы хотели просто прогуляться по городу и, может, за городом...

– А колдовать она сегодня не будет?

– Она вовсе не колдует!

– Да ладно, она же часто моется, а значит, ей всё можно, и колдовать в том числе.

– Я же говорю, что она не колдует!

– А, сделайте что хотите, – я махнул рукой и в один глоток осушил кружку с пивом, – вы же чистые. А я буду держаться от вас подальше.

– Не обижайся, – попросил Фикс серьезно. Не то чтобы меня это так уж сильно задело, просто надоело выслушивать одно и то же. Тем более что я на самом деле стал мыться

намного чаще, едва ли не каждую неделю. А с учетом того, что на моих глазах мою младшую сестру утопили, как щенка (просто связали и бросили в речку, после того как лишили крыльев), от меня не стоило бы требовать больше. – Я же по-дружески. Кто еще скажет правду?

– По твоей логике, и я могу сказать тебе нечто правдивое?

– Ну конечно!

– Хорошо. Фикс, ты слабак.

– А вот это уже обидно, – помолчав, признал Фикс.

– То есть вонючка – это не обидно, а слабак – обидно? По какой логике, интересно?

– По такой: первое легко можно исправить, достаточно чаще мыться, а вот второе уже не исправишь так просто.

– Это Сирил сказал? – Мне даже стало не по себе, настолько печально он это проговорил.

Похоже, я тоже малость хватил лишка.

– Нет, – вздохнул Фикс, – это уже я понял...

- Ладно, не бери в голову. – Я решил сменить тактику. – Вот, – я полез за пазуху и вытащил небольшой сверток, – возвращаю.

- Конфеты? – очень удивился Фикс, и все его расстройство как ветром сдуло. – Откуда?

- Да они твои же. Думаю, тебе сейчас нужнее. В свете ухаживаний и прочего.

Фикс залился краской и ничего не сказал.

- Да бери, чего глядеть. Только смотри не сломай их, как прежние, они знаешь сколько стоят? Гораздо разумнее будет распорядиться ими, если отнести на рынок...

- Не могу же я взять их обратно, Рой, это же подарок!

- Считай, что и не давал. – Я придвинулся ближе к столу и принялся за остывший говяжий язык. – У тебя-то сейчас дела важнее.

Эту идею мне навеяли уроки дяди Руди: если не получается побороть противника (в данном случае хитрую ведьму), постарайся изучить его и нащупать слабые места.

А для этого завоевать доверие и даже притвориться союзником – разумеется, на ограниченное время.

Конечно, Фикс не мог растрепать о моей якобы щедрости своей якобы подруге, также как не сумел последовать моему совету и отложить деньги на потом. Они будто жгли ему руки, и он стремился поскорее спустить их – чем быстрее, тем лучше. Поэтому взял и заказал на вечер столик в лучшей таверне Вильграда под названием «Золотое Руно» – только лишь

для того, чтобы «оформить» наше знакомство (как будто мы с Эрикой до этого не были знакомы).

- Почему ты называешь меня Эйей? – с шутливым укором спросила за ужином Эрика, совершенно свободно и не заикаясь. Теперь, пожалуй, она выглядела на все двадцать – в парчовом платье с пышными рукавами по последней моде, с украшенным самоцветами поясе. Тоже, видимо, подарок от Фикса. Интересно, сколько оно стоило? Конфету, не меньше. Хорошо хоть я вернул Фиксу не все четыре шоколадные драгоценности, а только три.

Эрика даже чуть подкрасила свои блеклые ресницы и брови и от того перестала быть такой блеклой, а глаза даже приобрели необычный темно-серый оттенок – как грозовые тучи. И я наконец вспомнил, кого она мне напоминала все это время – Селену же!

Чисто внешне, разумеется.

- Мне нравится имя «Эрика», я бы так даже дочку назвал, – радостно заявил Фикс. – Ну а Эйя вообще звучит как песня! – Он как раз закончил со вторым бокалом новомодного «игристого», самого дорого вина в этой таверне. И что-то мне подсказывало, что на одной бутылке он не остановится.

Да, Эрика времени зря не теряла – вот они уже всерьез обсуждают будущее и даже возможных детей.

- Пардон, – Фикс не без шума поднялся из-за стола, – боюсь, мне нужно удалиться на время... Я быстро, а вы пока закажите второе, идет?

- Мы подождем тебя, – улыбнулась Эрика, и даже в этой обращенной на него улыбке мне почудилось что-то знакомое, селеновское.

- Ну, не скучайте, – он расплылся в ответной улыбке и наконец отошел от стола. Который стоял, кстати, за колонной у большого витражного окна – возможно, Фикс еще и за это удачное расположение приплатил, и все лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза ведьме!

- Что тебе надо от Фикса? – быстро спросил я ее совершенно другим тоном – не тем, которым битый час развлекал эту парочку. – Если деньги, то скажи сколько тебе нужно, чтобы отстать от него насовсем?

Ее лицо немедленно суксилось – казалось, того и гляди из «грозных туч» хлынут первые капли.

– За что вы меня т-так н-невзлюбили? – спросила Эрика, заикаясь сейчас больше обычного.

И прямо взглянула мне в глаза, чем даже удивила меня.

Она еще спрашивает!

Сама околдовала Фикса и думает, все должны теперь принять ее проделки! Неужели и правда не сознает за собой вины в том, что покусилась на свободную волю человека? Однако ответил я по-другому:

– Не берите в голову, это была просто проверка. Точнее, даже шутливая проверка, шутка. Ха-ха! Но зато теперь я вижу, что вы вполне ему подходите. Фикс так же не весь юмор различает, увы. – Раз уж она притворяется и лукавствует, я тоже притворюсь – чтобы выиграть немного времени, пока не найду нужного «антиворота». Я пару раз видел, что происходило с привороженными, когда колдуньи их бросали, – несчастные больше походили на сломанные куклы, чем на людей.

– Я же не слепая, – Эрика закусила губу, а потом вскинула голову с некоторым даже вызовом: – А еще говорили, будто вы справедливый.

– Кто говорил? – хмуро осведомился я.

– Да Финикс хотя бы.

Кстати, надо бы закончить эту сцену до возвращения Фикса.

- Приношу свои извинения, что невольно вас обидел, – я принял самый смиренный вид, какой только мог, и Эрика наконец перестала изображать оскорбленную невинность. Надо сказать, очень вовремя – Фикс, справив свои дела, как раз вернулся за стол.

А я подумал: пожалуй, все же придется наведаться в книжную лавку еще раз, авось все-таки найду там книгу по приворотам и антиворотам...

Глава 18

На местном базаре Фикс расстался с еще одной конфетой, причем задаром, ничего на нее не купив. Просто и внезапно, познакомившись с молоденькой торговкой леденцами (их выдвигали в соседней Игении и поэтому они были намного дешевле, чем заморский шоколад, хотя и тоже не всем по карману).

– Как вас зовут? – первым делом спросил у нее Фикс.

– Шеганэ, – застенчиво улыбнулась торговка.

Фикс секунду-другую внимательно смотрел на нее и вдруг заговорил нараспев (с ним иногда случалось):

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Там, на севере, девушка тоже...

На тебя она очень похожа.

Может, думает обо мне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ...

Девушка изумленно глядела на него, приоткрыв губы, а я даже ухом не повел – вполне уже привык к его внезапным поэтическим отступлениям.

– Мое имя Шеганэ, – повторила девушка, когда отмерла.

– Да, – Фикс словно тоже очнулся, – я иногда увлекаюсь, не обращайтесь внимания. Так сколько стоит леденец, вы говорите?

– Три рофа, – ответила торговка, зардевшись. Было заметно, что раньше никто не читал ей стихи, свои или чужие. Хотя, может, ее нос и щеки покраснели просто от холода – сегодня как раз выпал первый снег.

Еще я заметил, что она снизила цену ровно в полтора. И поневоле задумался, сколько же стихов должен прочитать ей Фикс, чтобы она сравнялась хотя бы рофу? Однако и тогда цена все равно была бы великоватой для такой безделки.

Хотя, надо признать, сами леденцы выглядели неплохо: большие, выделанные в виде фигурок разных зверей и прилепленные к деревянным палочкам.

– Ага, – Фикс прищелкнул языком. – И вы, наверно, сами ими не угощаетесь?

– Нет, что вы! – Девушка в испуге оглянулась, будто боясь, как бы кто не услышал это предположение, особенно хозяин лавки.

– Так я и знал, – вздохнул Фикс. – А ведь дамам просто обязательно нужно радоваться, чтобы оставаться красивыми. – И вытащил из кармана драгоценную шоколадную конфету: – Вот, держите и радуйтесь почаще.

Глаза у торговки загорелись, но она тут же затрясла головой и отступила на шаг.

– Нет-нет, я не могу! У меня нет таких денег...

– Но зато вы так хорошо умеете слушать, это вам в благодарность, – пояснил Фикс. До этого момента я бы не сказал, что она особенно хорошенькая – обветренная кожа и красный от холода нос, но улыбка что-то изменило в лице, когда девушка брала конфету. Я только закатил глаза.

– Обязательно нужно привлекать внимание, трясая этими конфетами? – поинтересовался я по дороге к «Кирасе». – Ты же хотел пустить их в дело!

– Так у меня еще одна осталась, – отмахнулся Фикс с самым легкомысленным видом.

- Ты кое-что перепутал, Фикс: на базар ходят *покупать* добро, а не расставаться со своим задаром!

- Что же, я не могу угостить симпатичную озябшую девушку какой-то конфеткой?

- Лучше бы ты купил ей леденец и успокоился, а не переводил дорогой шоколад!

- Ну, я никак не могу отвыкнуть, что он стоит копейки.

- Лучше отвыкни привлекать внимание, а не то допрыгаешься рано или поздно!

– Расслабься, у меня все под контролем, – заверил меня Фикс. – Зато видел, как она обрадовалась? Уверен, она никому не растреплет.

Из последней его фразы я сделал вывод, что Марита оказалась права и опыт общения с женщинами у него еще меньше, чем у меня.

А именно – нулевой.

Конечно же, при Фиксовом расточительстве вскоре кое-кто в Вильграде прознал о том, что у него имеется шоколадное богатство. Возможно, и не все горожане – но заинтересованные люди уж точно.

Может, Шеганэ донесла, а может, кто-то еще – я же не знаю всех мест, по которым слонялся Фикс. В любом случае это привело к вполне закономерному итогу.

Следующим утром в нашу комнату раздался заполошный дробный стук. Фикса не было – последние пару дней они с Эрикой гуляли до самого рассвета. Я накинул купленный недавно халат из знаменитой вильсийской пряжи, в котором, по словам продавца, было не жарко в зной и тепло в мороз, подпоясался и открыл дверь. И Эрика крикнула с порога, чуть ли не на весь коридор, приложив руку к груди и задыхаясь:

– Финикса бьют у ратуши!

Оказалось, на него набросились прямо на улице, когда они с Эрикой гуляли по городу.

Причем гуляли они опять всю ночь, будто нарочно нарываясь на неприятности, и вот на рассвете-таки нарвались.

Очевидно, грабители решили, что свои конфеты Фикс везде носит с собой. Эрика рассказывала об этом скупно и скомканно, рваными фразами – уже на бегу к городской ратуше. Я так спешил, одеваясь, что не заметил, как разбил свою чашку – и тут же наступил на нее. Чашку было очень жаль – я купил ее буквально вчера на рынке вместе с халатом, расплатившись за все целым рофом, и решил, что отныне она будет сопровождать меня в странствиях, вроде как счастливая вещь или талисман. Однако долго мой талисман, увы, не продержался...

Когда мы прибежали к площади перед ратушей, Фикса уж не били. Он сидел на земле, вытирая рукавом кровь из носа, а прямо на него был наставлен блестящий в первых лучах солнца и по виду очень острый клинок.

- Нет у меня ничего, - говорил как раз Фикс (из-за расквашенной губы у него вышло «нишего»). Зря я все-таки вернул ему его сокровище – все равно толку не вышло.

- Зато есть у меня! – крикнул я, выбегая на площадь из-за небольшой кленовой заросли и становясь перед Фиксом. Что удивительно, Эрика тоже выскочила вслед за мной, хотя могла бы спрятаться за аллеей и наслать на разбойников какие-нибудь быстродействующие заклятия. (С ее миниатюрным ростом это выглядело даже комично.)

Надо признать, порой я бывал благодарен дяде Руди за свое обучение – уж с тремя-то бандитами я (в трезвом уме) смог справиться довольно легко, несмотря даже на боль в левой ступне, которой я впопыхах наступил на злосчастную чашку. И на то, что Эрика первое время путалась под ногами, пока я не сделал знак растерянному Фиксу последить за ней, и он не обнял ее и не заслонил таким образом от драки.

– Мне показалось, или ты хромаешь? – спросил вдруг Фикс. Мы отсиживались в камерке у Эрики – иначе как камеркой это жилье было не обозвать.

Строго говоря, это был чердак, только с небольшим окошком, узкой койкой, тумбочкой и двумя не слишком устойчивыми деревянными табуретами. Правда, у него имелось и одно преимущество: так как располагалась комнатка на самом верхнем этаже, под крышей, из этого окошка открывался отличный вид почти на весь город, и вдобавок здесь было сухо. А наша комната в «Кирасе» всем была хороша, однако из-за близости к набережной я каждое утро просыпался во влажной постели. Потому и купил дорогой халат.

- На себя-то погляди, - огрызнулся я. Его верхняя губа слегка распухла, под левым глазом набухал синяк, а по щеке словно когтями прочертили две царапины. Эрика уже вытерла ему кровь и обмыла царапины, однако выглядел он по-прежнему не очень.

- Ничего, зато конфету я сохранил! – У него вышло «шохранил». – А ты правда хромаешь. Я заметил, когда мы сюда поднимались.

– Показалось, – кратко ответил я.

– Мне т-тоже, – вмешалась Эйя. Даже глупо рассчитывать, что она его когда-нибудь не поддержит.

– Дай-ка я посмотрю, – решительно сказал Фикс.

Я покачал головой:

– Не нужно.

– Я видела, как ты наступил на ч-чашку, – мягко вступила Эйя. – Может быть воспаление.

– Не будет никакого воспаления. – Я снова покачал головой. – Просто царапина.

– Иногда и пятка может быть слабым местом, – заметил Фикс.

– Я давно не мылся, – использовал я свой последний аргумент.

– Ничего, – Фикс снисходительно улыбнулся, – я уже привык. А Эйя вообще одно время жила в той стороне города, где помойка. – Интересно, вдруг пришло мне в голову, с переездом из «помоечной» стороны ей тоже Фикс помог? Лучше бы тогда комнату получше выбрал, вместо давешнего платья (сегодня одета Эрика была, как обычно, просто, хотя и опрятно).

– Все равно, пусть она тогда выйдет.

Но Эйя никуда не вышла, а наоборот, осторожно потянула мою раненую ногу к себе, стянула сапог и принялась разматывать портянку.

Так что все, что я мог сделать сейчас – это только отвернуться.

– Серьезно? – присвистнул Фикс. – Перепонки?

– Ну валяй, смейся, – буркнул я. Ситуацию нелепее сложно вообразить: поучаствовать в драке с оружием, а пострадать из-за каких-то осколков и собственной неуклюжести.

– Да не собираюсь я смеяться. Просто интересно – ты из-за этого не давал осмотреть рану?

– Мне Лавантэ советовала не разуваться при людях, – объяснил я, просто чтобы закрыть эту тему. – Чтобы никто не догадался, что я отличаюсь от других.

– Ну от нас мог бы не скрывать, – ухмыльнулся Фикс. – Лично я давно уже это понял, да и Эйя наверняка догадалась.

Эйя молча пихнула его под локоть и так же молча и серьезно, без всяких смешочков взялась за рану.

- Я-то думал, что похуже, – все равно не успокаивался Фикс.

- Что, например?

- Ну, например, грибок. Ты же носишь сапоги, снимая их только на ночь!

– Там, к-кажется, какой-то осколок остался, – заметила Эрика, когда с помощью марли и спиртовой настойки, которые оказались внутри ее единственной тумбочки, расчистила рану (очень чувствительно!). – И глубоко засел, не получается вытащить...

Так вот почему было так больно – это она, оказывается, уже что-то вытаскивала! Я открыл глаза и посмотрел – она держала в правой руке изуверского вида щипчик.

– Давай я посмотрю, – предложил Фикс, – все же не зря я полгода ходил на медкурсы. Они так переговаривались между собой, будто я ничего не слышал.

– Не надо! – крикнул я. Я-то думал, эта экзекуция уже подходит к концу.

– Я просто посмотрю, – пообещал Фикс. Пожалуй, еще никогда я не ощущал себя так беспомощно и в то же время нелепо, с нарывающей стопой, лежащей на коленях у чужой девушки. Поэтому я снова крепко зажмурил глаза.

– Может, принести тебе анестезию? – предложил Фикс. – В смысле, купить рома? Я покачал головой, сцепив зубы.

– Ну как знаешь. Потерпи тогда немного.

Это «немного» растянулось на целые фонтаны боли. И на что я только рассчитывал – конечно же, Фикс обманул! Было очень больно.

– Подцепил! – радостно воскликнул он после еще одной порции острой дергающей боли, когда я уже готов был взмолиться об «анестезии». – Вот уже вижу, ташу!

– ОТПУСТИ! – крикнул я, больше не в силах переносить эту пытку, и мгновением позже о пол что-то звякнуло.

– Ну вот и вытащил, – самодовольно объявил Фикс. Таким тоном, будто ожидал аплодисментов. – И даже в минуту уложился. Совсем мелкий осколочек-то... Вот и все, а ты боялся! Эйя сейчас быстренько забинтует.

Эйя и правда сноровисто забинтовала мою стопу, не успел я собраться с мыслями и сообщить, что обо всем этом думаю. Поэтому сказал только:

– Лучше бы я дождался, когда этот проклятый осколок сам выйдет.

– Долго бы тебе п-пришлось ждать, – улыбнулась Эйя, завязывая бантик из бинта. – Теперь лежи и не вставай без н-надобности, хотя бы день. Главное, не опирайся на левую н-ногу.

Позови Финикса или меня, если возникнет надобность.

Но уж точно не с ней я пойду до клозета – скорее лопну.

В общем, так и получилось, что через два дня, когда моя нога подзажила, а Фиксовы синяки слегка побледнели и он стал выглядеть более-менее прилично, нам снова пришлось искать пристанища у Лавантэ. Только на этот раз уже втроем: к нам присоединилась теперь и Эрика.

Мы отправились на третий день ближе к вечеру, удачно договорившись с одним рыбаком – знакомым Лавантэ, который обычно поставлял в ее монастырь свой свежий улов. Его телега была достаточно вместительной, и там хватило место нам троим – хотя Фикс всю дорогу морщился из-за рыбного запаха, тесноты и тряски. Но в любом случае это было лучше, чем топтать пешком, а двоих на своих крыльях я бы точно не вынес.

Мы рассчитывали пробыть в монастыре не так уж долго – по крайней мере пока слухи о шоколадном богатстве Фикса малость не поутихнут (слегка преувеличенные, кстати сказать, слухи – это богатство стремительно таяло, если только еще не растаяло совсем).

Глава 19

Лавантэ приняла нас с тем же радушием, что и в прошлый раз, не выказав ни малейшего удивления при виде Эрики и даже, напротив, дружески с ней поздоровавшись. На этот раз большая (первая) гостевая келья досталась Эрике, Фиксу – маленькая гостевая, расположенная с первой, а мне постелили в моей же детской келье.

В моих воспоминаниях келья была намного просторнее, чем оказалась сейчас: я и не думал, что *настолько* из нее вырос. Приехали мы уже вечером, и я отказался от ужина в малой трапезной, куда пригласила нас троих Лавантэ – устал с дороги, хотел спать и к тому же все еще досадовал на Фикса за его беспардонное расточительство. В самый короткий срок он умудрился спустить две из трех драгоценных конфет, и при этом так засветился, что спровоцировал попытку ограбления! И зачем я только вернул ему конфеты? Ведь легко было догадаться, чем всё закончится! Хорошо хоть последнюю, четвертую я оставил при себе...

Потом я не раз жалел, что отказался от ужина, за которым мог бы вдоволь наговориться с Лавантэ, и перемолвился с ней всего лишь парой-тройкой слов. Только представил Эрику, и все.

Но кто же мог предсказать наперед, что этой ночью случится катастрофа?

Проснулся я где-то после полуночи как будто по щелчку – и сразу же учуял характерный запах. Его ни с чем нельзя было перепутать. Запах гари.

Где-то поблизости пожар?

Я вскочил с кровати и выглянул в узкое окошко кельи (служившее в прежние, более беспокойные время чем-то вроде бойницы). И глазам своим не поверил.

С неба падал огненный дождь!

Тот самый, который уничтожил Мирикон и деревню Сирила!

Я бросился к двери – закрыто. Я попробовал снова высадить ее плечом – бесполезно, только что-то хрустнуло в плече. Я-то знал, какие тут тяжелые двери. Однако не оставлял попыток – старался снова и снова выбраться наружу. Там Лавантэ, дети... С отчаяния я бросился к окошку – но нет, я пролез бы в него пятнадцать лет назад, но не сейчас. В нос и горло полз запах жжения. Монастырь уже горит?

Я и не заметил, как даже моя келья наполнилась дымом. И кому понадобилось запирать меня снаружи? Неужели канцлер все-таки отыскал свое заветное и неслышанно смертоносное оружие? Я пытался выломить дверь, пока не повалился на пол, а келью окончательно заволочло сизым дымом.

Но почти сразу после этого какой-то голос, на самом краешке слуха или сознания, начал пробиваться через плотную завесу.

– Держись, Рой! – закричал Фикс из-за тяжелой дубовой двери. – Я уже здесь! Пять сек, сейчас только отодвину засов! – Что за «пять сек», успел удивиться я про себя, и, кажется, это была моя последняя мысль перед тем, как мир вокруг погрузился в черную, как сажа, пустоту.

– Мы с Эйей вовремя успели, – запинаясь, рассказывал Фикс на следующее утро, когда все по большому счету было уже кончено.

Монастырь выгорел на три четверти, но и в оставшихся помещениях нельзя было находиться – настолько там было все пропитано гарью и чернотой. И смертью, наверно. Поэтому Фикс, Эрика и немногие выжившие обосновались в «летней» двухэтажной постройке – в той, которую огонь почти не задел и в которой жили обычно лишь летом, когда по традиции послушников, паломников и просто странников прибывало в разы больше и их за неимением места селили там.

Как выжили Эрика и Фикс? Очень просто: не пошли вечером спать после отбоя, а отправились гулять по большому, роскошному и невероятно заросшему монастырскому саду (впрочем, именно в его зарослях и заключалась особенная красота). Недавно Лавантэ обмолвилась, что этой весной сирень в саду цвела особенно долго. Может, это был знак?

Они углубились довольно далеко в его чащобы и поэтому не сразу заметили зарево занимающегося пожара – а когда заметили, сломя голову бросились к монастырю, принялись голосить, помогать выбираться монахиням и выносить детей из келей. Однако спасти успели немногих – только с первого этажа, и только из одного крыла, прежде чем крыша монастыря обрушилась и погребла под собой всех прочих. Фикс еще отважился подняться на второй этаж, где оказался в неожиданном заключении я (и я уже, наверно, никогда не узнаю, кто закрыл меня на ключ – может, неудачная шутка одного из подростков-воспитанников?). А Лавантэ жила на верхнем, третьем этаже, но успела проснуться и так же помогала выносить детей из келей, босая и простоволосая. Побежала она за кем-то и в последний раз, в ту самую минуту, когда рухнула крыша. Они

разминулись с Фиксом буквально на несколько секунд: он как раз в этот момент успел меня вытащить из полыхающего здания.

Интересно, кто помогает Фиксу и Эрике хоронить погибших? Кто-то должен был приехать из Вильграда, узнав о несчастье – друзья и знакомые Лавантэ, наверно. У нее ведь было много друзей.

– Мама назвала меня Гросс, – зачем-то сказал я.

Вдруг подумалось, что, умри я прямо сейчас, никто даже знать не будет, как меня звали на самом деле и что написать на могиле. Вот глупо-то выйдет.

Вообще мы так трясемся над своими смехотворными тайнами и так много усилий прилагаем, чтобы их сберечь – в то время как другим они, может, не так уж интересны.

И тем более будут неинтересны через каких-нибудь сто лет.

Тогда, наверно, и колышка от моей могилы уже не останется, не то что пергамента, где я мог бы записать несколько фактов об ильхах или чем-то подобном...

– Ты не умрешь, – заверил Фикс ободряюще, будто прочитав мои мысли. Но нет – такая способность была, кажется, лишь у Сирила.

Я прикрыл глаза.

За последний месяц, пожалуй, я не мог бы упрекнуть себя так, как за предыдущие года. Я как мог заботился об ученике самого выдающегося человека, которого только встречал. Но за последнюю ночь разом перечеркнул все свои немногие достижения – дал сгореть монастырю, дал погибнуть почти всем несчастным воспитанникам Лавантэ – и самой Лавантэ... И почему мое знаменитое чутье подвело меня именно в этот раз?

Даже от Эрики оказалось куда больше проку, чем от меня – она сейчас заботится о выживших детях, смазывает их ожоги своими лечебными травяными мазями, провожает мертвых в последний путь...

– Все пройдет, – с преувеличенной бодростью проговорил Фикс. Как будто не понимая, что мы оказались в королевстве смерти, и говорить так здесь – кощунство.

Я попытался улечься на боку удобнее. На спине не лежишь: крылья забинтованы и будто горят – всё еще.

Впрочем, едва ли они мне еще когда-нибудь пригодятся.

– Ну да, крылья немного обгорели, ну и что? – продолжал неумный Фикс. Видимо, они разделили обязанности: Эрика заботится о живых и помогает хоронить мертвых, а Фикс теряет время здесь. – Ты еще летаешь.

Много он понимает, конечно. Что может знать о крыльях человек, который никогда их не имел. А я – последний в своем роде.

Был.

- Как же я никчем, - прошептал я от невыносимой душевной боли, - все проспал, никому не помог...

- Не говори так! Ты столько раз меня выручал... – Фикс опустил голову и добавил шепотом: – Мне так жаль, что я не успел.

- Это я не успел, – поправил я его и перевернулся на другой бок, лицом к бревенчатой стене.

- Кстати, по поводу крыльев – Эрика говорит, все будет норм, нужно только время, чтобы зажило...

- Ничего, живут же люди и без крыльев. И я научусь. Тем более что я их почти всю жизнь стыдился. Поделом мне.

- Не говори так! – попросил Фикс и вдруг вполголоса запел:

- *Мы в такие шагали дали,*

Что не очень-то и дойдешь...

И дальше еще что-то, про какую-то птицу удачи. Если это намек на меня, то я вовсе не та птица, которая приносит удачу. Скорее даже наоборот – я приношу всем близким или даже просто знакомым несчастья, неудачи и смерть... Вечно у Фикса какие-то глупые песенки ни о чем.

А Марита всё где-то ездит по каким-то важным делам, и наверно, сейчас уже по другую сторону Славского моря.

Может даже, по поручению дяди Руди...

Я и сам не заметил, как соскользнул в вязкое болото кошмара, где монастырь все продолжал гореть, а дети – кричать от боли и страха, а Лавантэ – молча исчезать в огне.

Несколько раз я просыпался в поту и каждый раз видел, что Фикс все продолжает брэнчать на своей балалайке, которая и в *этом* огне уцелела, и снова засыпал, поскольку что даже самый горький кошмар был все же лучше ненавистой действительности.

Последующие несколько дней я безобразно много спал. Так много, что уже не сразу мог, очнувшись, отличить грезы от реальности.

Например, однажды мне пригрезилось, что Марита все-таки вернулась, как обещала.

«К тебе вон Марита пришла, не видишь, что ли? – сказал во сне Фикс. Самое интересное, я догадывался, что это только сон, однако всей душой хотел поверить в его реальность. – Так вот ты встречаешь гостей!»

Я медленно повернул голову к двери. Зрение меня подводило – я видел только смутный женский силуэт. Но что-то в душе подсказало – она.

И хотя дня не проходило без мыслей о ней и мечтаний о встрече с ней, во сне или наяву, все же это было самый неподходящий момент, чтобы позвать ее. Только не когда я в таком жалком виде.

Может, я и раньше не был красавчиком, но мои крылья могли в любой момент поднять меня над землей. И только теперь я осознал, как много это для меня значило – это не только подчеркивало мое отличие от других, но и словно придавало мне веса и даже служило частичным оправданием моих прошлых ошибок, грехов и неудач.

Да, я ошибался, я совершал подлости и проявлял слабость – но делал так в основном в целях выживания, поскольку верил тогда, что обязан выжить.

А сейчас уже и не верил.

Потому и сказал призрачной Марите ровным, без всякого выражения голосом:

– Уходи. Ты мне больше не нужна.

Я откуда-то знал, что ничто не могло разозлить и унижить ее так, как это спокойное пренебрежение, и в довершение удара отвернулся. Полупрозрачная Марита немного постояла молча – и вышла, по-прежнему не говоря ни слова.

В один из дней, когда Эрика только закончила перевязку, меня вдруг кольнуло ощущение, что это уже было когда-то – только заботилась обо мне не Эрика, а Марита.

Марита приходила ко мне во сне, но где она теперь в реальности, интересно?

Даже если бы это она выдала канцлеру местонахождение Сириловой деревни, я бы простил, наверно. Я же сам был шпионом. И к тому же Марита, я уверен, даже не предполагала, какая за этим последует расправа...

Сейчас, спустя неделю после пожара в монастыре, всех выживших детей и монахинь перевезли в Вильград, к настоящим лекарям (монахини, которым повезло выбежать раньше всех, отправились по распределению в другие монастыри). И в летней постройке, пропитанной запахом гари, остались только мы втроем. И то только потому, что я сам наотрез отказывался куда-либо уезжать, покидать родное пепелище.

Как будто каким-то мистическим образом, если я буду находиться поблизости от дома Лавантэ, она однажды все же пожалеет меня и вернется, не оставит совсем одного в этом черном прожженном мире...

Она ведь всегда говорила, что даже самым отчаянным грешникам хоть раз в жизни дается надежда на свет!

Сначала мы обосновались на нижнем этаже постройки, может, из опасения, что и она тоже загорится. Однако после того как я несколько раз выползал из комнаты и полз на улицу, чтобы добраться до могилы Лавантэ и уснуть там (если получится – навсегда), Фикс и Эрика решили вместе со мной «переехать» на второй этаж.

Так как, в виду моей экзотичной анатомии мы не могли пригласить ко мне настоящего лекаря, Эрика по мере сил врачевала меня сама, а Фикс так же по мере возможностей помогал ей, а чаще всего просто развлекал нас балладами на неизменной трехструнке. Мне-то казалось, я все их уже переслушал, но он откуда-то брал все новые и исполнял их с немалым артистизмом, словно не только нашел свою «Точку силы», но и растянул ее ровно на сутки. Сирил мог быть вполне им доволен.

Ну а лечение Эрики заключалось в том, что она толкла и заваривала свои травы – одни втирала мне в крылья и спину, а другие заваривала и давала мне выпить. Как правило, эти отвары были невообразимо горьки, но я покорно пил – без особой, впрочем, надежды на результат.

Иногда я почти жалел, что Эрика на самом деле не была колдуньей – может, тогда наколдовала бы мне новые крылья... Может даже, сумела вернуть Лавантэ, хотя эта была бы уже какая-то совсем сильная магия и сама Лавантэ ее бы точно никак не одобрила. Каждый день Эрика мазала ожоги какой-то тягучей мазью и снова забинтовывала. От мази боль немного уменьшалась – но лишь немного, а по ночам я не мог спать без ее обезболивающего снадобья. Эрика, правда, уверяла, что его нельзя пить каждый день, чтобы не возникало привычки – но потом сама же приносила. Видимо, они с Фиксом не могли заснуть из-за моих стонов.

И каждое утро я видел, как она хмурится, разглядывая перед перевязкой обгоревшие участки на обоих крыльях (сам я смотреть на них не мог, лежал отвернувшись – хватало и того, что я *слишком сильно* их чувствовал).

Однажды, не вполне еще заснув, я услышал слова «раневая поверхность» из-за стенки – ильхи вообще довольно хорошо слышат, как я уже упоминал, – и тут же весь превратился в слух.

– Слишком большая раневая поверхность, – доносился до меня нечеткий голос Эрики. Он то пропадал, то вновь становился громче – когда, видимо, она в чем-то возражала Фиксу. – Нет, не думаю, что получится сохранить. Пораженные участки довольно большие, и в любой момент может начаться инфицирование... Их когда-то сильно били или ломали – если бы не это, может, был бы шанс, а теперь... – Она снова снизила голос до шепота, я и не смог разобрать ничего, как ни старался, кроме обрывков последней фразы: – Если начнется заражение, оно тут же перекинется на спину и будет поздно... надо позвать лекаря... потому что единственное... ампутировать.

«Ампутировать!» Я понял, что это означает.

Эрика собиралась отрезать мои крылья!

Не зря она с первого же взгляда внушила мне опасение – такая и отрежет, ничего не побоится. И будет до последнего уверена, что права. А что останется от меня без крыльев? У меня и так ничего нет – ни дома, ни работы, ни семьи. А без крыльев я стану даже меньше, чем ничего, – настоящий ноль, минус ноль, если такое, конечно, возможно в математике...

Ну, если не в математике – то в жизни точно.

Нет, им не сделать из меня инвалида, решил я. Благодарю покорно, но инвалидом я еще не был и не собираюсь. Эта история не про меня.

Я кое-как, ползком добрался до подоконника и вскарабкался на него. Забинтованные крылья самым жалким образом волочились по полу – во что же я превратился? Какой-то жалкий обломок, глупая развалина, а не гордый ильх.

Подоконник показался невероятно высоким с пола, но зато был вполне широким. На него можно было усесться вместе с неподвижными крыльями в бинтах, чтобы они не перевешивали вниз. Повезло, что окно открыто – сейчас я вряд ли бы справился с тяжелыми коваными ставнями, по крайней мере поднял бы много шума. Однако Фикс объявил недавно, что спать полезнее при открытых окнах, хотя бы летом – так, мол, болезнь скорее выветрится вон. Эрика с ним с готовностью согласилась, как соглашалась почти всегда, а у меня на этот раз не нашлось сил для возражения – да и, честно говоря, стало совершенно без разницы. Я принял себя – даже на мой невзыскательный нюх от крыльев отчаянно несло потом и хворью. Скорее всего, это и явилось причиной открытых окон – но все равно не спасало моих друзей от запаха.

Но даже если Эрика их и отрежет, боюсь, это уже не слишком многое изменит.

Я глянул вниз, туда, где росли деревья и между ними виднелись камни – высота была, конечно, недостаточная, чтобы покончить со всем разом, но зато прямо под окном лежали доски, гвозди и камни.

Это ребята из вильградской гильдии строителей привезли материалы для крестов – и как оказалось, в избытке. Похороны уже прошли и все кресты были воздвигнуты на могилах, а непригодившийся материал оставили пока здесь. Не выбрасывать же его на помойку, в самом деле. Тут вполне хватит и еще на один крест.

Несколько больших камней для надгробий лежали отдельно. Значит, все, что мне нужно, – это прыгнуть головой вниз и прицельно угодить головой же хотя бы на один камень или гвоздь. Чтобы не продлевать мучения и не обязывать друзей всю жизнь выносить за мной судна.

Сирил говорил, что принять помощь тоже надо уметь – и видимо, этим искусством я не овладею уже никогда. Никому больше не позволю выносить за собой судна... Нужно просто свеситься вниз головой, чтобы сразу – виском о камень и без лишней агонии.

Наверняка ведь монастырь сожгли по приказу Рудольфо. А все из-за того что я приехал сюда, и привез разыскиваемого Фикса, и указал гончим на след, и подставил Лавантэ, и обрек ее на гибель, и ее юных воспитанников, и преданных монахинь...

Я не успел повидать раненых и обгоревших, но наверняка и их жизни оказались поломанными.

Хорошо хоть Кирины не было в то время в монастыре...

– Эй, Рой, куда ты собрался? – на пороге комнаты нарисовался Фикс. Он стоял, сложив руки на груди, и смотрел на меня с крайним удивлением, будто не ожидал от меня такого малодушного бегства. – Тебе еще летать не рановато?

– Я не могу... потерять крылья, – хрипло ответил я и перекинул ноги на подоконник. – Без них я никто, – я постарался вложить в свои слова всю убедительность, на которую только был способен, – и поэтому хочу умереть с ними, понимаешь?

– Ты с ними и не расстанешься. С чего ты взял? Ты поправишься, а они станут даже лучше – как новенькие! Это и Эрика говорит. Что ты еще задумал?

– Не надо врать, я слышал, что она говорит. Она сказала, их нужно ампутировать, а я скорее сдохну, чем это позволю.

– Я ее переубедил, – спокойно сообщил Фикс. – Честно, она согласилась с моими доводами, что их можно спасти. А она, если захочет и поверит – сможет, уж будь спокоен. Я тебе обещаю, что все будет хорошо – ты веришь?

Послушать Фикса, так у него всегда всё было хорошо.

Однако поверить хотелось так сильно, что я зажмурился и качнул головой.

– Вот и отлично, – расплылся в улыбке Фикс и вошел в комнату. – Давай-ка слезай, а то простынешь.

– А Лавантэ точно... больше нет? – спросил я, отодвигаясь к самому краю подоконника. В конце концов, она могла выжить – потерять память, сильно обгореть, но выжить...

– Увы, – после показавшегося бесконечным молчания ответил Фикс, – мы ее похоронили... мне очень жаль...

Итак, у меня осталось больше ничего. Ни дома, ни убежища, ни Лавантэ.

Какой смысл был так долго и тщательно избегать любой дороги в сторону монастыря Лавантэ, чтобы сейчас так бездарно и жестоко привести к ней саму смерть?..

Я понял, что потерял свою главную и единственную цель в жизни – выжить.

– Но она хотела бы, чтобы ты жил, – продолжал Фикс, приближаясь к окну, – она бы все для этого сделала!

- Она погибла из-за меня! – крикнул я. Я навлек горе, разрушение и смерть на свое убежище, на ее дом, на единственный дом, который у меня был. Ну что мне стоило подумать об их безопасности?! Пускай бы лучше сто тысяч раз уничтожили бы меня. – Все они погибли из-за меня!

- Вовсе не из-за тебя, и мы еще найдем поджигателя! Ты что, хочешь спустить ему это дело с рук? Давай-ка слезай, а? – Фикс протянул руку, не решаясь, однако, меня касаться. В этот момент за окном раздался переливчатая трель какой-то ночной пичужки. – Слышишь?

– Он поднял палец и повернулся к окну. – Какая-то птичка поет... А я раньше... когда жил в большом городе, даже не слышал птиц. – Я не стал уточнять, когда это «раньше», и против воли тоже прислушался к птичьему пению. А Фикс, пользуясь тем, что я отвернулся, вдруг прыгнул вперед и ухватил меня за ноги, и тут же разительно изменился в лице:

– Давай, прыгай, – крикнул он, – и меня прихвати заодно! Наверняка это я у них был главной мишенью! – По его щеке скатилась крупная, как горох, слеза. – Так что я и виноват!

– Не ты. – И едва я произнес это, как почувствовал, как у меня появилась новая цель в жизни. – Верховный канцлер.

У канцлера, насколько я помню, всегда находились объяснения: необходимость удержания власти для юного короля и избежание гражданской войны, необходимость объединения земель или просто – государственная необходимость.

И я понимал и принимал поручения во имя всех этих необходимостей, подчас самые грязные и жестокие.

Но на этот раз дядюшка Руди зашел слишком далеко и отобрал у меня *слишком* многое...

В этот раз ему придется ответить.

- Кстати, надо бы нам уже перебраться в более безопасное место, - снова заговорил Фикс, озабоченно глянув мне в глаза. Мы все еще сидели на подоконнике – довольно нелепое место для разговора, но мне не хотелось сейчас передвигаться. – Просто пойми – вдруг злоумышленники вернутся, а нас только трое, причем одна девушка и один раненый! День назад мне показалось, что кто-то шастает за воротами, и вчера я снова видел какие-то тени... К чему рисковать? Хотя, конечно, у меня есть чем встретить незваных гостей, если только попробуют сунуться! – Секунда – и в правой руке у Фикса появился небольшой черный предмет.

- Что это? – поинтересовался я, осмотрев диковинку.

– Это Агата мне подарила, – гордо сообщил Фикс. – Вместе с пулями. И еще коробок спичек дала! Сказала, это может пригодиться, если мы всерьез намерены оставаться здесь. Очень удобная штука, кстати – я про спички. Стоит потереть одну из них о коробок – и вуаля, огонь готов! Я тебе покажу, как пользоваться, это быстро... – Я вздрогнул и поежился, вспомнив недавний Большой огонь. – Но лучше не здесь, а потом на улице, – торопливо добавил Фикс, осознав, что ляпнул не то. - А я в школе ходил на стрельбища и в универе – в тир, так что пистолетом тоже в принципе умею пользоваться.

- Кто это – Агата? – спросил я, продолжая изумляться про себя диковинному виду оружия и его странному названию – «пистолет».

- Она приходила несколько раз после пожара... – Фикс немного замялся. – Вообще она довольно занятная, и думаю, тебе интересно было бы с ней поговорить... Она, кстати, тоже сказала, что лучше нам все же убраться отсюда поживее. И, знаешь, в этом вопросе я с ней полностью солидарен! А ты?

Я молча прикрыл глаза. Мне показалось, еще немного невнятной информации – и моя голова разлетится на части, точно полено от удара топора.

Глава 20

Прошло две недели с тех пор, как мы перебрались обратно в Вильград, в нашу «Кирасу» (хозяин в знак сочувствия назначил плату ровно вполовину меньше, чем прежде, и поставил в комнату еще одну кровать – для Эрики).

На волне этого ужасающего события (сама принцесса Виль посетила руины монастыря и возложила венки на могилу Лавантэ и другие могилы) все в городе и думать забыли о шоколадных конфетах Фикса - точнее, оставшейся конфете. Ну, может, кроме разбойников, однако он на этот случай носил при себе свое диковинное оружие. Один раз, еще за городом, он показал нам с Эрикой его в действии, выпустив огонь по ветке засохшего дерева, и это, надо признать, действительно потрясло воображение.

Эрика теперь подвергала мои крылья еще большим экзекуциям, чем прежде: колола, растирала, похлопывала и продолжала втирать свои вонючие мази. Каждая подобная процедура вызывала новый виток боли, но зато припухлости начали спадать, а посреди черных участков стали распускаться бутоны свежей розовой плоти. Пока голой, без перьев и даже без пуха, так что я порой чувствовал себя не одетым уродцем, – однако это было намного лучше, чем ампутация. Хорошо все-таки, что мое тело еще не потеряло способности к быстрому восстановлению...

Во время этих болезненных процедур Эрика как могла развлекала меня, причем почти не запинаясь. В том числе сообщила и про деревянную игрушку, которую подарил ей Фикс в вечер до пожара.

Он нашел где-то в монастырском саду небольшой сук черного каменного дуба и выстругал столовым ножом из него человечка. А когда закончил (туловище, конечности и голову он скрепил кусками толстой проволоки, и потому они оказались подвижными), то гордо назвал «Блэкменом».

Эрика и сама не знала (а уж я тем более), откуда он взял это прозвище. Но зато я вдруг вспомнил, как в детстве Лавантэ сшила мне игрушку из лоскутков кожи, с которой я не расставался, пока та окончательно не растрепалась и не распалась на лоскуты. Припомнил даже, как назвал ее тогда – Блик.

Похоже, кстати, чем-то на «Блэкмена».

Эрика между тем начала рассказывать о своей семье и местечке, где выросла: оказалась, она была в родстве по отцовской линии с довольно загадочным пещерным народом, и я слушал ее с самым живым интересом.

Про этот народ у нас ходили самые разные слухи – например, что они никогда не видят солнце и оттого ужасно бледные. Настолько бледные, что одним своим видом способны

вызвать сумасшествие у нормального человека. Однако когда я высказал вслух эту догадку, она вызвала у Эрики приступ затяжного веселья.

У нее даже слезы от смеха выступили, и она замахала рукой, будто сдаваясь, а на шум прибежал Фикс.

И я окончательно выбросил из головы все былые подозрения. В конце концов, настоящая черная колдунья едва ли способна так открыто, искренне и от души смеяться.

Признаться, сейчас мне было стыдно за то, что я огульно обвинил ее в колдовстве и даже Лавантэ наболтал эти несурезицы (она-то сразу поняла, какая это нелепость). Пожалуй, такая девушка, как Эрика, и подходила Фиксу больше всего – живая, любознательная, решительная и верная.

Правда, в последние дни я заметил, что между ними возникла не то же чтобы натянутость... но какое-то недопонимание, что ли, из-за участившихся разговоров Фикса с неуловимой Агатой, с которой я по-прежнему не имел чести быть знаком и которая, очевидно, проживала где-то поблизости. Что характерно, о содержании этих бесед Фикс говорил очень мало и очень уклончиво, но зато не уставал повторять, что Агата знает не только прошлое, но и будущее. А Эрика недоумевала (и я понимал ее недоумение): почему эти самые разговоры обязательно требовалось вести наедине?

Однако в данный момент у них царил полная гармония: Эрика пересказала Фиксу досужие слухи про ее народ, и он захохотал вместе с ней, не менее громко и заливисто. Ну что же, отрадно, что я сгодился хотя бы на повод для веселья.

- Ладно, на сегодня всё, – насмеявшись вдоволь, Эрика закончила втирать в крылья мазь и поднялась, – пойду собираться на лекцию, а не то опоздаю.

По возвращении в Вильград и не без помощи одного лекаря, помогавшего ей с пострадавшими и впечатленного ее умениями, она все-таки сумела устроиться в медицинскую академию. Правда, пока вольной слушательницей. Однако она готовилась к каждой лекции настолько серьезно, что я не сомневался: не позднее чем в следующем году она станет полноправной студенткой. И вполне заслуженно, надо признать.

Едва за Эрикой закрылась дверь, как я с новой силой почувствовал свое одиночество. На самом деле пронизывающее чувство, пробирающее буквально до костей. У каждого имелись свои занятия: у Эрики ее уроки, у Фикса – загадочные и серьезные разговоры с какой-то пророчицей, а я только знай сиди в четырех стенах. Разве выйдешь на улицу с таким нагромождением бинтов на спине! (Правда, сегодня Эрика сняла бинты и уже не забинтовала крылья вновь – сказала, что им сейчас полезнее «дышать».)

Может, я теперь действительно больше человек, чем ильх, с прогрессирующим человеческим стремлением жалеть себя?

Раньше у меня был свой маяк и гавань – Лавантэ, а теперь и она меня оставила. А канцлер никогда и не был близким человеком...

- Фикс? – окликнул я, пока и он не ушел вслед за Эрикой по каким-нибудь делам.

- Да?

- Ты вроде как-то предлагал побрататься?

- Ну да... Только тут такое дело... – Фикс даже отошел, будто опасаясь получить от меня тумака. – Короче, я уже как бы с тобой побратался

- Как это? – Я даже привстал на локте. – Когда?

- В ночь после пожара, – зачастил Фикс, – ты все бредил, и лицо было почерневшее, и крылья в крови. Ну я тогда порезал свой палец, приложил к твоему крылу, где кровь выступила, и произнес пару строк из книги на память, что знал. Я и за тебя говорил, что ты как бы не против...

- Но разве так можно?

- Я просто думал, вдруг это поможет! Ну там придаст тебе каких-то дополнительных сил, не знаю, как объяснить... Мне показалось, что любая соломинка бы сгодилась!

- А если бы я был против?

- А ты был бы против?

Я чуть не рассмеялся, так расстроено вытянулось у него лицо.

- Нет, конечно. Да ладно, что сделано, то сделано. Теперь, значит, брат?

Фикс облегченно выдохнул:

- Брат...

Я решил, что теперь как названный брат имею право и на личный вопрос:

– Слушай, Фикс, а ты случайно не еврей?

– Что? – переспросил Фикс, по инерции еще улыбаясь.

– Я спрашиваю, ты не принадлежишь к еврейскому народу? Потому что ты рыжий, – начал перечислять я, – подозрительно много знаешь... хм... в некоторых областях и чего-то всегда недоговариваешь. А вместо того, чтобы договаривать, кормишь всех какими-то байками. Вот мне и стало интересно.

– Ну а если еврей, – перестав улыбаться, отозвался Фикс, – что с того? Что-то изменится?

– Плюс еще отвечаешь вопросом на вопрос, – вслух отметил я.

– Значит, что-то изменится? Ты пожалеешь о том, что мы побратались?

Наверно, так всегда с евреями – задашь один-единственный прямой вопрос, и окажешься втянут в какие-то мутные споры.

– Нет, – покачал я головой, – я передумал. Не хочу знать. Считай, что я ничего и не спрашивал.

– Как хочешь, – пожал плечами Фикс с делано равнодушным видом. Теперь наверняка надуется, как мышь на крупу, и будет дуться неделю. Хотя я даже не высказал никакого отношения или оценочного суждения о его народе.

Впрочем, наверняка он и среди них отличается. Вот, например, совершенно не умеет обращаться с деньгами – ни копить, ни беречь, а наоборот, швыряется ими направо и налево. И непросто, должно быть, так жить – отличаться даже среди отмеченного народа.

– На самом деле, – заговорил я мягко, как мог, – это не так уж и важно, еврей ты или нет. Это ничего не меняет, просто было интересно. Ты же, например, знаешь, к какой расе принадлежу я. То есть принадлежал. А ты говоришь как-то странно, и я никак не могу определить твой акцент. Я не религиозен и уж совсем не фанатичен. – Мысленно я добавил, что всю жизнь до недавнего времени фанатично преследовал лишь одну цель: как бы выжить, а для этого приспособиться под человеческое сообщество. – И ничего не имею против евреев.

– Даже если я чего-то недоговариваю и отвечаю вопросом на вопрос? – уточнил Фикс, взглянув мне в глаза. Кстати, во время войны людей с ильхами человеческим детям стали рассказывать, что смотреть в глаза ильху ни в коем случае нельзя: они сразу же нальются кровью, а сам он немедленно взбесится, налетит и перекусит горло.

– Ну, у меня тоже есть недостатки, наверно, – самокритично признал я.

– После того как ты стал чаще мыться, почти не осталось, – великодушно заметил Фикс, и его подвижное лицо снова расплылось в улыбке. – И, если тебе так любопытно, нет, я не еврей.

– А сразу нельзя было сказать?! – Определенно, иногда с ним совершенно невозможно спокойно разговаривать.

– Ну, мне интересно было понаблюдать за твоей реакцией. А по поводу акцента я же пытался объяснить... Мой народ и страна находятся на севере, очень далеко. Так далеко, что, пожалуй, пешком и не дойти.

– А на лошадях? – спросил я.

– И на лошадях, наверно, тоже.

Опять в его словах начиналась какая-то муть и неразбериха.

– Но ведь как-то же ты оттуда добрался сюда!

– Как-то добрался, – эхом отозвался Фикс и вздохнул, уже без всякой улыбки, – а вот обратно уже вряд ли получится...

Глава 21

Этим же вечером Эрика не пришла ночевать.

Я все не мог уснуть – ждал, когда же она придет втирать свою мазь. И Фикс, кажется, тоже не спал – было слышно, как он ворочается в своем углу, хотя вообще никогда не жаловался на плохой сон.

К утру стало окончательно ясно, что с ней что-то стряслось.

- Надо возвращаться в Славию, – сказал я вечером, когда мы вернулись назад в «Кирасу».

Мы весь день пробегали по городу, надеясь выяснить хоть что-то о местонахождении Эрики, и все без толку.

Первым делом мы, конечно, явились в академию - и узнали только, что ее не было там и на вчерашних занятиях. Потом мы направились в ее прежнюю получердачную комнатку.

Хозяин не хотел нас пускать, но потом все же пропустил, Фиксу даже не пришлось доставать свое «оружие» – его лицо красноречиво свидетельствовало о том, что он к этому готов.

Комнатка под крышей и раньше выглядела пустоватой, а теперь и вовсе опустела, лишившись главного. Жилого духа, возможно? (Владелец дома не успел ее еще кому-либо сдать – немного желающих, видимо, находилось жить в такой тесноте.) И единственная узкая кровать, как и вся комната, казалась пыльной, унылой и заброшенной без хозяйки.

Все немногочисленные вещи Эрики остались в ее комнате в «Кирасе», Фикс первым делом проверил. Так что вариант с запланированным побегом Эрики сразу отметался - она бы забрала с собой хоть что-то из одежды. Хотя бы дорогое «парадное» платье, подаренное Фиксом, и туфли, подобранные специально к ним. Его же можно было еще недешево продать.

Потом мы убили добрых три часа, чтобы разыскать «странницу» Агату, с которой у Фикса происходили столь серьезные разговоры о прошлом и будущем, и побывали во всех местах, где она обычно находила его. В общей городской библиотеке, доступной даже беднякам, в таверне «Руно» и на крыше самого высокого в Вильграде здания – на башне замка принцессы Виль (в его правое крыло по утрам пускали всех желающих за символическую

плату – на обустройство города). Однако таинственной Агаты нигде не оказалось, а где еще ее можно повстречать, Фикс решительно не знал.

И вот теперь мы, усталые и опустошенные, сидели в своей комнате в «Кирасе». Мои крылья почти уже зажили, и я с трудом, но сумел уложить их под туникой-коттом снова под видом горба.

- Надо возвращаться, – повторил я мрачно. У меня уже почти не оставалось сомнений, что все это – и очередной пожар, и похищение Эрики – дело рук канцлера и его «летучих отрядов». Только что за странную игру ведет со мной Рудольфо, как будто в кошки-мышки: вместо того чтобы схватить меня, раз за разом хватает и без вины карает значимых для меня людей?! Будто принуждая меня к нему вернуться как бы добровольно...

Ну что же, тогда я приду.

Очевидно, Фикс пришел к тому же мнению, потому что мрачно кивнул:

- Только я отправлюсь один.

- С чего бы это? – фыркнул я.

- С того, что... – На его лице отразилась явная и отчаянная работа мысли. – Не хочу с тобой идти. Надоело.

- Я, наверно, уже повторяюсь, но с чего бы это?

- С того, что ты... Прямо как рыба-прилипала.

- Кто-кто?

- Прилипала. И еще как скунс! – выложил он свой главный козырь и зажмурился, будто ожидая немедленного удара. Когда удара не последовало, он открыл глаза и для большей убедительности повысил голос: – От тебя тарашит – отойди, не стой рядом! Видеть тебя больше не могу! – Лицо Фикса искривилось – он явно хотел, что я ушел. Даже слишком явно. Настолько, что я не ушел, а остался стоять на месте. Хотя и пообещал себе при случае припомнить ему эту нелепую речь. Я и так стал уже мыться болезненно часто – чуть ли не раз в неделю, какие еще ко мне могут быть претензии? – Отойди от меня, скунс, проваливай вообще отсюда!

Бедняга Фикс, он так торопился отделаться от меня, чтобы вывести из-под удара, что даже не успел придумать побольше оскорблений. А к этому варианту у меня уже появилась некоторая устойчивость, в том числе благодаря и ему.

– Ну, что еще? – подбодрил я его.

– Вонючка, – выдал он свой последний аргумент и опустил голову, почти уронил на руки.

Быстро же он выдохся – впрочем, привычку оскорблять тоже надо освоить.

Однако это был, как оказалось, еще далеко не финал. Не успел я подумать, что запас оскорблений у Фикса истощился, как он вдруг вздернул подбородок и выпалил отчаянной скороговоркой:

– В детстве я всегда хотел завести какое-нибудь животное. Но я не знал, что от него будет так трудно отделаться!

Очевидно, смерть Лавантэ и ее воспитанников потрясла его сильнее, чем я думал. Но и позволить ему добираться до канцлера и его подручных в одиночку я тоже не мог, поэтому ответил, даже не дернувшись:

- А как же братание?

- Я ошибся! – упрямо крикнул я. – И вообще все это было не по правилам, так что не считается!

– Помнишь, Сирил говорил, что по-настоящему задевают только те слова, которые имеют что-то общее с правдой. А поскольку я точно знаю, что я не животное, это не может меня задеть.

Пожалуй, я несколько покривил душой – эта фраза действительно меня задела. Однако Фикс был до того не искусен в деле обмана, что весь его «хитрый» план кровно оскорбить меня и отправиться в Руфин в одиночку лежал просто на поверхности.

Если бы не это обстоятельство, в принципе этот план мог бы и сработать – оскорбить меня не слишком сложно. Хотя и непросто найти слова оскорблений, которые я сам себе в разное время не говорил.

– Ничем тебя не проймешь, да? – грустно спросил Фикс, не поднимая головы.

– Да ты не слишком и пытался.

Тут я, конечно, покривил против истины, но зато Фикс, сдавшись, пробормотал вполголоса:

– Я просто не старался в полную силу. – Однако тут же выяснилось, что это было еще не все: – А может, я потому так топорно действовал, чтобы специально сыграть на жалости и чтобы ты остался? Так сказать, из руководства «Манипуляции для чайников».

Никогда не слышал о подобном трактате, но все равно, эта последняя попытка была несравненно слабее предыдущей.

Очевидно, он уже вымучивал хоть что-то. Такое явное стремление избавиться от меня и моей умозрительной помощи могла бы и сама по себе обидеть, если бы я не представлял слишком явно, что ждет Фикса в Руфине, если ему удастся настоять на своем.

– Твой глупый план все равно бы не удался, – решительно объявил я, просто чтобы уже закончить с этим разговором, – я бы просто так не ушел, потому что кровные оскорбления

у ильхов смываются лишь на дуэлях. И что-то мне подсказывает, что ты не победил бы на дуэли, даже если бы дрался сам с собой.

– Что, решил преподавать мне урок по подколкам? – Фикс неровно улыбнулся. Очевидно, на этом его идеи окончательно иссякли, и он уже смирился, что так просто от меня не избавится. Если он чему-то и научился у Сирила, так это признавать свои ошибки. – А все-таки, если бы я старался на сто процентов, то камня на камне не оставил бы от твоей самооценки.

– Ничего, в следующий раз выйдет лучше, – постарался я его утешить, – если будешь тренироваться.

– Да пошел ты.

– Уже лучше, – отметил я.

Иногда друзей тоже нужно ободрять, даже если они и кажутся в чем-то сильнее нас или мудрее.

А если не кажутся, то уж тем более.

– Иногда думаю, – печально проговорил он, снова зажмурившись, – что вот открою глаза – и снова окажусь в своем мире. И выяснится, что все это мне только приснилось, а на самом деле никто не погиб и не пропал...

- Давай ложиться, – предложил я, – если завтра с утра выходить, то нам еще понадобятся силы.

- Давай, – послушно кивнул он и протянул мне какую-то бутылочку.

- Что это?

- Я нашел в сумке Эрики, типа обезболивающее. Если крылья ночью заболят, глотни.

Я без всякого сомнения взял бутылочку и действительно сделал пару глотков, чтобы лишний раз не просыпаться – крылья, может, и заживали, но приступы боли меня все еще беспокоили по ночам. И почти сразу же уснул – настолько вымотался за целый день безуспешных поисков.

На следующий день я пробудился, когда солнце стояло уже высоко в небе.

Фикс куда-то ушел. Его кровать была аккуратно (непривычно для него) заправлена, а на тумбочке стояла одинокая чашка остывшего чая и конфета. Уже довольно помятая и в потрепанной обертке. Та самая, последняя, что постоянно переходила у нас из рук в руки. Я рывком сел в кровати и схватился за виски, едва сдержав стон. Голова откликнулась тяжелым гудением, как от жестокого похмелья. И тут заметил рядом с чашкой еще кое-что

– Фиксов коробок, в котором лежали воспламеняющие палочки. Я заглянул внутрь – ровно половина.

Но как я мог проспать до полудня? Сроду со мной такого не случалось! В душе заворочалась нехорошая догадка. А куда это, интересно, ушел втихомолку и с утра пораньше Фикс? И, может, он дал мне вовсе не обезболивающее средство Эрики, а усыпляющее из своей собственной «аптечки», чтобы я не сразу мог пуститься за ним следом? В снадобьях-то он разбирался поболее меня...

Не сумев отделаться от меня по-плохому, Фикс, видно, решил просто дать деру. Исчезнуть, свалить, раствориться, даже не попрощавшись. Впрочем, мне было не привыкать, что люди бросают меня без предупреждения. Марита, в отличие от него, хотя бы имела честность попрощаться, глядя в глаза.

Я все-таки застонал и откинулся назад на подушку. Если все было так, то тогда Фиксов план сработал безупречно. Он мог уйти и на самом рассвете, так что опередил меня часов на шесть-семь, и теперь его затруднительно будет нагнать.

Правда, у меня все же есть два преимущества: во-первых, я знаю, куда он направляется. Ну а во-вторых и в-главных, у меня-то есть крылья, и ожоги на них почти уже зажили...

Глава 22

Моя догадка подтвердилась – Фикс ушел, забрав и свои вещи, и сумку Эрики. И даже игрушку Блэкмена, которую сам же недавно выстругал для нее.

А я, сделав это неприятное открытие, позавтракал на скорую руку, расплатился с хозяином «Кирасы» и пустился в путь вслед за ним до самой Славии. Снова через Игению и Эльтийские горы, иногда взлетая, но почти сразу же вновь опускаясь на землю.

Обожжённые участки почти уже зажили и покрылись новой кожей, однако перья отрасли еще не успели, и надолго удерживаться в воздухе у меня никак не получалось. На земле-то все было нормально, но стоило мне подняться и набрать подходящую высоту, как в крыльях начинала ворочаться нудная боль. Я пролетел, пожалуй, лишь пещерную часть крохотного герцогства Лиго, что между Вильсией и Игений, да и то под конец чуть не навернулся с высоты - хорошо хоть небольшой, а то еще больше задержался бы в пути.

Я ругал себя глупой ошипанной курицей, но больше рисковать не смел и оставшийся путь до Руфина проделал пешком. И, поскольку толком не смог воспользоваться крыльями, то и догнать Фикса тоже не сумел. Ночевал я где придется – в дешевых придорожных трактирах, а пару раз и вовсе у обочины дороги, благо осень в этом году была необычайно

теплая и заморозки еще не наступили. И вот в тот раз, когда я за неимением другого ночлега улегся в одном из скошенных стогов, которые местные крестьяне еще не успели закрыть, мне приснился удивительно чёткий, правдоподобный и запоминающийся сон. Будто я уже достиг Руфина и, более того, сумел пробраться в королевский замок на половину верховного канцлера.

Во сне я откуда-то знал туда черный ход – из подземелья, тянувшегося через весь город и бравшее начало в знаменитой руфинской библиотеке, основанной еще дедом нынешнего короля Кимфилда Равелем Разумным, сыном Люксена Милостивого. Правда, не настолько милостивого, чтобы прекратить войну с ильхами, начатую еще его дедом Рамделом I Безумным, свихнувшимся под конец жизни (на самом деле Люксен хотел ее прекратить, но сначала вынужден был бежать от заговорщиков, убивших его обезумевшего отца, потом бороться за трон, а когда созрел для заключения мира, его жизнь унесла черная лихорадка, выкосившая в то время, кажется, седьмую часть королевства). Ну а Равель в вопросе воспитания собственных детей проявил не слишком много благоразумия – очень уж, на мой взгляд, он со своей юной королевой Мафиной разбаловал обоих сыновей после гибели старшей дочери. Что прежнего короля Гастава Сердитого (чем-то похожего на прадеда Рамдела), что его младшего брата Рудольфо, который в юности, по слухам, сбежал из замка и с кем только ни водился, прежде чем набрался ума-разума. Вот их сестра принцесса Дафна была прелесть что за девочка и воспитана как нужно – прилежная и приветливая – да жаль, заразилась, как и дед Люксе, той же смертоносной лихорадкой...

В моем сне дядюшка Руди встретил меня довольно сдержанно, я бы даже сказал – холодно, и это было вполне объяснимо. Слишком много у нас накопилось друг к другу счетов и вопросов, у меня-то по крайней мере не счесть. И я первый начал со своих претензий, поинтересовавшись, что стряслось в Руфине с Фиксом (а я уже и во сне был уверен, что что-то стряслось) и где сейчас Эрика?

«Он сам предложил свою жизнь в обмен на жизнь ведьмы, – Рудольфо пожал плечами с показным равнодушием. – Никто его не вынуждал».

«Эрика даже не из нашего королевства, вы не имели никакого права ее похищать!»

«Ты думаешь, не из нашего? – Рудольфо глянул на меня с хитрецей. – Не много ты о ней, получается, и знаешь. Впрочем, это и неудивительно, колдуньи никогда о себе не рассказывают подробно. Ее мать – родом из Славии, и тоже баловалась разным травоварением и магией... Мы не успели до нее добраться, она сбежала за море, прихватив муженька, а дочку оставив на его пещерную родню. Такая вот веселая семейка. Ну, не

стоит сверкать на меня глазами, не такое уж я и чудовище. Я тоже в свою очередь предложил Финиксу сделку – его жизнь в обмен на волшебный чемоданчик. Однако он соврал мне, сказал, будто истратил все свои чудо-снадобья. А ведь ты знаешь, что ложь я не прощаю. Какой же дурак растратит за несколько месяцев такое богатство?»

«Что?» – Я даже ушам своим не поверил. Всё это – из-за какой-то аптечки? Мне вдруг захотелось рассмеяться, однако это не имело ничего общего с весельем – скорее шок перед абсурдностью происходящего.

«Может, ты знаешь, где она?» – В его темно-карих, почти черных глазах мелькнула надежда.

«Понятия не имею, – честно ответил я, – но, по-моему, у него почти ничего не осталось, а пилюли от всех болезней там точно не водилось».

«Так он тебе и сказал, – канцлер досадливо махнул рукой. – Напрасно только с тобой время теряли. Как же быстро ты забыл первую заповедь шпиона – "никому не верь на слово", а?»

«А ты что, вообразил, будто к него есть пилюли от старости? Или даже от смерти?»

Рудольфо выпрямился и глянул на меня уже не как добрый дядюшка, но как сановник.

«Не твое дело гадать, что я вообразил. В любом случае это касалось не меня лично, а всего государства. Да, впрочем, тебе уже не объяснить, очевидно, что такое государственное мышление...»

«Ну королю Киму-то от старости пока пить пилюли рановато. Он, наоборот, по твоим словам, все никак не повзрослеет – и это почти в шестнадцать...»

«Молчать! – перебил меня канцлер, и его глаза еще больше потемнели. – Кто ты такой, мальчишка, чтобы судить о моих намерениях? Скажи спасибо, что я, в память о былой привязанности, не отдал приказа бросить тебя в темницу. Хотя мог бы и покарать за непослушание, побег и разочарование – ведь я потратил на тебя столько времени и усилий...»

«Ну, спасибо, что не бросил, – я отвесил шутовской поклон. – И еще, видимо, я должен всю жизнь благодарить тебя за то, что не дал приказа забить меня вместе с моей семьей...»

«Я не отдавал такого приказа! Ты же знаешь, это произошло при отце нынешнего короля, когда я был всего-навсего помощником министра и не имел почти никакой власти!»

«Никакой, кроме теневой, верно? – я испытующе глянул ему в глаза. – И она подчас самая сильная. А ведь наш род был последним гнездом ильхом, могли бы сохранить его хотя бы как местную достопримечательность...»

«Ну все, довольно, – канцлер стукнул о мраморный пол своей тростью, и из дальнего неосвещенного угла безмолвно выступили двое стражников. – Выведите его через черный ход, – велел им Рудольфо. И, не глядя больше на меня, добавил сквозь зубы: – А ты лучше забудь сюда дорогу, ильх. На этот раз я тебя пощадил, в память о прошлой твоей службе. Но в следующий раз даже не рассчитывай на снисхождение».

«Я давно уже не рассчитываю на твое милосердие! – крикнул я, когда стражники, ухватив каждый со своей стороны, потащили к потайному ходу. – Но если вы тронете Фикса и Эрику, клянусь, ты ответишь, я не успокоюсь, пока...» – Договорить свою мысль я не успел, потому что чугунные витые двери в приемный покой закрылась будто сами собой, и мы остались втроем со стражниками в темном извилистом коридоре. Говорить им что-либо было бесполезно, судя по их каменным физиономиям, поэтому я умолк и оставшийся путь до самых городских (западных) ворот проделал в угрюмом молчании.

А проснувшись, сразу же понял, что этот сон не к добру. (Что интересно, я отродясь не слышал ни про какой подземный вход – откуда он во сне-то появился?) И не ошибся. Уже у Южных ворот Руфина, столицы Славии, я услышал от мальчишек-продавцов досужие сплетни – о казни какого-то рыжего менестреля как государственного изменника.

Буквально день назад его расстреляли из стрел.

А в одном городе, даже столице, вряд ли могло одновременно находиться сразу два рыжих менестреля...

Глава 23

Побежав по городу и порасспросив людей, я узнал, что смерть Фикса не наделала в городе особенного шума.

Даже, напротив, казнь прошла почти незаметно. Наверно, потому, что происходила не на главной городской площади, где обычно проводились казни (а также цирковые представления и театральные постановки), а в закрытом гарнизоне за Западными воротами, где жили в основном одни гвардейские офицеры и солдаты.

Еще я узнал, послушав по старой привычке чужие разговоры, что пока его тело держали в том же гвардейском гарнизоне. Очевидно, не спешили из-за праздника в честь 16-го дня рождения короля... сделать с ним то, что собирались.

Сначала – казнь, потом – глумление. Двойной эффект для любителей подобных зрелищ, двойное предупреждение для охотников высовываться и бузить. Чтобы не думали, что и после смерти их оставят в покое. Как всегда, с одного дела максимум пользы – неизменный

девиз дядюшки Руди. Из каждой смерти нужно выжать побольше страха, обставить все с наилучшей наглядностью, чтобы другим неповадно было. Да, за прошедшие годы я вдоль и поперек изучил эту стратегию – не думал только, что когда-нибудь она коснется и меня...

В общем, я понимал, что «положено» делать с телами тех, кого осудили как государственных изменников. И так же прекрасно понимал: последнее, что я могу сделать для Фикса, – это избавить его от позорной участи.

К счастью, если тут вообще могло быть употреблено это слово, у меня оставались еще две шоколадные конфеты. Обменяв на золотые рубли первую из них, я добрался до западного гарнизона уже ближе к полночи, сумел подкупить одного молодого стражника, поставленного в эту ночь на часы, и проник в подвал гарнизонной башни.

В подвале неподвижно сидели еще два стражника, хотя по уставу должны были стоять. И, подойдя ближе, я понял, в чем причина нарушения – они просто спали. Наверно, подумали: что может случиться ночью в подвале гарнизонной башни, где полным-полно солдат?

Спали они на двух лавках, а между лавками стояла большая деревянная бочка, закрытая сверху доской. Я приблизился к ней, стараясь не шуметь, осторожно отодвинул доску (она поддалась нелегко – была из мореного дуба и весила почти как мраморная) и заглянул внутрь.

Какой-то серо-белесый порошок. Я зачерпнул несколько крупинок, поднес к носу – и чихнул. Один из охранников что-то проворчал и зашевелился, и я замер, вытянувшись.

Однако спустя всего несколько секунд снова раздался его храп – похоже, эти двое приняли на грудь перед тем, как погрузиться в сновидения.

И тут, глядя на них, я вдруг догадался, что в бочке. Это было даже похоже на некое озарение, откровение свыше (и тут очень кстати вспомнилась заморская баллада про молодую любопытную королеву с факелом) – дядюшке Руди удалось-таки найти заветный «сухой» огонь! Кто-то из его шпионов пробрался в страну, «укрытую горами», и отыскал то, о чем так мечтал канцлер. Вот оно лежит, здесь, прямо в бочке! Тот самый порошок, о котором говорилось в балладе и который на вид безобиден, но стоит поднести к нему искру – становится смертоносен.

Смертоноснее, чем любая стрела и любой клинок, потому что способен посеять пожар и принести гибель целым деревням и даже городам... Значит, вот что принесло смерть Сириловой деревне и монастырю Лавантэ? Этот невзрачный и скромный на вид, бесцветный сухой порошок!

И – единственный подарок судьбы за последнее время – эта бочка оказалась теперь в моем распоряжении, доверху заполненная порошком. А его здесь вполне хватало, чтобы снести напроочь и эту башню.

Уж не знаю, почему его хранили таким образом и здесь, но это сыграло мне на руку.

Конечно, я в любом случае не собирался отступать и что-нибудь бы придумал, но всегда лучше получить еще до начала битвы хоть один крупный козырь.

Однако не успел я оформить этот козырь в свой план, как по лестнице, ведущей в подвал, раздались шаги. У офицеров гарнизона сапоги были с железными шпорами, так что их поступь ни с чем не перепутать (это вам не мягкая кожаная обувь шпиона).

- Кто здесь? – Офицерская выучка сработала мгновенно, надо отдать ему должное: увидев постороннего, гвардеец тут же вытащил наголо саблю. Другое дело, что это была всего лишь сабля. – Ни с места! Кто вы такой и что здесь делаете? – Он нацелил саблю мне в горло, будто собираясь ее метнуть. И при этом старался на словах соблюдать вежливость (неизвестно ведь пока, кто я такой) – все же отменная выучка.

- Я знакомый канцлера, хочу его увидеть, - развязным тоном сообщил я.

- Не двигайтесь, а иначе я заколю вас на месте!

- Это едва ли, – еще более нагло протянул я.

- Почему же? – заинтересовался гвардеец. – У вас ведь нет при себе никакого оружия, насколько я могу видеть, поэтому вы мой пленник!

- Оружия, может, и нет, зато есть кое-что посильнее. – Я вытащил из наплечной сумки коробок, оставленный Фиксом (медленно, чтобы офицер и впрямь не метнул в меня свою саблю). Гарнизонный склонил голову набок, по-прежнему держа саблю наготове. Я вынул одну палочку и с силой потер ее о коричневый бок коробка. Не сразу, но она загорелась. Даже я поразился про себя этому чуду – чуду, пережившему Фикса, – что же взять с офицера? Он отшатнулся и побледнел, когда на темном горлышке палочки заплясал огонек. То ли от багряного отсвета огня на стенах, то ли еще от чего, но спящие стражники вдруг разом пробудились и вскочили по стойке «смирно», ошалело пялясь на нас с офицером. Офицер тоже округлил глаза и, чуть помедлив, опустил саблю.

Интересно, есть ли здесь и вторая такая бочка? И может, даже не одна? Может, дядюшке Руди доставили не сам порошок, а технологию его изготовления, что более ценно, и он уже успел развернуть целое производство? А еще интересно, что тело Фикса держат в том же гарнизоне, что и секретные запасы порошка. Есть ли тут какая-то связь?

Но сейчас нельзя было отвлекаться.

– Это была первая и последняя демонстрация, – веско сообщил я. И добавил, для большего эффекта чеканя слова: – Я знаю, что в бочке, и знаю, что будет, если поднести к нему пламя. А я высеку пламя, благодаря вот этому, – я потряс коробком, и офицер непроизвольно сглотнул. И судя по тому, как он отшагнул назад, он принял всерьез мои угрозы. А двое солдат как стояли, замерев, так и не отмирали, хотя (подумал я не без волнения), стоило им собраться – и они бы моментально меня скрутили.

- Я подожгу ваш запас порошка, – продолжил я, приободрившись, – и все в Руфине узреют алый закат. Правда, вы-то его уже не увидите. А если вы вздумаете глупить, пытаться меня схватить и прочее, то мне терять нечего, а реакция будет побыстрее, чем у вас. Можете спросить канцлера, если не верите - одно время я считался его лучшим шпионом. И, кстати, неподалеку отсюда в укрытии сидит мой слуга, который явился в этот подвал вместе со мной и которому я отсыпал этого порошка, а также вручил несколько стрел и палочек, вызывающих искры. И если я не появлюсь на рассвете, у него есть на этот случай твердый наказ – поджигать гарнизонную башню. Она ведь у вас деревянная, как вы, конечно же, в курсе, и вспыхнет довольно легко. А слуга мой немного не в своем уме, но слушается меня беспрекословно, и только меня.

Это был блеф, конечно. Скорее я тут немного не в своем уме.

Однако офицер еще больше побледнел – значит, поверил.

Может, решил, что попасть сюда в одиночку я бы не сумел, мне наверняка помогал этот преданный слуга, потому и поверил в миф о нем? Тогда как дело объяснялось намного проще – продажностью и пьянством его собственных подчиненных. Хотя гарнизон и не основной, а загородный, все же удивительно, как плохо здесь обстояло с дисциплиной, а дядя Руди оказался не в курсе. Видимо, не всегда и не везде он успевал оказываться в курсе. Да, плох тот офицер, у которого солдаты берут взятки и не могут устоять перед кружкой вина...

А если бы этот гвардеец чуть пораскинул мозгами, то на раз-два разгадал бы мою хитрость: сейчас днем с огнем не отыщешь слуги, который согласился бы подорваться вместе с хозяином, пусть даже за гору золота. Это я, сам как дурачок, в одиночку приперся сюда умирать.

– Выдайте тело Финикса, – потребовал я.

– Это невозможно, – сквозь зубы процедил офицер. Он сразу понял, о ком идет речь, не пришлось даже разъяснять (может, даже сам и руководил его казнью?). Нехотя, но все же

он вступил со мной в переговоры. Не стал пока звать других стражников или давать команду дежурным, чтобы меня скрутили. – Мы его уже похоронили.

Это было вранье – я знал, что тела госизменников, реальных или предполагаемых, так быстро не хоронили. И офицер знал, что я знаю. Но если бы я сказал это, дальше по логике следовало приводить угрозу в исполнение, поджигать бочку с сухим огнем – а пока было слишком рано. Мне обязательно нужно было дождаться приезда дядюшки Руди, чтобы и он не пропустил это представление. А дальше пусть Марита и Эрика живут спокойно, зная, что я отомстил, а главное – живут. И может, юный король станет править чуть лучше своего отца и дяди. Всегда ведь есть такая вероятность, верно?

– Отдайте тогда Блэкмена, – выдвинул второе требование я.

– Что-что? – переспросил офицер, хмуря брови.

– Блэкмена, – кратко сообщил я. – Деревянную игрушку на медной проволоке, которая был при Финиксе.

– Игрушку?! – теперь офицер смотрел на меня, как на опасного буйнопомешанного.

– Это для его невесты, – счел возможным пояснить я, подумав об Эрике. – Она бы хотела, чтобы ей вернули подарок.

Что мне теперь терять, кроме куклы, которую, конечно, я все равно уже не получу. Это был просто повод – чтобы продолжить переговоры.

Я не собирался позволять им бросить Фикса мириконским псам. Сгореть в огне уж в любом случае достойнее, а заодно отправятся на тот свет и его убийцы – по крайней мере очистят этот свет от себя. Может, мир и не станет намного чище, но хотя бы они больше никого не убьют.

– Нет у нас никакой игрушки, – возразил офицер, однако не слишком убедительно. Едва ли он вообще был в курсе: люди его ранга не занимаются вопросами личных вещей казненного.

– Она была при нем.

– Ну так мы закопали его в одежде со всем добром!

Еще одно вранье – все личные вещи казненных всегда конфискуют. Хоронят разве что в каком-нибудь куске материи, да и то если повезет.

– Ну так откопайте. Это уже ваши заботы. Если вы раздобудете Блэкмена к рассвету, я выйду на поверхность и вместе со слугой покину эти места навсегда, а если не раздобудете

– я подожгу бочку, и мой помощник закончит начатое. Вот потеха начнется, верно?

Издали будет видно.

– Где же он прячется? – Офицер уже явно хватался за соломинку.

– А это вам знать совсем необязательно. Где бы ни прятался, а в назначенный час даст о себе знать, уж непременно. За это можете не переживать.

Вот в чем был единственный минус и уязвимость единоличной власти дяди Руди (даже при особе юного короля Кимфилда) – ни одно важное дело не могло решиться без его участия. В принципе солдаты могли ведь сразу убить меня, но нет: им требовалось высочайшее указание на это от Рудольфо. Конечно, я рисковал, что гарнизонный офицер или кое-кто из солдат проявит личную инициативу, разозленный моей сверхъестественной наглостью, но даже в таком случае я не слишком много терял – всего лишь жизнь, последнее, что у меня осталось.

Однако мой расчет оправдался: гвардеец после моих слов молча удалился, знаком позвав за собой горе-дежурных, – видимо, на совет с другими офицерами, и больше в последующий час ко мне никто не приходил. Видимо, они договорились не предпринимать никаких решительных действий до появления канцлера.

Я сделал ставку на такую черту Рудольфо, как любопытство – наверняка он захочет прояснить вопрос с Блэкменом. Что это за игрушка такая – может, магическая, посильнее даже «аптечки»? – ради которой я рисковал подорвать себя вместе с гарнизоном. Ну и еще наверняка он захочет сказать мне на прощание пару слов по поводу моего дезертирства. Рудольфо всегда был отличным оратором – просто любо-дорого послушать. Поэтому, скорее всего, в ответ на новость о моем ультиматуме не пошлет нарочного с приказом разделаться со мной, а прискачет лично.

Не знаю, что именно сыграло тут решающую роль, но в любом случае план сработал. Меня не закололи, а решили подождать до предрассветного часа, до тех пор пока возможно будет разбудить его сиятельство канцлера (он долгие годы мучился бессонницей и издал специальный указ, что тот, кто разбудит его до пяти утра, подвергнется большому штрафу – даже прокукарекавший слишком громко петух, в смысле, его хозяин).

По моим расчетам, канцлер должен был доехать сюда, даже с учетом малой свиты, не позднее шести утра, как раз когда и всходило солнце. Тогда я и пушу в ход палочки – потру о коробок и брошу в бочку, и дело с концом. Конечно, убежать я далеко не успею, да не буду и пытаться. Недостойное это дело для последних секунд жизни – бежать. Тем более что истинный ильх в эти мгновения попытался хотя бы ненамного приподняться над землей.

Ну что же, надеюсь, и дядя Руди в последний раз сегодня поглядит на солнце.

И, если я исхитрюсь так извернуться – то и мне в глаза.

И у Фикса будет по-настоящему величественный погребальный костер.

Глава 24

Какая-то девчонка показалась за решетчатым окошком двери, отгораживающей лестницу в подвал от собственно подвала. Я решил закрыться изнутри на засов до рассвета, просто из предосторожности (во избежание возможного ночного штурма).

– Пс! Пс! – Девчушка явно пыталась привлечь мое внимание – строила рожи, махала рукой и пыталась свистеть. Это она мне, выходит, псыкала – понабралась, видать, у солдат. И что она здесь вообще забыла?

– Ну? – нарочито грубо произнес я, обращаясь к ней.

– Тихо вы, а то услышат! – Соплюха напряженно повертела головой и с явной опаской приблизила лицо к самой решетке. – Это вы грозилась поджечь бочку с порошком и пустить гарнизон на воздух?

– Ну допустим, что я. – Я склонил голову набок, разглядывая ее. Егозе было лет четырнадцать. Может, если бы нам с Маритой суждено было пожениться, у нас родилась бы такая же. Хотя нет – я ни за что не позволил бы своей дочери ошиваться в подобных местах и компаниях. – Ты что-то собираешься предложить?

– А то! – закивала девчушка, напомнив вдруг Фикса. – Нам бы убраться отсюда до рассвета, господин. Страсть как неохота нам взлетать.

Положительно юное поколение совершенно не умеет ценить красоту хорошего полета.

– Кому это «нам»? – уточнил я для верности.

– Ну, мне и братцу.

– Братцу столько же, как и тебе?

Что вообще эти ребята забыли в гарнизоне? Дети кого-то из солдат? Война с детьми в мои завтрашние планы никак не входила.

– Не, он постарше, – егоза снова затрясла головой. Положительно, если бы Фикс не был мертв, я бы заподозрил его влияние.

– То есть гвардеец? – сухо переспросил я.

– Нет, просто солдат, отвечает за ключи и готовит обеды. Он тут по призыву!

– Вы совершенно правы, что хотите свалить отсюда, – одобрил я ее. – Но, видите ли, у меня тоже есть кое-какие планы. Я их уже озвучил.

– Я не слышала, – с обидой сообщила девчонка и состроила гримаску. Как будто офицеры нанесли ей личное оскорбление, не позвав на свой совет.

– У менестреля Финикса в кармане был Блэкмен, – сообщил я ей. Мой голос почти не дрогнул. – Отдайте его мне, и я позволю вам уйти.

– Насчет Блэкмена не знаю, – девчонка повертела головой, – но зато я могу предложить вариант получше. Только мне нужно ваше слово чести, что вы выпустите нас с братом, и немедленно. После того что я собираюсь сделать, сами понимаете, оставаться нам тут будет не резон.

– Ваши планы мне понятны. Надеюсь, тебе уже стали понятны и мои. Верни мне Блэкмена – и ступайте куда глаза глядят.

– Да поймите ж, – она зашептала совсем уж скороговоркой, – я здесь ради брата, а он такой упрямый и к тому же давал присягу, нипочем не признает, что дело гнилое! А я же чувствую, а чутье меня никогда не подводило! Все, что я хочу – это убраться отсюда и вытащить брата! Он сейчас немного выпил и спит, до утра не проснется, и мне нужно время, чтобы вытащить его незаметно! Поэтому пропустите нас, господин, очень прошу!

- А я что, держу? – очень удивился я.

- Так подземный ход отсюда – вон он, в той дальней стене, – девчушка кивнула в сторону бочки.

Ага, и тут канцлер всё предусмотрел: доставил сюда бочку через потайной ход, ведущий через весь город (и даже *за* город), и оставил ее рядом с ним – чтобы при необходимости ее можно было немедленно эвакуировать.

Не сказать, что такая преданность девчушки тупому братцу нисколько меня не тронула – но только этот самый братец и его приятели не позволили мне защитить *моего* названного брата.

– Я уже понял, что хочешь ты. А ты, надеюсь, поняла, что нужно мне. Отдай куклу – и бегите куда хотите.

– И вы собираетесь умереть и прихватить с собой их всех, – девчушка неопределенно махнула рукой себе за спину, – из-за какой-то куклы?

В сущности она была еще девчонкой. И в любом случае это ведь не она убила Фикса.

Я перевел взгляд с нее на дальнюю стену подвала. Даже отсюда я видел, что от древности в ней образовались светлые «прожилки» – в тех местах, где раскрошились и отпали кусочки темно-коричневого кирпича. И это зрелище напомнило мне вдруг темные волосы Лавантэ – в них так же уже пробивались первые светлые ниточки. Даже не серебряные, а желтоватые, отдающие в позолоту, будто ее поцеловало в волосы неяркое осеннее солнце.

Воспоминание о Лавантэ лишь укрепило мою уверенность. Может, я действую неправильно, но и уйти просто так уже не могу. Теперь, когда они отобрали у меня и последнего близкого человека, они должны получить свое.

На самом деле я не так уж и желал смерти этим солдатам – да, они убили Фикса, но не они решили. Приказ отдал Рудольфо, и поэтому прежде всего за это ответит он. Ну а охранники – поскольку окажутся рядом. Кто-то постоянно оказывается в неправильном месте и в неправильное время, и тут уж ничего не попишешь. Судьба.

А девчущку я, конечно, не собирался задерживать, даже с братцем. Ремня бы ей хорошего за то, что лазит куда не нужно, да жаль, сейчас у меня абсолютно нет времени на воспитательные беседы с чужими детьми.

Вообще я давно уже осознал, что у каждого своя правда. Даже у палача или последнего забылдуги, и уж наверняка у этой соплюхи и ее братца. Однако скорее не из-за этого соображения, а из-за того что разговор с надоедливой егозой начал меня уже утомлять (мне было о чем подумать в этот остаток ночи и жизни), я произнес:

– Ты вольна идти куда хочешь. Я не буду препятствовать.

– А брат? – ее глаза заблестели пуще прежнего.

– С твоим братом возиться мне недосуг. – Может даже, это ее братец и добил Фикса, я теперь уже никогда не узнаю.

– Но он спит, я же говорю! Вы должны помочь мне пропихнуть его через люк, дальше ведь такие крутые ступеньки вниз идут, вы можете?

Удивительно все же нахальная девчонка. Я еще ей что-то *должен*?

– Если бы он хотел выжить, то не уснул бы в такой момент. – И уж тем более не стоило даже пальцем касаться Фикса.

– Так я же дала ему матушкиной настойки, – продолжала убеждать меня соплюха. – Он на меня напустился, что я проскользнула прямо в казарму – я там знаю один пролаз в частоколе, со стороны незаметный, но раньше сюда не приходила, встречалась с братом с той стороны забора. Так вот, он меня, значит, ругает, а я раз – и вытаскиваю флягу. Выпей, говорю, тебе матушка передала для подкрепления сил, а я сейчас уйду. Ну он взял ее и перестал сердиться, а потом его позвали на совет, а еще потом он выпил лишка и заснул. А так бы он нипочем не бросил ни службу, ни своих, а я же не могу его тут оставить...

У девчущки хотя бы имелся дом, куда можно было сбежать с братцем, и она даже не понимала, как много у нее было.

– Слушай, как тебя там, разбирайся со своим братом сама. Я уже всё сказал. – Я повернулся к ней вполоборота, чтобы она как следует рассмотрела мой «горб» и поняла, что со мной шутки плохи. И может, я даже колдун и могу наслать на нее порчу. Обычно это отпугивало детишек, однако на нее ничуть не подействовало.

– Так я же говорю, – девчушка, казалось, уже готова была зареветь, – не знаю, где кукла! Но что, если я отдам его самого? В смысле, покажу, где его темница, и отдам вам ключи? – она позвенела чем-то в кармане. – Я у братца стянула. Он тут заведует ключами, я ведь говорила?

– Это ловушка, – покачал я головой, – ты хочешь отвести меня от бочки и заманить внутрь, но у меня есть помощник, и если со мной что-то случится...

– Да я понимаю, не дура, – она тоже потрясла головой, – я правду говорю, вот вам крест! Ну давайте живее, пока стражники сюда не набежали! Офицеры пока совещаются там наверху, а солдаты слугу вашего по всей округе ищут, но скоро ить сюда нагрянут, это уж как пить дать!

– Ты все врешь...

– Да вот же он, ключ, у меня! – Она позвенела чем-то в кармане передника, похожего на кухаркин и смотревшегося на ней довольно нелепо.

– Девочка, я не знаю, от чего этот ключ, – (скорее всего, от ее собственного дома), – но зато знаю, что они его уже похоронили.

– Так это они как раз вам и наврали! – Девчонка аж покрылась красными пятнами в потугах меня убедить. – Неужели вы не согласитесь получить взамен его самого?

– Давай тогда ключ, – предложил я, стараясь не поддаваться ложной надежде.

– Вы все равно без меня не найдете.

Если девчонка мне не врала, то это была неслыханная щедрость. Я на такое даже не рассчитывал и не надеялся – здесь не выдают родственникам и друзьям тел казненных, уж я-то знал. Сколько раз меня пытались подкупить, умолить, пригрозить, даже избить – только чтобы я каким-то образом помог вернуть тело для человеческих похорон. Но закон был неумолим – тела государственных изменников бросали мириконским псам на расправу на закрытом стадионе. Мест на стадионе было ограниченное количество, и я всегда поражался тому, что каждый раз туда кто-то приходил из праздных богатых зевак.

– Скажи, где это.

– Ага, я скажу, а вы нас потом не выпустите!

– Где? – крикнул я, уже теряя терпение.

– Ладно, ладно, – девушка снова глянула на меня с опаской, – я покажу, идемте.

Открывайте дверцу да пошли. Только уж, пожалуйста, не шумите, а то кто-нибудь из солдат раньше срока сюда нагрянет!

Девчонка была права, следовало поторапливаться, раз уж я решился выползти до срока наружу. Я отомкнул дверь, обогнал ее по лестнице и всё ускорял и ускорял шаг, пока моей мелкой спутнице не пришлось за мной побежать. В конце концов, выбравшись на первый наземный этаж, она протянула мне ключ и сказала, тяжело дыша:

- Ладно, попробую сама брата вынести. Как-нить справлюсь, я хоть и тощая, но крепкая и жилистая, это мне матушка давно уже говорит... А вы дойдите до конца вот этого коридора и сверните налево, а потом направо, а потом снова налево. Камера третья по счету. И не медлите, а то и правда все скоро сбегутся!

Я молча взял ключ и побежал по длинному коридору, освещенному кое-где канделябрами. А девушка, судя по звукам, метнулась в противоположном направлении, к винтовой лестнице, ведущей на второй этаж.

Девчонка могла бы и не указывать, какая по счету камера мне нужна, потому что аккурат возле нее обнаружился новый стражник.

Он тоже был довольно молод и переминался с ноги на ногу, явно чувствуя себя неудобно.

Очевидно, он что-то слышал из начавшегося наверху переполоха и, наверно, хотел бы присоединиться к остальным солдатам или хотя бы узнать толком, из-за чего весь сыр-бор, но не смел покинуть пост. А офицеры впопыхах даже не догадались прислать сюда подкрепление... Все-таки профессиональная выучка здесь явно страдает. И почему канцлер выбрал именно этот гарнизон для сокрытия бочки с порошком и Фикса? Видимо, только по одной причине – из-за удаленности от лишних любопытных глаз...

Я не стал долго думать и, подлетев, с силой толкнул постового кулаком под дых, на глаз отыскав нужную точку. Один из приемов мгновенного усыпления, освоенного мной еще в первые годы обучения. Солдат даже не успел развернуться и уж тем более вытащить свой короткий меч и повалился там, где стоял, в глубоком обмороке. Я потратил на него еще полминуты, вытащив из своей сумки одну из припасенных для таких случаев бечевки и стянув одним ее концом в морском узле его кисти, а другим концом – ступни. Теперь без посторонней помощи он едва ли освободится, так что пока можно не ожидать удара со спины. Закончив с постовым, я вставил ключ в замок обитой железом двери и повернул. Почти против моего ожидания, дверь легко подалась и отворилась внутрь.

Из моего горла не вырвалось ни одной трели – правда была в том, что я просто не знал прощальной песни. Меня не успели обучить ей, обучение началось бы только в двенадцать лет, а до той поры, как считалось у ильхов, рановато забивать голову смертельными песнями.

Фикс лежал на спине в своей каморке, с бледным запрокинутым лицом, накрытый до пояса какой-то грязной тряпкой. Не с головой. Он казался не мертвым, а просто спящим. На изодранной рубашке уже не было крови от стрел – тело, видимо, все-таки решили обмыть. На его лице виднелись синяки и кровоподтёки – очевидно, били его совсем еще недавно, перед самой смертью. А на обеих ладонях было множество небольших рваных ранок, словно его кусала куница, хорек или другой мелкий хищный зверек с острыми зубами. И, самое главное, на некоторых пальцах не хватало ногтей...

И, что характерно, от него ничем не пахло. Как будто Фикс сумел каким-то образом и со смертью договориться насчет запаха. В чем-чем, а в этом вопросе он всегда проявлял изрядную настырность. (Конечно, не сказать чтобы от него пахло хорошо, но это не был еще запах смерти – скорее крови, пота и грязи.) Пожалуй, теперь среди прочего мне будет не хватать его напоминаний о необходимости чаще мыться...

Ощущение потери, будто грязевой поток, вдруг захлестнуло меня с такой силой, что я почти упал на землю на четвереньки и неловко ткнулся головой в его грудь.

Я-то думал, что уже привык терять и что после смерти Лавантэ мне уже никогда не будет так больно. Словно со стороны я отметил, как раскалился на груди медальон. Это был всегда знак мне дышать глубже, чтобы не сорваться и не выдать себя – однако сейчас мне было все равно.

Стадия окоченения уже прошла, и его тело вновь стало гибким.

Не знаю, сколько времени я провел так, уткнувшись головой в потертый жилет Фикса и забыв даже о мести, стражниках и верховном канцлере.

Пока в какой-то миг вдруг не осознал, что слышу звук, который никак не должен был слышать – мерное биение. Оно доносилось с левой стороны груди, там, где у людей располагается сердце (у ильхов-то справа). Но ведь этого просто не может быть? Что меня подводит сейчас – слух или разум?

Я попытался сосредоточиться на этом звуке, весь обратился в слух – и понял, что сердце Фикса *действительно* бьется.

Солдатская сестра не только не нарушила слово – она вернула мне так много, что это сразу не умещалось в голове. «Они вам наврали...» О да, они действительно наврали! Дядюшка

Руди отдал приказ не казнить Фикса, а лишь *сообщить* о казни – чтобы убедить горожан в его смерти, а затем подпрашивать его вдоволь?

Но как же девчонка продешевила, попросив у меня всего лишь свободу – она могла бы требовать и золото, и все что угодно! Пусть золота у меня почти не оставалось, но если бы я дал слово, то раздобыл бы сколько нужно (в конце концов, у меня была еще одна конфета).

Потому что, стремясь выручить из беды своего непутевого братца, она выдала живого Фикса! Изрядно помятого, но живого! А я даже не удосужился спросить ее имя, и вообще теперь вряд ли узнаю ее в толпе... Потому что почти все, что я запомнил о ее внешности, – это темные волосы, оливковая кожа и темно-карие блестящие глаза!

Я принялся лихорадочно трясти Фикса за остатки воротника и стучать по щекам. Сначала несильно, но по ходу дела мои удары все больше походили на пощечины.

– Фикс, ты живой? – звал я его, еще не веря в такую неслыханную удачу. – Фикс, ты меня слышишь? Фикс? – Я принялся трясти его за плечи: – Фикс!

Голова его моталась из стороны в сторону, точно у канувшего в неизвестность Блэкмена.

По уму стоило бы забрать Фикса и последовать за девчужкой и ее братцем, также покинуть гарнизон через подземный ход, но я всё никак не мог уняться и прекратить. Мне до зарезу нужно было удостовериться прямо сейчас, что он жив.

– ФИКС!

– А? – Он дернулся уже сам и приоткрыл один глаз, потом второй. – Что?

В первую секунду он глянул обалдело, словно сам не понимая, как здесь оказался. Во вторую секунду в его взгляде отразился испуг, и он затравленно втянул голову в плечи, как человек, не понаслышке знакомый с побоями. Как будто я и впрямь собирался его бить (хотя после такого бессовестного бегства и стоило бы немного). А в третью секунду его испуг сменился радостью узнавания.

– Рой? Это и правда ты?!

– Как же я рад тебя видеть! Мне даже снилось, как ты пришел! – Он сделал движение обнять меня, но я вовремя отстранился. Признаться, я еще не совсем отошел от шока, вызванного новой разительной и внезапной переменой в судьбе – еще недавно я готовился взлететь в воздух вместе со всей башней, а теперь оказалось, что снова нужно жить и снова – бежать. Кстати, как можно скорее бежать. Фикс же неверно истолковал причину моего оцепенения: – Ты в обиде, что я так свинтил? Но, пойми, ты же последний в своем роде, и я не могу подставлять... Ты что, пла...

Я отшатнулся, торопливо вытирая щеки.

– Нужно выбираться отсюда, – перебил я его и пояснил то, что было очевидно: – Скоро восход. Солдаты явятся и приедет канцлер.

– Согласен, надо валить! – Фикс с готовностью попытался было вскочить, сбросив с себя тряпичную ветошь, но тут же охнул и повалился обратно. – У меня что-то с ногами – перелом или вывих, не знаю...

Я перевел взгляд на его ноги. Через широкие штаны, порванные в нескольких местах, было видно, что обе лодыжки сильно распухли. Так что пока Фикс действительно не ходок – но это было и не важно. Главное – миновать подземный ход и выбраться из него, пока не рассвело, чтобы я мог использовать крылья. И сразу же набрать приличную скорость, чтобы часовые на воротах не успели заметить нас, сообразить что к чему и прицелиться из луков.

Я очень надеялся, что на этот раз крылья удержатся в воздухе и вдобавок вынесут дополнительную ношу. В конце концов, в коридоре-то, увидев постового, я взлетел без проблем, хотя и очень низко! Другого выхода у нас все равно не оставалось, и осознание этого (а также невероятное облегчение и радость) придавали, будто источник энергии, дополнительных и немного лихорадочных сил.

Глава 25

Крылья, вопреки опасениям, все-таки выдюжили.

Самым сложным оказалось ползти по извилистому темному и длиннущему подземному лазу с Фиксом в буквальном смысле слова на спине. Но наконец выбравшись из подземного хода на поверхность в районе городской бани (нашей юной спасительницы и ее непутевого брата уже, понятное дело, и след простыл) и еле успев до рассвета, мы с Фиксом покинули Руфин на моих крыльях. А ведь какой-то час назад я и не чаял увидеть его живым, как не надеялся и выбраться отсюда...

Постовой у камеры уже очнулся и, увидев нас с Фиксом, собрался было закричать, даже открыл рот, но я оказался быстрее. Оставив Фикса, я подскочил к солдату, приставил к его горлу его же собственный меч, валявшийся рядом, и шепотом велел молчать. Он так и замер с полуоткрытым ртом. Очень удачно: другой рукой я достал из своей сумки еще одну бечевку, живо скрутил из нее подобие кляпа и засунул солдату в рот, так что теперь ему оставалось лишь невнятно мычать да пучить глаза. Но, в конце концов, это ведь было

лучше, чем смерть при исполнении, верно? По крайней мере Лавантэ наверняка бы одобрила мое решение не пачкать руки в крови.

Конечно, я не мог также оставить смертоносный «сухой» огонь в руках у Рудольфо. И, как ни торопился выбраться отсюда с почти обездвиженным Фиксом, все же быстренько вернулся в открытый и все еще пустовавший подвал и выплеснул в бочку всю имевшуюся в моей фляге воду. Ее не так жалко – наберем еще у ближайшего ручья за Южными воротами, – главное, чтобы жидкости хватило и весь порошок отсырел.

– Все еще не верится, что ты пришел, – радостно повторял по дороге Фикс, мешая мне сосредоточиться на полете. Когда летишь с кем-то на спине, все силы уходят на то, чтобы удержаться ровно и не вихлять, ведь соблюдать баланс становится намного труднее.

– Ну да, – пробормотал я, вспомнив былую обиду, – я ведь животное, полускунс-полуптица, от которого довольно-таки трудно отделаться.

Фикс примирительно улыбнулся:

– Неизвестно еще, кто больше животные – люди или ильхи. Спас-то меня ильх, а били люди!

- Что ж ты не пустил в ход свой знаменитый «пистолет»? – с иронией осведомился я.

- Так они не дали никакой возможности! Прижали нож к горлу Эрики аж на главной площади, среди бела дня и нисколько не смущаясь присутствием народа. – Надо же, а про эту сцену я у очевидцев и не вызнал. Может, зеваки и вовсе ее не запомнили, как нечто совершенно незначимое. – И держали, пока я не передал им свой рюкзак! А в нем были все мои пожитки, в том числе и пистолет...

И снова начал бубнить себе под нос, как столько раз бывало раньше:

...Но если в чужом конверте

Придет к вам черная весть,

Не верьте,

не верьте,

не верьте,

Что это и вправду есть.

Убитым быть – это слишком.

Мой друг умереть не мог.

Вот так... И пускай братишка

Ему напишет письмо.

– Теперь бы разыскать, где Эйя, – внезапно перебил он сам себя. – А, как думаешь? Я из их разговоров просек, что ее держат чуть ли не в самом королевском замке. Они обещали выпустить ее, если я сам сдамся, но, как потом стало понятно, кинули меня и в этом вопросе...

- Почему-то я не удивлен, – уже задыхаясь от необходимости говорить при полете, ответил я. Это было на редкость неудобно – приходилось перекрикивать ветер, бивший по ушам.

- А мне повезло, я быстро добрался до Руфина. На выходе из Вильграда разговорился с одним купцом, так вот он тоже туда направлялся на своей собственной повозке. И он, узнав, что я как бы музыкант, согласился меня захватить – место в повозке еще имелось – за умеренную плату и байки по дороге. Ну я и развлекал, как мог, на своей балалайке. – Так вот почему Фикс так сильно опередил меня в пути! Хотя я не стал бы тут использовать слово «повезло». –Эх, жалко, балалайку-то я не сберег – сразу же отобрали вместе с другими вещичками. Мне больше всего именно ее будет не доставать, наверно... А повозка оказалась почти полностью забита ящиками со свечками! Это у купца такой товар был – свечки – и церковные, и обычные, и даже ароматические, с добавлением каких-то травок. Вот уж не знал, что их тут тоже производят! Даже весь ими, кажется, пропах по дороге... Эй, ты что молчишь? Все еще обижаешься? – прокричал Фикс прямо мне в ухо, так что я дернулся и чуть было не заложил вираж. – Ну хочешь, я извинюсь? Я извиняюсь! – И заорал уже во все горло:

– Щедр к нам, грешникам, земля,

А небеса полны угрозы.

И что-то там еще... тра-ла-ла-ла...

Перед грозой так пахнут розы.

Тоже мне трубадур, даже не помнит толком слова своих баллад. Хотя, нельзя не признать, на него трудно сердиться долго. Вдобавок Фикс сам же пострадал из-за своей самонадеянности, поэтому я и не стал акцентировать внимание на его молчаливом бессовестном бегстве. По крайней мере, пока его ноги не заживут и он не сможет передвигаться самостоятельно – уж тогда-то я скажу ему пару ласковых, пообещал я себе. Однако, как это обычно бывает, спустя время острота обиды притупилась, а старые переживания сменились новыми заботами и вопросами. И на первое место среди них вышла задача по поиску Эрики.

И если Фикс всё понял правильно и ее действительно держат в королевском замке, вызволить ее будет уже не так просто, как его самого из загородного гарнизона...

Ведь замок охраняют действительно отборные профессионалы.

– Ну ты как, не злишься на меня? – снова спросил Фикс, когда мы пошли на посадку.

– Нет, но, боюсь, знакомство с тобой потребовало от меня слишком много, Фикс, – самым невозмутимым тоном произнес я. Я немного сбавил скорость, и поэтому разговаривать стало проще.

– А, – протянул Фикс. Иногда его доверчивость просто поражала – и это в девятнадцать лет. – Да, мне и раньше говорили, что со мной энергозатратно...

Он настолько печально это произнес, как будто говорил о трагедии всей жизни, стало даже жаль его.

– А тебе не говорили, что догадливость не твой конек?

– Ты меня развел, что ли?

– Это была просто проверка на легкоеверие. Мог бы и догадаться, что у меня не так уж много друзей, чтобы так просто ими разбрасываться.

Фикс заметно оживился:

– А что, у тебя есть еще друзья кроме меня?

– Ну, ты и Эрика.

– Ага, это уже двое, – иронично заметил Фикс. Это несколько меня задело, поэтому я добавил больше, чем собирался:

– И еще та девочка в гарнизоне. Которая с братом.

– Ага, – снова кивнул Фикс. – Неудачник с кучей тараканов в голове, бродячая колдунья и девочка, имени которой ты даже не знаешь и которую видел раз в жизни – уже трое. Да ты компанейский парень, оказывается!

– Не такой уж ты и неудачник, просто тебе немного не везет.

Хотя с Эрикой все же повезло, мог бы добавить я, но не стал, потому что судьба ее пока оставалась неопределенной.

Глава 26

Эрика вместе с какой-то женщиной средних лет в длинном богемном одеянии нагнала нас примерно через час лета, когда мы немного углубились внутрь страны на юго-восток страны, ближе к Игении, у деревеньки под названием Топорище (мы опустились прямо возле огромной таблички с наименованием – она послужила своеобразным ориентиром).

Стоило бы, конечно, отлететь подальше, но мои крылья уже начали подрагивать, и я решил не рисковать почему зря и пошел на снижение. Они и так неплохо нам послужили – уж час

форы у нас точно теперь имелся, и прежде чем продолжить путь, я собирался раздобыть здесь в окрестностях новую одежду для Фикса и бинты, чтобы перевязать его раны.

И когда мы услышали позади высокий продолжительный свист и обернулись, то поначалу глазам своим не поверили. Даже я был поражен, а у Фикса, сидевшего прямо на земле, и вовсе челюсть отвисла. Он-то уже готовился к новым «подвигам», чуть ли не сразу опять в бой, чтобы вызволить свою Эрику – а тут на тебе! Она сама нас догоняет, бодрая, невредимая и улыбающаяся! Чтобы канцлер вот так запросто отпустил кого-то, пусть даже невинного? Да, Рудольфо, надо признать, снова удивил меня.

А еще у меня сразу же возникла твердая уверенность, что без Агаты Эрике было бы не под силу разыскать нас. Кто мог бы предположить, что мы приземлимся именно здесь? Лишь человек, умеющий как-то распознавать настоящее и даже порою видеть будущее...

То есть сразу-то я не понял, что это Агата – это была самая обычная на вид женщина средних лет.

После всех охов и вздохов Эрика вкратце рассказала, что с ней было.

Все эти дни она действительно жила в замке как пленница, но, конечно, в куда лучших условиях, чем Фикс. Ее поселили в комнате на третьем этаже – огромной и богато убранной, с огромной же кроватью под балдахином и даже собственной чугунной ванной, которую служанка пару раз наполнила подогретой водой, и большим фаянсовым ночным горшком, которое та же служанка утром выносила. А днем и вечером она приносила Эрике поднос с неплохой едой и целым кувшином воды. Правда, имелся в этом житье-бытье и один минус – выходить из комнаты ей не разрешалось.

Чтобы пленница не вышла сама по себе, под ее дверью в коридоре сидел охранник, а на единственном большом окне стояла железная решетка с мелким плетением, через которое не протиснуться даже такой миниатюрной особе, как Эрика. Охранник же и сообщил ей вчера, что Фикса казнили в западном гарнизоне. И передал его наплечную сумку с некоторыми вещами, среди которых неожиданно нашелся и пистолет (по недогляду канцлера, скорее всего), однако ни Блэкмена, ни балалайки там не оказалось.

А выпустили Эрику совершенно неожиданно. Немногословный охранник разбудил ее сегодня вскоре после рассвета (она не знала точно, который час, потому что часов в комнате не было) и велел собираться. Собственно, собираться долго не пришлось, потому что личных вещей – кроме сумки Фикса – при Эрике не имелось, тут ей даже расческу предоставили и даже меховую накидку. Кстати, и то и другое разрешили забрать с собой, да еще добросердечная кухарка собрала ей в дорогу небольшой узелок с хлебом, сыром и

водой. В общем, Эрика и оглянуться не успела, как оказалась стоящей на улице, перед королевским прудом с аркой, что с правой стороны от дворца. И принялась расспрашивать прохожих о том, как пройти к Западным воротам.

У нее не было четкого плана, она хотела просто попасть в гарнизон и попросить у солдат выдать тело Фикса или же указать, где его могила. И, конечно, нарвалась бы не неприятности, если бы не повстречала эту добрую странницу (по крайней мере эта женщина одета была как странница – в длинной темной юбке и темном же верхнем кафтане, а на голове – белый платок). Странница посоветовала пойти вместе, если она хочет увидеть живого Фикса, и Эрика, конечно же, пошла. Странница посоветовала ничему не удивляться, и Эрика кивнула. После сообщения о казни Фикса она вообще была будто в какой-то прострации. И двинулась следом за доброй женщиной.

Вскоре они вошли в какую-то лавку. Там не было видно хозяина, зато посередине стояло огромное, с пола до потолка, и широкое зеркало. Эрику даже кольнула мысль, уж не женщины ли это лавка? И в этот момент ее спутница оглянулась, махнула рукой и вошла в зеркало. Вот так просто шагнула в него и исчезла. И Эрика, чуть помявшись, шагнула за ней. Ей просто некуда было больше пойти, а странница пообещала живого Фикса. Так они и оказались тут, и Эрика даже не успела толком поразиться перемещению, потому что увидела действительно живого Фикса и меня! И бросилась к нам со всех ног. А сейчас, рассказав эту историю, предложила разделить еду из ее узелка, ведь мы наверняка проголодались? Фикс не заставил долго себя упрашивать и принялся вместе Эрикой за уложение, а вот меня странница отозвала в сторонку. И обратилась ко мне так:

- Приятно познакомиться, Рой, меня зовут Агата. – Я уже и сам начал это подозревать: кому под силу переместиться подобным образом, как не ведунье? И поэтому несколько не удивился тому, что ей известно мое имя. – А я всё искала удобный момент, чтобы серьезно с вами поговорить. – Она отвела меня в сторонку. Я с некоторым напряжением взглянул на нее (слова «серьезный разговор» действуют на меня не самым лучшим образом). Агата и правда показалась вдруг на редкость серьезной, даже лоб нахмурила. Я попытался на глаз прикинуть, сколько ей может быть лет – тридцать пять-сорок? И стала как-то заметно старше.

– Вот как Фикс выглядит в своем родном мире, – произнесла она и хлопнула в ладоши. От этого хлопка неподалеку, на месте участка травы, за которым начинался густой хвойный лес, образовался какой-то проем, как будто дверь в комнату (только на редкость светлую, с белыми стенами, тумбочкой и кроватью).

На этой кровати лежал Фикс – очень бледный, с закрытыми глазами, опутанный какими-то шнурками. Его губы были полуоткрыты, а в нос вела тонкая трубочка. Просто невероятно – как он мог одновременно лежать тут и в то же время обниматься с Маритой шагах в десяти от нас? Я хотел было к ним повернуться, однако Агата заступила мне обзор.

– Кома, – произнесла она, пристально глядя мне в глаза и будто бы гипнотизируя, – уже ровно три месяца. И с каждым днем его шансы выйти из нее уменьшаются. Собственно, их и так осталось уже кот наплакал. Еще несколько месяцев – и врачи отключат аппарат вентиляции легких. Единственная причина, по которой все еще не выключили – потому что его мозг еще не умер. Но ты же хочешь, чтобы Фикс очнулся и выздоровел?

– Он и так здоров, – возразил я, хо я уже и не очень понимал, где правда, а где морок. Я снова сделал попытку выглянуть из-за за ее спины, однако тут вдруг взяла и схватила меня за руку. И вот так, вблизи мне показалось, что она намного старше, чем я прикинул вначале. – Я с ним только сейчас разговаривал. А в ваше колдовство ни капли не верю.

– Это не колдовство, – печально отозвалась она, – в его родном мире его близкие и друзья страдают. – Она махнула рукой, и трубка, ведущая в его горло, исчезла. Это действительно был живой Фикс.

Его ноги лежали на подставке, и из босых ног на подставке их торчал уже с десятков. Причем на обеих ступнях.

– Иглоукальвание, – словно прочитав мои мысли, пояснила Агата. – Родные хватаются за соломинки. Даже ясновидящую уже позвали.

– Кого же? – машинально спросил я, уже догадываясь об ответе.

– Меня, – просто призналась Агата. – Тут хотя бы им повезло, не нарвались на мошенника. А сколько до этого спустили на разные чудо-пилюли! А сами-то люди небогатые, уже в долгах как в шелках. Ну что, теперь понимаешь, насколько серьезна ситуация?

Я медленно покачал головой – я действительно почти ничего не понимал. Кроме одного: кажется, она всерьез вознамерилась перевернуть с ног на голову всю мою прежнюю картину мира.

- А на самом деле, в реальности... или, точнее, в своей реальности Фил лежит без сознания. И весь этот мир... не хочется вас, конечно, вас так сразу огорошивать, но так уж сложилось... ему только снится. Можно сказать, это плод его пострадавшего мозга, пытающегося в этих живейших креатурах найти свое исцеление.

Что интересно, она всерьез пыталась убедить меня в этом заведомом бреде. Даже словечки подобрала самые мудреные – «кома», «креатура». Хотя это как раз объяснимо: Фикс ведь

несколько раз подолгу разговаривал с ней и, очевидно, успел поделиться своей сказочкой про междумирье!

- Как вы его назвали? – после небольшой заминки спросил я. Положительно мне требовалось намного больше времени, чтобы все это обдумать.

- Это не так важно, – отмахнулась Агата. – Главное, я несколько раз убеждала его закончить пребывание здесь, приводила разные аргументы, даже создала два предмета из реального мира, чтобы подчеркнуть иллюзорность этого, – *я даже знаю какие*, подумал я про себя, – но все напрасно. Он наотрез отказывается. Знаете, он иногда бывает просто удивительно упрям!

Уж я-то знаю. Раньше я и сам не раз пенял ему за это, но сейчас данное качество пришлось как нельзя к месту. Поскольку то, что предлагала эта странная колдунья, – ни в какие ворота не лезет!

А Агата, пользуясь моим молчанием, с жаром продолжила:

- Вы ведь и сами сможете заметить, если задумываетесь на минутку: ваша карта мира страдает от больших черных и серых пятен – оттого, что его мозг просто не успел все до конца домыслить... Причем пятна есть во многих областях – в географии, истории, кулинарии, даже в одежде и вооружении. Не замечали, что вы все время ходите в одной и той же одежде, кроме разве что Мариты? Это от того, что хоть подсознание и перенесло Филя в выдуманное Средневековье, о настоящем-то он ведь имел весьма поверхностные представления!

Я почти машинально дернул руки к ушам, чтобы больше не слушать.

Потому что на какой-то темный миг небо будто заволочлось клетчатой сеткой, и *я на самом деле* увидел странные дырки и провалы в виде черных овалов – мрачноватое ощущение, надо признать. До мурашек по коже...

Да и в любом случае, даже без этого выморочного видения непросто допустить мысль, что ты можешь быть просто креатурой чужого поврежденного разума. А весь знакомый тебе мир - всего лишь чьей-то выдумкой, к тому же не слишком детально проработанной. В конце концов это было даже обидно!

Я с силой тряхнул головой, и наваждение исчезло – небо стало как небо, без всяких дырок и пятен.

- Поэтому непродуманность, недоработанность этого мира – всего лишь следствие отсутствия у него энциклопедических знаний об истории, – Агата меж тем не прерывалась ни на секунду. Словно хотела загипнотизировать меня и словами. – Вдобавок его мозг

создает этот мир неосознанно, в стихийной попытке самоисцеления. Он создал даже версию его появления здесь - с помощью некой машины времени, тогда как на самом деле Фикс получил закрытую травму головы в результате банальной драки...

- И как его мозг планировал самоисцелиться с помощью всего этого? – Я сделал неопределенный широкий жест рукой.

- Очень просто – с помощью базовых жизненных понятий, – с готовностью пояснила Агата. – Семьи, любви, дружбы, верности, понимания и приятия. Ведь когда все это есть в жизни, само собой возникает и чувство нужности. Вот за что главным образом цепляется его разум, и еще поэтому не слишком точно и подробно прорабатывает детали. Сирил и Селена символизировали для него родных, и пострадали, потому что подспудно Фикс чувствует вину перед семьей, которая сейчас за него переживает. Там, в его мире. Он даже домашнее животное попытался придумать в смутной тоске по настоящему дому...

- И как же вы предлагали ему закончить пребывание здесь? – спросил я, хотя уже и догадывался об ответе.

- Самым простым способом, – несколько не смутилась она. – Во сне, чтобы он не успел почувствовать боли... А так как по-настоящему он живет не здесь, это стало бы для него не смертью, а наоборот, возрождением! Нельзя же, согласитесь, вечно существовать в двух мирах. Со временем возникает все больше риска намертво застрять между ними... Но, как я уже упоминала, убедить я его не смогла. Поэтому и решила поговорить с вами, как, надеюсь, с более здравомыслящим товарищем.

Если она и собиралась умаслить меня с помощью лести, то просчиталась, потому что к этому моменту я уже твердо считал ее сдвинутой. А с такими нужно держать ухо востро - неизвестно ведь, что в следующий момент может взбрести им в голову...

В следующую секунду моя мысль полностью подтвердилась: Агата будто из воздуха выхватила кинжал с кривой рукояткой и протянула мне. Вот честное слово – только секунду назад ничего не было, а тут откуда ни возьмись вдруг появилась рукоять из слоновой кости и драгоценная сталь!

– Я не могу воздействовать на объекты, только словами, – почти скороговоркой зашептала она. – Ну и путешествовать. А ты – ты вполне можешь! Всего лишь один удар в сердце во сне, без всякой боли, в твоих руках достанет силы – и наконец освобождение...

– Я вам не верю, – с трудом разлепив губы, ответил я. И оттолкнул ее руку с кинжалом – немного сильнее, чем собирался, так что он покатился в траву. Однако Агата и глазом не повела, а занятые перекусом и друг другом влюбленные ничего не заметили. – Во все эти

сказки про другие миры. Есть только один мир, наш, а все остальное – морок и иллюзии, – я указал на Фикса и отвернулся, желая, чтобы это видение пропало как по щелчку пальцев.

- Но разве вы сами не замечали, – не отставала Агата, – что порой события принимают форму навязчивого сна? Может, не всегда страшного, но уж точно повторяющегося – например, вокруг темы ранений. Неужели не замечали?

- Обычная бродячья жизнь, – отрезал я. К тому же связанная с повышенной опасностью, мог бы я добавить, учитывая наше положение преследуемых беглецов...

- Не хотите, стало быть, замечать очевидные странности? – она разочарованно поцокала языком. – Ну что же, в психологии и этому явлению есть объяснение. Называется – слепые пятна. А может, и боязнь выхода из зоны комфорта...

- Ничего я не боюсь, – разозлился я, – и меньше всего ваших полудиких сказок!

Хотя, надо признать, человек менее закаленный жизненными трудностями, чем я, мог бы даже признать их страшноватыми...

– В общем, не желаете помочь, – серьезно подытожила Агата. – Хорошо, я уважаю чужой выбор. Но попомните мои слова, вы совершаете ошибку, что не верите мне. Фикс все равно уйдет, только при более травмирующих обстоятельствах. – Она проворно подобрала свой кинжал и убрала в странничью котомку. – А ножик наподобие вам все же придется принять, и тоже при более драматичных обстоятельствах. Будьте осторожны с крыльями! Конечно же я ей не поверил, несмотря на все ее фокусы с гипнозом (а я не сомневался, что это гипноз или что-то в этом роде, как у уличных иллюзионистов). Неужели эта колдунья и правда рассчитывала на мою легковерность? Но я твердо решил не выходить за рамки вежливости: как-никак мы были ей должны. Это ведь она вывела к нам Эрику. Без нее Фикс был сам не свой, даже жалко смотреть – а сейчас натуральным образом расцвел, позабыв даже об изувеченных руках и отсутствии нескольких ногтей.

Подумав об этом, я снова обернулся к Фиксу и Эрике – настоящим, а не фантомам. Они закончили перекус и уже даже успели разомкнуть объятия и, улыбаясь смущенно и счастливо, подошли ближе.

- Не бойсь, мы тебе немного оставили, – сообщил Фикс. – И доброй страннице тоже...

Кстати, где же она?

Я повернулся к Агате – однако ее уже и след простыл. Исчезла!

Но разве это возможно – исчезнуть на открытой местности за какие-то секунды? Я на всякий случай задрал голову к небу, хотя и сознавал, что взлететь бы она тоже не смогла – уж крылья бы, даже сложенные и под одеждой, я бы заметил сразу.

- И правда, где Агата? – Я снова растерянно огляделся.

- Какая Агата? – в один голос удивились Фикс с Эрикой.

- Да вот только что, здесь стояла... Да она же с тобой пришла, Эрика!

- Это ведь была Агата!

- Ты ошибаешься, – Фикс покачал головой, – уж Агату бы я узнал. Нет, это, видимо, была святая женщина, которой доступны чудеса, даже самые сложные, с пространством и временем. Сирил говорил, такие люди иногда встречаются...

- Но она сама же представилась как Агата, – возразил я.

- Значит, просто совпадение. Еще одна Агата. Та Агата выглядит совершенно по-другому. Она моложе и кра... – он мельком глянул на Эрику. – По-другому, одним словом. Я почел за лучшее не спорить. Все равно я не собирался передавать им содержание нашего со «странницей» диковинного и даже в чем-то пугающего разговора, и поэтому просто кивнул.

Но умеют же эти ведьмы вроде бы Агаты навести морок и запутать! Причем не только меня одного! Однако, невзирая на все ее иллюзии, я ни на йоту ей не поверил.

Ну, может, только на секунду-другую...

Глава 27

Мы решили временно укрыться у родни Эрики – загадочного пещерного народа лиговцев, известных своим необычайным местом обитания.

Это были жители небольшого герцогства Лиго, расположенного между Вильсией и Игенией, и последние сто лет они прожили в системе сообщающихся между собою пещер, образующих целые поселения и даже округа, в которых неподготовленные люди вроде нас с Фиксом запросто могли бы заблудиться и никогда не найтись.

Исторически сложилось так, что пока Вильсия из последних сил безрассудно и храбро сражалась с «непобедимой армией» короля Макбейна, герцог Лигийский предпочел просто спрятаться, укрыться от завоевательных планов Мирикона, затаиться и переждать лихолетье. А для этого вместе со своим народом спуститься вниз в пещеры, разветвлённая цепочка которых была главной достопримечательностью этой небогатой и не очень плодородной земли.

Сейчас от Мирикона осталась лишь безлюдная пустыня, а от его завоевательных планов – ничего, однако «пещерники» не торопились возвращаться на поверхность. Несколько

поколений были уже выращены здесь, места довольно обжиты, да и, как ни крути, более безопасны от чужих военных амбиций.

Поэтому на поверхности лиговцы уже не селились, дома и сооружения (точнее то, что от них осталось) стояли заброшенными, а встречались там лишь путники, торопившиеся поскорее миновать негостеприимную землю и достигнуть хлебосольной Игении.

Ну а пещерная часть герцогства разделялась на четыре округа, по сторонам света: самый зажиточный восточный, самый разветвленный западный, самый большой северный и самый маленький южный, в котором как раз мы и укрылись. Если упомянуть об управлении, то номинально присутствовал еще некий центр – самая маленькая, центральная часть, укрытая со всех сторон «округами», точно самое сердце пещерной страны, и управляемая сиятельным герцогом Джинродом V Лигийским. Однако я его еще не видел и подозревал, что власть его весьма условная, а реальная – на местах: в каждом округе имелся свой выборный староста. В южном, например, это был Кристобал Райта – крупный мужчина лет сорока с проседью в густых русых волосах и бороде.

В первый же вечер в пещерной «стране», когда Эрика ушла помогать своей тете готовить для нас спальные места (учитывая специфику места, лишних пещер здесь имелось не очень-то много), мы уселись на берегу узкой подземной речки, вслух удивляясь тому, что и здесь встречается такая красота.

Может, хотя бы тут, у подземного народа нам удастся схорониться от высочайшей мести?

– Эйя мне сейчас сказала, что два дня назад в этой речке, – Фикс кивнул на казавшуюся угольной поверхностью воды, – утонул один мальчишка, лет четырнадцати...

– Да, я слышал, – кивнул я.

– Его нашли и похоронили. Его звали, кажется, Рок.

– Какая разница, как его звали?

Фикс посмотрел на меня удивленно.

– Ну, не знаю... жаль его.

– Все когда-нибудь умирают, – заметил я, пожав плечами.

– Но не так же рано!

– Не все одинаково осторожны.

– И ты так спокойно об этом говоришь?

Теперь уже я удивленно посмотрел на него.

– А как еще мне говорить? Я его даже не знал. И в любом случае помочь уже ничем нельзя

– поздно. Зачем переживать попусту?

– Но он же был еще мальчишка, Рой!

– В четырнадцать лет я уже прислуживал в королевском замке, – возразил я. «Убийцам моим родных», – можно было бы добавить ради справедливости.

– Все равно!

– Что значит «все равно»? – Это было даже обидно.

– А то, что у всех разные жизни! Он – не ты.

– То есть кто-то больше достоин сочувствия, а кто-то меньше?

– Все достойны! Просто нужно понимать, кто и в какой момент.

– Пусть так, – признал я, подумав. – Но не могу же я ставить себя на место всех подряд. В глазах Фикса явно читалось разочарование.

– Наверно, я слишком много требую от окружающих, – глухо произнес он, глядя в сторону. – Следует делать скидку на воспитание, время... окружение там.

– Нормальное у меня воспитание, – тоже начал заводиться я. – Но меня же на всех не хватит!

Однако Фикс уже не слушал – он поднялся, выпрямившись, далекий, как пришелец из других миров. Лучших и более справедливых. Провел по лицу, будто стирая какое-то призрачное видение. И чуть слышно добавил:

– Я и забыл, насколько далек тут от всех. Какое здесь всё чужое, иногда прямо как глухая стена... – И медленно поплелся прочь к одному из проходов.

А я, хотя не совсем еще запомнил, как добраться до самой большой, Главной пещеры, и всерьез опасался где-нибудь заблудиться, остался сидеть на месте.

Я так и не понял, с чего вдруг моя воспитанность показалась ему недостаточной? У меня, конечно, не было особого времени изучить теорию галантных манер, но мне казалось, на практике я вел себя с окружающими довольно-таки вежливо – если, конечно, обстоятельства к этому располагали.

Даже с Агатой я проявил себя в высшей степени галантным, хотя уж она-то точно была стопроцентной ведьмой! Она такой морок на меня наслала, что я теперь никак не мог припомнить ее внешность в деталях. Помнилось лишь, что у нее длинное лицо и редковатые зубы, а темные волосы завиваются как-то очень уж мелко – однако это было и все.

Совершенно недостаточно для словесного портрета, в составлении которых я еще недавно назад мнил себя чуть ли не профессионалом... Я ведь и в самом деле был профессионалом – но только в самом непочетном ремесле.

А ведь всё могло бы обернуться по-другому, подумал я вдруг. Из меня тоже мог бы выйти толк.

Возможно, и я бы нашел у себя какую-нибудь ценную способность, не связанную с крыльями и шпионажем, и даже как-то развил ее, используя «Точки силы» или что там еще было по Сириловой теории.

Но жизнь сложилась как сложилась, и позади у меня не радость и гордость от достижений, а в основном лишь шлейф из сожалений, своих и чужих. И в будущем, возможно, тоже.

Я вспомнил, как недостойно плакал, когда меня увозили от Лавантэ. И даже жалко цеплялся за ее юбку, как трехлетка. А она только тихим голосом повторяла:

«Не забирайте его сейчас, дайте еще хотя бы год!»

Однако молодцы дядюшки Руди ее, конечно, не слушали (поскольку слушались самого дядюшку Руди). Может, именно с этого момента в моей жизни все пошло наперекосяк? Или это началось раньше – с гибели семьи?

Однако в монастыре я провел хотя бы шесть лет – а вот в деревне Сирила прожил действительно до обидного мало. Судьба могла бы быть ко мне и пощеднее, особенно с учетом прошлых моих потерь!

Фиксу-то в этом отношении повезло намного больше. И иногда я исподволь выпрашивал у него о времени, прожитом среди «способных». О словах и поступках Сирила, Селены, Мартина и других. Рассказы Фикса вызывали во мне странный отклик, смешанный из разных эмоций – интереса, сожаления, даже уважения и еще небывалого по остроте (впервые с детских лет) ощущения потери.

Я вдруг поймал себя на мысли, что хотел бы, чтобы у меня был такой старший брат, как Сирил.

Глава 28

Поселили нас в итоге так: Фикса и Эрику в одной маленькой пещерке, а меня в другой, еще более крохотной. Она была даже не отдельной, а примыкала к другой, более крупной – но зато оказалась очень удачно расположена: неподалеку от подземной речки, то есть запаса питьевой воды (здесь она была довольно чистой благодаря естественным нутряным источникам). Надо сказать, все пещеры в этом округе огораживались простыми однотонными занавесками. Просторные семейные – синими, средние «двушки» – красными, а маленькие «одиночки», рассчитанные на одного – желтыми.

Загадка моего таинственного разговора с Агатой, которая казалась со стороны вовсе не Агатой, а скромной доброй странницей, все еще занимала меня и чем-то тревожила. Иногда я даже начинал склоняться к мысли, что Эрика с Фиксом правы и у меня от переутомления случилось нечто вроде нервного припадка, и весь разговор с Агатой-странницей мне просто почудился (о содержании этой беседы я им так и не сообщил).

А между тем последние несколько дней мы трое занимались важным делом – подготовкой ко дню рождения одной из маленьких племянниц Эрики (дочки ее двоюродной сестры Асусены). Это была идея самой Эрики – организовать небольшой праздник как бы в благодарность пещерным жителям за гостеприимство.

Так как это был праздник для Кристи, то и приглашенные гости в основном были дети – ее подружки и приятели. Народу из взрослых явилось немного: только Эрика, Фикс, я, Асусена да еще ее кузен Витор. А поскольку последние двое пришли помогать наряжать площадку, на которой решено было устроить праздник, уже ближе к вечеру, вся тяжесть подготовки легла на наши с Эрикой плечи (Фикс больше развлекал нас и давал свои необычайно ценные указания).

Сначала роль развлечения для детей выполняли мы, а потом, к счастью, ими занялся Витор, как и было заранее с ним обговорено. Он, кстати, тоже подготовился – надел на себя разноцветный костюм и шапку с бубенчиками. Пещерные люди вообще не испытывали дефицита ни в тканях, ни в еде (разве только живности тут почти не водилось, кроме ручных белых крыс, полуприрученных летучих мышей и диковатых рептилий) – у них было налажено неплохое торговое сотрудничество со Славией, Вильсией и Игенией, которые поставляли им всё необходимое и даже предметы роскоши. А пещерники в ответ отправляли медь, огромные залежи которой нашли после самого переселения, в заповедных глубинах пещерной «цепи».

И когда мы, трое организаторов детского праздника, наконец смогли перевести дух, я произнес наполовину шутливо:

– Это было даже утомительнее, чем шпионить для канцлера.

Мне показалось, прошло уже достаточно времени, чтобы можно было шутить на эту тему.

Однако я ошибся.

Эрика, видимо по инерции, хихикнула. Зато Фикс отреагировал совершенно иначе.

– Как... шпионил? – Его лицо искривилось, как от боли, и я понял, что для него это новость. – Ты шутишь, наверно? – тут же с надеждой предположил он.

Это был бы реальный шанс выпутаться, но смысл? Все равно ведь правда однажды откроется. И тогда у Фикса и Эрики останется еще меньше оснований меня уважать.

- Ну, он поэтому меня и выслеживал, – немного сбивчиво проговорил я.

- Так я думал, он *меня* выслеживал!

– А я думал, ты знаешь...

– Откуда же мне было узнать? – почти крикнул Фикс. – Ты ведь об этом не говорил!

– Но столько времени прошло, я был уверен, что ты догадался...

– Ну да, такой я тупой! – Теперь Фикс действительно кричал. – Просто не сомневался, что мой друг – человек порядочный!

– Фин, – укоризненно начала Эрика.

– Ты вообще не в курсе, так что не встревай, – развернулся к ней Фикс.

– Я не доносил на Сирила, – попытался оправдаться я. И глупо добавил: – Не успел, и...

– Не успел?! – крикнул Фил уже так, что нас обернулись и дети, и сама виновница торжества – Криста. – То есть единственное, что тебе помешало – это что ты тупо не успел?!

- Дело в том, – снова попытался объяснить я, – что меня завербовали еще ребенком, и я не выбирал...

- Нужно было уйти, когда вырос!

- Не так-то это, знаешь, и просто!

- Обычное оправдание для труса!

- Это я трус?

- Ты хуже, ты помесь труса и лжеца! – Теперь голос Фикса звенел на всю украшенную полуосвещенную площадку.

- Труса и лжеца, который вытаскил тебя из гарнизона, - я тоже повысил голос.

Однако Фикса было так просто не сбить с мысли:

- Лучше бы не вытаскивал! Лучше бы я никогда тебя не видел! Вот от таких, как ты, Сирил и пытался скрыть нашу деревню!

– Фин! – В голосе Эрики добавилось металла. – Давай не здесь, дети смотрят...

– Замолчи! – Впервые на моей памяти Фикс так на нее прикрикнул.

И судя по тому, как Эрика отшатнулась, побледнев, это вообще было в первый раз. Все дети уже дружно вытаращились на нас, раскрыв рты. Видимо, Фикс и сам понял, что перегнул, потому что негромко и горько добавил, обращаясь к ней:

– Тебе вот часто приходилось терять друзей?

На это Эрика ничего не сказала. И я, моментально почувствовав себя лишним и даже как бы отрезанным ломтем, повернулся и пошел прочь с площадки по одному из узеньких проулков-лабиринтов. Сейчас я точно не помнил, куда он ведет.

Хотя, по большому счету, идти-то мне было особо и некуда.

Глава 29

Как оказалось, этот лабиринт тоже ведет к речке. К той самой, в которой, по словам Фикса, утонул какой-то мальчишка.

Как же его звали? Кажется, Рок? Да, вполне себе говорящее имя. И о чем только думали родители, называя так сына? А кстати, оно чем-то похоже на мое. Рок и Гросс. Гросс и Рой. Кажется, меня тоже преследует злобный рок.

Может, потому что мне стало одиноко и тоскливо до мурашек, может, еще из-за чего, но меня тянуло проверить, что чувствовал тот паренек, перед тем как черная толща воды сомкнулась над его головой навсегда. Может, ему не хватило совсем немного, чтобы выплыть? А легкие уже горели огнем и в ушах всё нарастал дробный стук...

Я попытался представить, что он чувствовал. Наверно, ему было очень страшно. Он был еще мальчишкой, которому жить бы и жить, не то что мне, почти старику. В душе, по крайней мере.

Может, если бы у меня не отняли мою семью, я вырос бы нормальным – хотя бы для ильхов? А теперь, без них, без роду и племени я стал не только фактическим, но и эмоциональным отщепенцем. Даже брата названного и то потерял. Может, если бы я каким-то образом научился ставить себя на место других, люди бы меня приняли? Может, тогда я наконец стал бы для них достаточно хорош...

Да, если бы мои родители остались живы и воспитали меня как следует, я бы приспособился к обществу получше! Ильхи ведь тоже могли соперничать, пусть они были и не совсем люди. И хотя канцлер всегда пытался убедить меня в обратном, я уже не верил в его слова. Это ведь он сделал из меня лжеца и труса! Может, если бы не он, я бы стал смелее и честнее и научился точнее понимать и чувствовать окружающих? Может, даже сумел бы понять и самого дядюшку Руди. Есть ведь и у него какая-то своя правда, верно? Не может не быть, не зря же он столько сил и времени потратил на ее утверждение! Например, он утверждал среди прочего (также основываясь на старых сказаниях и балладах), что прадед Кимфилда – король Люксен – на заре своего правления, спасаясь от бунтовщиков, убивших его обезумевшего отца, нашел прибежище у «пещерников».

Они тогда сами лишь начинали по-настоящему осваивать свои пещеры, но принять его постарались со всем возможным радушием.

И, уезжая отсюда, Люксен якобы оставил им свой личный кинжал.

У многих личных королевских кинжалов и клинков имелось название, было оно и у этого – Эслибр. Вроде бы особенно чудесных свойств за ним не водилось, но, как и у любого королевского оружия, его владелец получал особое право (любой владелец, даже самого простого звания, получивший клинок в дар, а также нашедший его или купивший). А именно – прийти к королю или правящему за него регенту и потребовать удовлетворения на дуэли. Конечно, сначала он должен был объявить о своих претензиях к властителю при свидетелях (например, что его честь, по милости монарха, оказалась задета, а дом разорен), а свидетели – найти их обоснованными.

Удивительно, конечно, что Люксен решился оставить личное оружие, зная об этом древнем обычае. Но, возможно, у него просто не нашлось при себе никаких других возможных даров, а ручка Эслибра, по слухам, была инкрустирована несколькими редкими самоцветами – огненными рубинами.

Однако же «пещерники», ярые противники войны, после его отъезда посовещались и решили выбросить кинжал в речку от греха подальше. Дескать, никогда им не пригодится такое право вызова, ведь живут они вовсе не в Славии и даже не на земле, а под нею. Можно было, конечно, выковырять самоцветы и продать их втихомолку – но только продавать королевские подарки считалось очень постыдным делом (а суеверные лиговцы и вовсе верили, что это принесет большую неудачу). Вот они и сделали что сделали, дабы ни у кого не возникло опасного искушения – ни продать подарок, ни вызвать чужого короля на дуэль.

Ну а у меня вот это искушение возникло. Стихийно, под влиянием нахлынувшего отчаяния, и очень сильное.

Собственно, это и было основной причиной, почему я решил нырнуть в подземную речку. Плавать и нырять я умел – отец научил в четыре года, когда мои крылья были еще недокрылками и не позволяли толком взлететь. И хотя с тех пор у меня выдавалось немного возможностей поплавать (днем, по крайней мере), этот навык крепко сидел во мне, не забывался.

Холод воды по-хорошему взбодрил, лишив остатков тоскливой заторможенности.

Я сделал несколько глубоких вдохов и нырнул. Илхи могли обходиться без кислорода чуть дольше людей – минут восемь-десять, поэтому я решил задержаться под водой.

Дно здесь было не слишком глубоким, а вода – на редкость прозрачной. Я спустился почти к самому дну и поплыл по течению. Проплыл так минут пять, глядя вниз, и вскоре заметил на дне три точки, горевшие красным. Неужели рубины?

Я подплыл ближе к огонькам, протянул руку и нащупал нечто похожее на рукоятку (остальная часть застряла в узкой расщелинке). Я с силой дернул за рукоятку, потянул на себя, и после нескольких резких рывков сумел-таки вытащить вещь из расщелины.

Да, похоже на кинжал, правда, сильно потемневший и заржавевший (лишь рубины горели огненно-ярко, невзирая на все прошедшие десятилетия).

Неужели тот самый кинжал короля Люксена? Эслибр! Я крепко сжал его, как драгоценность, в правой ладони, не опасаясь порезаться – за проведенное в воде время лезвие успело основательно затупиться. И в следующее мгновение ощутил жжение в легких.

Пора бы уже подниматься на поверхность, напомнили мне легкие, чтобы глотнуть воздуха.

Я дернулся было вверх, однако толща воды заметно замедляла и сковывала движения.

Спускаться на дно казалось намного легче. И еще одного, самого главного я не учел: что намокшие крылья станут такими тяжелыми и с невероятной силой, будто по собственной воле, потянут вниз.

Раньше-то я всегда плавал с «горбом», а сейчас вот снял свою нижнюю тунику – и зачем-то развязал крылья. Даже не знаю толком зачем – может, это была какая-то нелепая попытка доказать себе, что хотя бы их-то я могу не стыдиться? Я даже мысли не допускал, что они могут подвести меня, и в любом случае не сомневался, что сумею выплыть и вытащить их. Однако в мокром виде крылья оказались тяжелее ожидаемого и, несмотря на все мои усилия приподняться над водой и выправить их, упорно тянули обратно на дно.

Так вот что чувствовал тот паренек – не только страх, а настоящий ужас, когда пытаешься всем существом вынырнуть на поверхность, чтобы только вздохнуть, а легкие не то что горят – уже разрываются, а стук в голове не только всё нарастает, но и приносит жгучую боль, которая отдается даже в правой руке...

Просто удивительно, что мне повезло наткнуться на Эслибр почти сразу же... и не повезло остаться здесь навсегда...

Хотя, если это мир – всего лишь чья-то стихийная выдумка, то здесь всё возможно, наверно?

Мои легкие, казалось, уже готовились лопнуть, а голова – разлететься на тысячу осколков. Вот если бы глотнуть хоть немного воздуха

Вот если бы глотнуть хоть немного воздуха... я бы тогда, наверно, сумел все исправить...

- Мы с Ригиной увидели пузырьки на воде, удивились, откуда они? И я полез проверить, может, какая-нибудь собака свалилась, – торопливо говорил мужской голос. Правда, не все фразы пробивались сквозь плотную толщу то ли ваты, то ли тумана, которым словно обложили окружающий мир. Однако все равно было слышно, как он тянет гласные – как и все игенийцы. – А оказалось-то, человек...

- Ну-ка, Рой, в чем дело? – напряженный голос Фикса.

– Так это ильх, что ли? – удивленный другой мужской голос. – Вот крылища-то какие!

– А мы-то думали, их уже никого не осталось! – пронзительный женский.

– Он что, умер? – замирающий детский, похожий на голосок Кресты.

– Не умер, – преувеличенно уверенный голос Фикса, – просто нахлебался, ничего, сейчас откачаем. Я в универе на медкурсы ходил, я знаю, что делать. Только мне помощь нужна, поможешь, Эйя?

– Н-но я н-не умею, – испуганный голос Эрики.

– Это несложно: зажимай нос вот так, а потом со всей силы толкай воздух в губы, так чтобы грудь приподнималась! Вот так. Сначала я ему на грудь давлю, потом ты вдыхай, ему нужен кислород!

– Но м-мы же не знаем, к-когда его... с-сколько он... может, уже п-поздно, Финикс?

– Нет! Ты что? Нет никаких признаков смерти, он еще здесь, наверняка слышит нас. Были же пузырьки! И ильхи могут дольше обходиться без воздуха. Ну же, Эйя, постарайся!

- А почему ты справа давишь?

- У ильхов сердце справа, он мне сам говорил!

Казалось, моя грудная клетка трещит и того гляди лопнет, так Фикс на нее налегал, однако сам я при этом было словно не в теле, а где-то рядом, чуть сверху. И ощущал этот «треск» словно со стороны.

– Мы можем что-то сделать? – женский, но уже не такой пронзительный голос.

– Да, – немедленно отозвался Фикс, – держите его за руку, только крепче.

– А можно крыло?

– Да, только крепче.

– Нет, я боюсь, тут такие тонкие косточки...

– Ну тогда руку!

– Это что, большая птица? – раздался вдруг тот же детский голос.

– Нет, это человек.

- А что это за ножик валяется!

- Не трогай, а ну отойди! Уведите ее кто-нибудь!.. Все нормально, Рой, просто слушай мой голос! Ты же всегда со всем справляешься и всегда мне помогаешь! Давай, помоги сейчас еще немного! Ты же видишь, мы боремся за тебя, давай с нами бороться, идет?

Я хотел бы объяснить, что никак не получается – но и этого тоже не мог.

А потом случилось нечто и вовсе странное – я обрел необычайную даже для полетов легкость и как-то проскользнул в большой прозрачный светлый пузырь. Точнее, это пузырь каким-то образом возник вокруг меня. Что мне в нем понравилось – здесь можно было вдохнуть всей грудью, наконец-то. И не успел я вдохнуть, как пузырь начал стремительно расти, расширяться во все стороны, особенно в высоту, так что очень скоро превратился в прозрачный вытянутый шкаф. И, что характерно, он сразу же без всякого предупреждения или сигнала устремился вместе со мной на впечатляющей скорости наверх. Шкаф двигался так быстро, что у меня даже в глазах зарябило – не представляю, на чем он держался в воздухе. Просто удивительный фокус!

Я глянул вниз и увидел под ногами всё уменьшающуюся пещерную «цепь». Надо бы возвращаться, пока она совсем не пропала из виду! Однако не успел я повернуться, чтобы выбраться из этого удивительного «шкафа», наполненного сплошь светом и воздухом (дверцу, может, найти?), и нырнуть на крыльях вниз, как рядом со мной появилась Агата.

– Туда нельзя, – уверенно заявила она. Сейчас она выглядела моложе, чем мне запомнилось по нашей прошлой беседе. Я заметил, что ее губы тоже не двигаются – выходит, она общается со мной как-то мысленно? – Для этого необходима подготовка, а без нее ты просто застрянешь посередине... Эх ты, а я ведь советовала быть осторожнее с крыльями. Не мог хотя бы их завязать?

- Я думал, вы советовали беречь их... – Я был удивлен, что мне тоже удалось облечь мысли в слова без помощи голосовых связок.

- В любом случае это уже не важно. Твоя единственная дорога теперь – туда, – Агата указала пальцем с отточенным ногтем вверх. – В другой раз такой шанс может и не представиться. Так что не мешкай!

Я глянул вверх, на расходящиеся перед «шкафом» огромные облака, и тут вдруг почувствовал сильный удар в грудь. А сразу вслед за этим – легчайшее прикосновение к губам чьих-то мягких губ. Эрики?

– Ну же, не мешкай, – снова сказала Агата, предостерегающе подняв указательный палец. – А не то, говорю же, застрянешь здесь навсегда!

И вдруг мельком, как будто случайно, опустила глаза – и снова глянула на меня.

А я, уловив намек, немедля нырнул вниз, точно рыба, – точнее, попытался нырнуть.

Выбраться из «шкафа» удалось не сразу – тягучее дно не поддавалось, упрямо обволакивало ноги и явно не хотело отпускать. Однако с третьей попытки у меня все же получилось через него пробиться. Секунда – и я кубарем полетел вниз, лихорадочно пытаюсь расправить крылья, которые как будто снова взбунтовались и перестали слушаться. Может, это в отместку мне за то, что я так много лет накрепко завязывал и прятал их, и стыдился? А земля приближалась со скоростью ветра, уже без всяких пещер – просто сухая, каменистая и безжизненная почва...

Еще через одну головокружительную секунду ощущение падения внезапно пропало, а взамен я снова начал слышать голоса вокруг.

- Стойте! Куда вы его тащите? Отпустите!

Сразу несколько голосов:

- Подальше отсюда...

- На поверхность!

- А не то его сородичи явятся сюда, ильхиная семья долго разбираться не будет...

Отчаянный, Фикса:

- Да нет у него семьи!

Тут послышался дробный топот ног, и сразу после этого я почувствовал жестокий удар в область грудины. На мою грудь приземлилось нечто невероятно тяжелое. Какие-то ребра наверняка где-то хрустнули, и я оглушительно громко закашлялся. Из самого нутра будто живым водопадом хлынула вода.

– Он дышит, он живой! – радостно закричала Эрика.

- Но он же был мертвый! – в ужасе возразил ей кто-то.

- Давай, Рой, вдыхай, – прямо над ухом раздался настойчивый голос Фикса, – это ведь несложно, только первый раз трудно, а потом ничего, легче пойдет!

Вдохнуть не было совершенно никакой возможности, за горло словно держала хваткая ледяная рука, но я честно пытался. Единственное, что получалось даже слишком хорошо – это извергать из себя потоки воды. Вот уж не думал, что в меня может столько вместиться.

– Ну же, вдыхай на счет три, – продолжал повторять Фикс, удерживая мне голову, – давай вместе, ну! Раз, два, три!

- А-а-а! – заверещал вдруг чей-то бас. – Мертвяк, мертвяк!

- Рой, не слушай, дыши! Тихо, тихо, не надо бить крыльями, ты в безопасности!

Я кое-как, со свистом и дрожью, вобрал в себя немного воздуха, и глотку начало немилосердно драть. Мне показалось даже, на этот раз я выхаркаю себе все внутренности.

– Тихо, расслабься, а теперь выдыхай, медленнее, – продолжал командовать Фикс, – не бойся, ты в безопасности, ты дышишь, слышишь меня? Давай снова вдыхай, ну! Сколько пальцев? – Он помахал передо мной растопыренной пятерней, а другой рукой продолжил трясти за плечо, так что перед глазами у меня всё запрыгало. – Ну же, сосредоточься!

Сколько пальцев?

– Шесть, – прохрипел я, просто чтобы он перестал меня трясти. И услышал, как Эрика шумно выдохнула.

– Почему шесть? – обескураженно спросил Фикс (и действительно перестал).

– У тебя все... не как у людей...

- Это шутка, что ли? – обрадовался Фикс, а Эрика даже негромко засмеялась, будто я действительно выдал некую остроту, и пару раз хлопнула в ладоши. – Ты шутишь, значит, все нормально, да? А все сбежали, прикинь! Подумали – зомби и струхнули!

Я поднял голову и осмотрелся. Вокруг действительно не осталось никого из «пещерников».

- Они что, видели меня? – кое-как вытолкнул я из себя вместе с еще одной порцией воды. - И к-крылья?

- Ну да, но это ничего, – Фикс так зачистил, что сложно было разобрать, – они это нормально приняли. Правда, хотели вынести из пещер на поверхность, а потом и вовсе свалили – суеверные, блин!

Глава 30

Стоило мне на следующий день только открыть глаза (к счастью, уже на своей койке), как Фикс оказался уже тут как тут. Не самый лучший вариант для пробуждения, на мой взгляд.

- Привет, Рой, – поздоровался он не слишком уверенно.

- Привет, Фикс, – отозвался я. Перед глазами заплясали черные точки, поэтому я пока не стал делать попыток подняться. – Как ты?

- Пять баллов, – засмеялся вдруг Фикс и заметно расслабился. – Только ты мог задать сейчас такой вопрос. Я-то ничего, только руки еще малость дрожат, а так ничего. Я тут подумал, – уже совершенно серьезно добавил он, заглянув мне в глаза, – не стоило нам ссориться, а то так ни в чем нет удачи...

- Я с тобой и не ссорился.
- А я, даже если и в ссоре с тобой, побратимства все равно не отменяю, понял?
- Понял.
- Тогда объясни мне, какого хрена тебя вообще понесло купаться на ночь глядя? - Как раз вошедшая в мою крохотную пещерку Эрика чуть не расплескала снадобье в большой круглой глиняной чашке, которую держала в руках. – Да еще и в подземную ледяную речку с сильнейшим течением? Ты о крыльях, что ли, забыл, дурья башка?! – Он добавил еще какие-то слова, но их значения я, признаться, не уловил. Однако едва ли это были похвалы моему разуму.

– Не забыл, – стараясь сохранить хотя бы остатки достоинства, насколько это было возможно в подобных обстоятельствах, ответил я, – но они мне обычно помогали.

Я-то думал, Эрика за меня заступится, но она лишь добавила от себя голосом звонким и гневным, без единой запинки:

- А правда, зачем тебя все-таки в реку понесло? Там даже местные ночью не плавают! Обычно... – Тут она явно вспомнила о Роке.

- Чтобы достать Эслибр, – кратко ответил я.

Хоть это было и глупо – и сама цель заплыва, и мое признание в нем, однако я понял, что так просто от меня не отстанут. В спорах сразу с обоими оппонентами я всегда был слаб.

- Эслибр? – повторил Фикс удивленно. – Этот вот самый ножик, что ли? Говорят, когда тебя достали, ты его крепко сжимал. Но зачем тебе он дался-то?!

- Чтобы вызвать на бой дядю Руди, – просто ответил я. – Сам по себе я не могу, а благодаря этому королевскому атрибуту имею право. По крайней мере по прежним законам.

Фикс глянул на меня с уважением, однако тут же в его глазах возникло другое выражение. Он вцепился в свои и без того непричесанные лохмы и с раскаянием пробормотал:

- Какой же я осел...

- Да не в тебе дело, Фикс. Просто я чувствую, что однажды мы все равно схлестнемся.

Помимо Сирила и других я должен выплатить еще один долг – за свою семью.

- Все равно я осел, – повторил Фикс после долгой паузы, во время которой Эрика успела напоить меня из своей чашки чем-то пахуче-приятным и выйти из пещерки. И ударил себя по лбу: – Мне ли еще осуждать! Тоже мне нашелся. Да я в жизни никого не вытащил. А ты спас меня от смерти и пыток, вызволил из того проклятого подземелья...

- Это сделала в основном сестра стражника, – ради справедливости поправил я.

- Все равно, – горячо возразил Фикс, – ты за мной пришел, не бросил! А я... Ты был прав, я просто тупица.

- Я этого не говорил.

- Но я все равно тупица!

- Ты не тупица. И ты ведь меня тоже вытащил.

- Это брат Витора вытащил, пошел вечером с женой гулять вдоль реки и заметил пузырьки на поверхности... Никогда бы себе не простил, если бы из-за моей тупости погиб последний ильх... – Фикс, очевидно, начал уже заикливаться. Я уже давно заметил, на примере запахов, что ему сложно отпускать некоторые ситуации.

- Фикс, успокойся. Знаешь, ты первый из людей принял меня как есть. – За исключением, конечно, банного вопроса, но об этом я решил не упоминать.

— Да, а теперь... – Фикс махнул рукой. Да, при всем своем легкомыслии на некоторых местах он сосредотачивался на удивление настырно.

- Я бы не умер.

- Откуда ты знаешь?

– Сирил ведь говорил, что смерть штука относительная. И что в других мирах мы продолжаем жить.

– Да, а ты возражал, – Фикс криво улыбнулся, словно припоминая один наш долгий упорный спор с Сирилом в деревне. По ощущениям это было как будто в прошлой жизни. Я вспомнил, что находился где-то рядом, когда меня вытащили, и при этом не в собственном теле, и удивительно четко всё слышал.

– Я тоже могу ошибаться, Фикс.

– И все же лучше тебе пока жить в этом мире. Хотя бы лет двести. Или сколько там живут ильхи?

– В среднем? Примерно, сто пятьдесят, двести – это уже максимум.

– Ну, значит, я угадал! – Фикс сразу повеселел. – Вы вообще здоровяки, да? И под водой можете долго протусить, как оказалось!.. А я все боялся, вдруг я что-то не понял или перепутал и сердце у ильхов все же не справа, а слева... Слушай, а может, и правда взять и не ссориться больше? – тихо и совершенно серьезно добавил он.

Иногда Фикс размышлял так, словно был трехлеткой. Некоторые вещи от осознанной воли вовсе не зависят.

– Фикс, сколько тебе лет?

Он явно удивился вопросу:

– Девятнадцать, а что?

– Да так, ничего. Просто интересно.

Кажется, в его возрасте я был уже избавлен от всех иллюзий.

– Рой, а что ты вообще помнишь? – негромко спросил он после паузы. – Ну, тогда.

– Сначала стоял, – без особой охоты заговорил я, догадавшись, о чем он, – но как бы отдельно от тела, а потом словно начал подниматься. Но не как обычно, крылья не участвовали. И небо было какое-то уж очень высокое, светящееся. Как думаешь, может, рай на самом деле существует?

Фикс ничего не ответил, только потянулся и положил руку мне на плечо, слегка сжав. Я не стал возмущаться – в конце концов, это было бы даже нелепо после вчерашнего дня, когда он так сильно колотил меня по груди.

– Слушай, – снова заговорил он, – если не хочешь, то не мойся вообще, отрасти себе снова волосы и ногти...

– Фикс, ты вообще о чем сейчас? – перебил я его.

– Ну, – Фикс запустил пальцы себе в волосы. – Я просто думаю, что из-за нас... из-за моих советов ты как будто понемногу перестаешь быть собой, ильхом. Зря я все это советовал.

– А я думаю, благодаря вам с Эрикой я стал даже больше ильхом, чем был, – возразил я. – Ведь Сирил же говорил, самое главное не внешне, не на виду.

– Да, говорил, – кивнул он радостно. – Здорово, что ты запомнил. У меня-то, кажется, вообще башка дырявая...

- На самом деле я всегда больше всего боялся попасть в такое положение, - признался я невпопад.

- В какое? – не понял Фикс.

- Беспомощное.

- Так мы же были рядом.

- Фикс?

- Да?

- Я на самом деле считал, что ты знаешь про мою бывшую службу.

- Ладно, проехали, – Фикс махнул рукой. – Я подумал, у тебя ведь и правда не было выбора.

- Выбор всегда есть. – Я старался не смотреть на его искалеченные пальцы, наиболее зримое свидетельство канцлеровой – и моей – вины. (Эрика врачевала эти раны и добилась

заживления, но ведь шрамы уже никуда не убрать.) Фикс прошел через эти мучения – и все же не озлобился и даже сумел простить меня за службу канцлеру и за обман.

- Ты же был ребенком. А как смог, сразу свалил из этой конторы, верно?

- Только в двадцать пять.

- Ну, это вообще не возраст. Даже для женитьбы. Хотя у вас-то это случается раньше, верно?

- Это ты к чему? – удивился я.

- Я к тому, что когда-нибудь ведь ты влюбишься снова – и почему бы не в эльханку?

- Что-что? – еще больше изумился я. С Фиксом всегда так – нипочем не догадаешься, к чему может вывести разговор.

- Мне, конечно, не хотелось бы лезть в твою личную жизнь...

- Ну так и не лезь!

- Но ты же сам не раз говорил, что остался последним в роду, а значит, на тебе лежит некоторая ответственность. А смысле, по возрождению рода...

- Да как это сделаешь, если я остался последний! – Я уже начал терять терпение.

- Так я поэтому и говорю про эльханку!

- Фикс, они бескрылые.

- Это сейчас, – торопливо объяснил Фикс, – а я слышал (тут в пещерах рассказывали), что раньше, давно у них тоже были крылья!

Надо же, Фикс, видимо, со всей ответственностью подошел к идее свести меня с кем-то – прямо как племенного производителя. Правда, не удосужился спросить для начала меня – хочу ли я, чтобы мой ребенок попал в этот мир с крыльями? Чтобы однажды кто угодно с оружием мог перестрелять его родных, а его самого, беспомощного и несмышленного, выбросить одного в мир, как щенка или котенка? Выплывет – молодец, а нет – значит, не судьба.

Однако Фикс, похоже, и не думал спрашивать мое мнение – он вообще, когда увлекается чем-то, не слишком слушает возражения.

Впрочем, некоторые хроники действительно говорили, что раньше эльхи тоже были крылатыми. Но поскольку жили они не в горах, а в лесах, рядом с людьми, им пришлось к этому приспособливаться. А именно – обрезать крылья новорожденным, сначала немного, на несколько пальцев, просто чтобы «горб» был небольшим и не слишком выделялся.

Потом – на ладонь, на две ладони, а затем в моду вошли и вовсе миниатюрные крылья. И

например, ильх с обычными крыльями уже казался эльханскому молодняку неуклюжим и неповоротливым чудачком.

Ну а в итоге известно к чему привела эта мода: у современных эльхов торчат за спиной два никчомушных отростка, я бы сказал даже – огрызка, точь-в-точь как у куриц. И, конечно, они уже не способны взлететь.

Поэтому эльхи теперь – это лишь пустое название, на самом деле они почти ничем не отличаются от людей. Ну, кроме двух упомянутых отростков – ни туда ни сюда, а также острого слуха и «компасного» чутья.

- Так что, – продолжал Фикс, ободренный моим молчанием, которое ошибочно принял за согласие, – может, вам повезет и у вас родятся крылатые детишки!

- Не хочу показаться грубым, Фикс, но тебе-то какое до этого дело?

- Как какое, – он слегка покраснел, – мы же вроде побратались, и твоя семья как бы и меня касается, разве нет? И я бы тогда стал бы дядей этим детишкам, и дарил бы подарки на Рождество и днюхи и никому бы не давал в обиду!

Мне стало стыдно, что я так быстро забыл о побратимстве. Да, Фикс одинок в нашем мире не менее, чем я, а может, даже и более. И возможно, так же тоскует по большому гнезду.

- Так ты сам женись, – предложил я, – и сам настрогай кучу маленьких Фиксов. И будет кому дарить подарки на Рождество.

- Ну что я – я-то человек обычный, – усмехнулся Фикс и пихнул меня в бок. – И мой вид не находится на краю исчезновения, так что и торопиться мне в общем некуда! И еще почему не спешу – может, я тут вообще не навсегда...

- Все мы тут не навсегда, – философски заметил я. Моя, например, брeнная жизнь могла бы оборваться еще вчера.

- Да, но тут такое дело... Ты, наверно, сочтешь меня сумасшедшим, – Фикс неуверенно на меня глянул. Я не стал подтверждать, что иногда эта мысль действительно закрадывалась в мою голову. – Но... Дело в том, что я никак не могу отделаться от мысли, что это как-то связано с моим миром... Или даже с моим мозгом... В общем, – решился наконец Фикс, – я все вспоминаю, что мы после пожара в Сириловой деревне не нашли ни костей, ничего, так? Совершенно ведь другая была картина, чем при гибели монастыря! Извини, что напоминаю.

- Ничего.

- Ну так вот, я и подумал: может, в деревне все произошло иначе? Может, сила взрыва там была такова, что все жители каким-то образом переместились в мой мир? Как Агата,

только она-то путешествует по собственной воле, по крайней мере так мне рассказывала... И в общем, возможно, они не погибли! Даже если я их больше и не увижу, они, может, живы – и Сирил, и Селена, и близняшки, и остальные...

– А почему в твой мир? – удивленно спросил я. – И при чем тут твой мозг?

– Ну, – Фикс глянул на меня в отчаянной, хотя и безнадежной (как я уже понимал) попытке объяснить. – Потому что я так не хотел, чтобы они погибли, – наконец почти беспомощно проговорил он.

Так как эти слова уже отчетливо пахивали бредом – Фикс готов вообразить что угодно, лишь бы не допустить мысли о смерти друзей, я промолчал и отвернулся, чтобы ничего не отвечать.

Сейчас мне вдруг вспомнилась Сирилова манера речи, с первой же встречи показавшаяся несколько необычной, хотя раньше я и не мог бы объяснить, в чем ее странность. А теперь, кажется, разобрался.

Временами Сирил обращался словно не к человеку, а к тому лучшему, что было в этом человеке и словно игнорируя его недостатки, будто их и вовсе нет. Поэтому подчас при беседе с ним невольно хотелось подтянуться, расправить плечи и спину. Я бы, может, даже и выпрямился, если бы это было возможно. Но в моем случае выпрямиться значило бы открыть миру крылья, а глупо открывать крылья, если не собираешься взлететь. А я, хотя и мало что любил так, как полеты, поднимался раньше в воздух лишь ночью, урывками и уж точно не при свидетелях, не на глазах у всех. Того, что я сильнее всего любил в жизни – того же больше всего и стыдился.

А вот Сирил просто любил – жизнь, людей, природу и будто весь этот свет скопом.

Повезло же Фиксову миру, если его надежда верна и Сирил со всеми жителями деревни действительно перенесся туда, а вовсе не погиб при пожаре.

– А Эйя-то какая молодчина, – снова заговорил Фикс с гордым видом, – ни на какие курсы не ходила, а сообразила, что делать – разбежалась и прыгнула тебе на грудь!

– Да, и чуть ребра мне чуть не сломала, – заметил я, просто из чувства справедливости.

– Ничего, зажили бы, – отмахнулся Фикс, на мой взгляд, чересчур легко. Конечно, это ведь были не *его* ребра. Мне еще повезло, что у ильхов грудная клетка крепче, чем у людей. – Но признай, она просто гений! Если я однажды и женюсь – то только на ней. Такие девушки ведь на дороге не валяются!

На мой взгляд, он принимал некоторые решения довольно необдуманно, повинуюсь больше порыву, чем здравому смыслу. И где он собирался жить со своей будущей женой – всю жизнь скрываться у ее родных?

Быстро же Фикс забыл об опасности, все еще висевшей над его собственной жизнью, чтобы брать под крыло другого человека, более слабого и уязвимого... Однако озвучивать все это показалось излишним, и к тому же не совсем уместным. Фикс ведь не ребенок, несмотря на некоторые слова и поступки. А я сам же недавно посоветовал ему расширить семью, поэтому теперь лишь сдержанно кивнул. Пусть он женится, раз пришла такая охота, ну а с его врагами я уж как-нибудь разберусь.

Точнее, с врагом...

Фикс тем временем почти осушил недопитую мною чашку – он ведь был знатный водохлеб – и, оставив ее, поморщился:

– Какой же все-таки отвратный тут чай!

– В-вообще-то это мой отвар из л-лечебных т-трав, – оскорбилась Эрика, которая, как оказалось, снова незаметно вошла и какое-то время простояла позади нас. Интересно, как долго? Этот вопрос, я думаю, больше занимал даже Фикса, а у меня уже голова закружилась от них обоих. Ведь за это утро я успел сказать больше слов, чем за былые недели.

– Я хотел сказать...э-э... вкус у него необычный, – немедленно пошел на попятную Фикс. – А так в принципе ничего, главное же лечебный эффект!

Глава 31

Конечно, слухи распространились с быстротой ветра и уже к вечеру все в пещерном поселении были оповещены, что один из их гостей – ильх.

Однако пока лиговцы не проявляли враждебных намерений или стремления выставить меня вон, так что я немного расслабился. И на следующий день уже вышел из своей пещерки без «горба» под рубашкой, хотя и сложив крылья как можно плотнее на спине. В них разлилось приятное тепло – я и забыл, каково это: просто складывать их, а не перевязывать и не перекручивать.

Возможно, мелькнула в голове мысль, когда я поймал уже пятую доброжелательную и сдержанно-любопытную улыбку, направленную в мой адрес, что дядюшка Руди и тут мне солгал, а люди вовсе не так презирали и ненавидели ильхов, как он когда-то расписывал.

- Скажи, а ты мог бы поднять в воздух и меня, и Эрику? – допытывался у меня вечером Фикс, придя в гости с тарелкой, на которой лежала пареная и еще горячая картошка вперемешку с местными грибами – черными трюфелями (единственное, что здесь вообще росло, а картофель пещерники закупали у Слави). В другой руке он держал кувшин с компотом из мелких кислых ягод под названием колуника, которые местные женщины в изобилии собирали летом на поверхности, а потом делали из них варенье, компот и джем. Лиговцы-южане каждый вечер собирались в самой большой в округе пещере (так и прозываемой – Большая), чтобы поесть и заодно обсудить текущие дела, и обычно все женщины, кто мог, принимали участие в готовке. Ну а я сегодня, как и вчера, отговорился от общего ужина – пока не хотелось лишних вопросов о моих крыльях, роде, гнезде и бывшей работе.

- Нет, конечно.

- Но меня же ты поднял!

- Это потому что ты щуплый.

Фикс выпрямился с оскорбленным видом.

- Ну, знаешь, я ведь никогда не переходил на недостатки внешности... Хотя мог бы и сказать... Что у тебя, например, сросшиеся брови! Можно даже сказать, одна бровь! Типа монобровь.

- И это все, что ты можешь сказать о моей внешности? – Я невольно улыбнулся. Круглые глаза, сросшиеся брови, иссиня-черные и жесткие волосы, плохо поддающиеся расческе, немного загнутый кончик носа, оттопыренные уши и перепонки на ногах и крылья - вот и все мои приметные знаки. Ну и мои передние зубы были чуть крупнее, чем у людей.

Отличий на самом деле не так уж много.

Или много?

- А что? – Фикс с недоумением покрутил головой. – В ней есть еще что-то примечательное?

Или ты ждешь комплиментов?

- Нет, – ответил я не без горечи, – в том-то и дело. Поэтому и не надеюсь на особые успехи в матримониальном плане.

- А вот и зря! Ведь в любой внешности можно найти какие-то плюсы, – оптимистично заметил он. – Вот распусти-ка волосы.

– Ильхи распускают волосы только перед битвой, – сообщил я.

– Да? Как-то неудобно, по-моему, логичнее было бы наоборот... Может, ты для эксперимента и сейчас распустишь, а я никому не скажу?

– Хорошо, – легко согласился я, – но только после этого я вызову тебя на бой.

Фикс поднял руки и даже отступил на шаг:

– Ладно, давай оставим это на самый крайний случай... – Он нахмурил лоб, напряженно размышляя, а потом щелкнул пальцами, просяяв: – Совсем забыл! Ведь любое лицо может озарить улыбка! Давай-ка улыбнись сейчас.

Я приподнял уголки губы.

– Ну, смелее.

Я постарался изобразить улыбку еще убедительнее.

– Я же говорю, можно уже улыбаться!

– Так я и улыбался, – потерял терпение я.

– Да? Ну ладно, – Фикс подошел и с размаху хлопнул меня по плечу. – Тогда будем работать с тем, что есть!

Через час Фикс усадил Эрику на низкую трехногую табуретку, вторую и последнюю в моей крохотной пещерке, – видимо, собираясь имитировать некое представление.

- И что ты мне хотел показать? – осторожно спросила Эрика.

- Смертельный номер, – сообщил он самодовольно, – исполняется впервые! Называется – изменение стиля ильха.

- О, – сказала только Эрика. И оглянулась ко мне, словно желая удостовериться, обо мне ли идет речь.

– Сейчас всё будет. – Фикс громко хлопнул в ладоши: – Ну-ка, Рой, покажи, что мы выучили сегодня?

– А это обязательно? – вздохнул я, почувствовав себя цирковым уродцем.

– Еще бы! Что мы, зря потратили целый вечер? Ну-ка, порази ее своей беспросветной харизмой!

Я не совсем понял, что такое «харизма», но решил, что спорить себе дороже, и раздвинул губы в не слишком уверенной улыбке.

– Что-то я не поняла, – удивилась Эрика, – и это в-все, что ли?

– Нет, конечно, – шутливо оскорбился Фикс, – есть еще дубль два. Дубль два!

Я послушно растянул губы еще раз, только шире и показав зубы. Однако, боюсь, ни грамма обаяния у меня от этого не прибавилось.

– Улыбка – и все? – Эрика поднялась с места. – И на это вы потратили целый час?

– Зато знала бы ты, сколько сил мне это стоило, – пожаловался Фикс, проведя ладонью себе по шее.

– Рой, может, тебе волосы распустить? – обратилась ко мне Эрика, оставив без внимания его жалобу. – Если уж тебе так хочется изменить образ.

– Эх, точно! – Фикс даже хлопнул себя по лбу. – И как это я сам не догадался! Давай, Рой, распусти. Вашими правилами ведь не запрещено вызывать на дуэль женщин?

– Зачем, если есть ты, – отозвался я, перестав улыбаться.

– Это сейчас шутка была. Кстати, да – тоже как вариант! Если не уверен, что удастся покорить девушку своей небывалой красотой, не теряйся и не лезь за словом в карман – и она впечатлится твоим остроумием! Хочешь, прямо завтра с утра отрепетируем пару-тройку шуток, а?

– Фикс, п-помолчи уже, – посоветовала ему Эрика, причем нежность в ее голосе компенсировала всю строгость слов. И, наверно, поэтому он ничуть не обиделся:

– Понял, ага.

– Слушайте, спасибо, что пытались помочь, но... Наверно, я просто не создан для семейной жизни.

– Еще как создан! – заспорил Фикс. – А кто род за тебя продолжать будет, а?

– Наверно, некоторые роды исчезают не просто так, – вздохнул я. – Как неконкуренто... способные. – Со второго раза, но я все-таки выговорил это диковинное слово, подслушанное как-то у Фикса.

– Это сейчас вообще не в тему было!

– Рой, – вмешалась Эрика, – вот если бы была возможность тебе не прятать крылья... и там, на поверхности, – ты бы сразу п-привлек самое лестное женское внимание.

– Но такой возможности нет, – произнес я. Излишнее внимание к таким, как я, всегда несет с собой и опасность. – Так что, думаю, моя судьба остаться бобылем... с такой-то рожей, – добавил я негромко. Эрика с Фиксом переглянулись.

– Эй, ты чего? Я же просто прикалывался. Нормальная у тебя внешность, даже зачетная!

– Особенно если расправить крылья, – подхватила Эрика. – Тогда бы точно ни одна женщина не устояла!

– Ни одна, кроме тебя, – уточнил Фикс полушутливо. – Верно?

– Ну конечно, – успокоила она его притворную или настоящую тревогу и с неподдельной нежностью ему улыбнулась.

– В общем, у тебя есть мы, – заключил Фикс, – а мы всегда и поддержим, и прикроем, если что.

Он сказал это с такой непривычной для него серьезностью, что я против воли тоже улыбнулся.

– Ну вот, уже лучше, – одобрил Фикс и зачем-то поднял вверх большой палец.

– Дубль три – самый лучший, – согласилась с ним Эрика.

Когда она вышла, чтобы помочь жене старосты Кристобала с уборкой после общего ужина, я спросил у Фикса:

– Скажи честно – вы действительно не считаете меня уродом?

– А как же, – фыркнул Фикс. – Достаточно хотя бы посмотреть на твои ноги. Перепонки – это, по-моему, форменное уродство... – Он не удержался и рассмеялся во весь голос, довольный, видимо, своим изречением.

– Я вообще-то серьезно, – с досадой заметил я, убирая под себя ноги. Перепонки были не только у ильхов, но и у большинства водоплавающих птиц (однако я-то, как выяснилось совсем недавно, оказался не слишком водоплавающим).

– А я вот не понимаю, как можно задавать этот вопрос на полном серьезе! И ладно ты действительно был бы уродом – но нет. По-моему, у тебя просто какая-то психологическая травма из детства.

– Почему же, – отозвался я, – до шести лет мое детство было вполне счастливым.

– Извини, – посерьезнел Фикс, – я не хотел напоминать о беде. Но, по-моему, если бы я два часа распинался о том, что ты не урод, ты бы и то не поверил...

Про себя я не мог не признать – в чем-то его слова были правдивы.

Глава 32

На следующий день, гуляя по окрестным заковыристым лабиринтам-коридорам с обнаженными крыльями за спиной, в одном из дальних и менее обжитых переулков я повстречал Селену.

Живую, не призрак!

Хотя, признаюсь, в первый момент я сильно в этом усомнился и больно ущипнул себя за запястье, однако она не исчезла. И так же сомневаясь и глазам своим не веря, я некоторое время следовал за ней, пока она не подошла к одной из пещер-«одинок» (судя по желтому цвету занавески на входе).

- Селена! – наконец крикнул я, когда она уже хотела нырнуть за занавеску. – Это ты?!

Она вздрогнула и обернулась – однако не сразу, как будто уже успела отвыкнуть от звука собственного имени.

- Я рада, что с тобой все в порядке, – наконец произнесла она хриловато. У нее был довольно низкий красивый тембр, но сейчас голос казался осипшим. – Я слышала про несчастный случай на речке...

- Да, но все обошлось. – Я каждый раз на протяжении минувших двух дней смущался, когда местные подходили и спрашивали об этом. Потому что первый вопрос был о том, как мне удалось выжить, если мое сердце уже остановилось, а второй...

- Так ты, выходит, один из последних выживших ильхов? – спросила сейчас и Селена, но в тоне ее не слышалось и сотой доли той заинтересованности, которую проявляли «пещерники» (и чем окончательно меня смущали). – Не думала, что однажды снова тебя увижу.

- То же самое я мог бы сказать и о тебе! – подхватил я, не в силах больше сдерживать любопытство. – Как же случилось, что ты выжила? – Во время обмена этими репликами она успела зайти в свою пещерку, и шагнул вслед за ней, даже позабыв спросить разрешения.

Однако Селена не стала выставлять меня или указывать на мое невежество. И даже, напротив, как будто обрадовалась. И заговорила.

Потом я понял, что это была настоятельная потребность ее души – выговориться хоть кому-то и этим снять с себя частицу тяжелого бремени.

Здесь она, видимо, никого не посвятила в свою историю. И, думаю, к лучшему – как я уже убедился, местные при всех их достоинствах решительно не умели и не желали хранить чужие тайны (впрочем, мало кто на свете в принципе это умеет и желает).

Пещерники считали ее славной и несчастной женщиной, пояснила в начале своего рассказа Селена. Много испытывавшей, многое потерявшей и пережившей горькие невзгоды. Однако подробностей этих потерь и невзгод лиговцы не знали и из уважения и сочувствия ее не расспрашивали, и она была им за это благодарна.

А сейчас, глядя в сторону, голосом тусклым и почти однотонным Селена рассказала о том, как во время общего сбора она решила быстренько спуститься в погреб и достать большую банку яблочного компота, чтобы всем разлить. И выронила ее на пол, когда громынуло, и схватилась за стоявшую рядом у кирпичной стены лопату, сама не понимая зачем. Она ничего не видела, только слышала этот чудовищный гром, однако сразу же поняла, что всё кончено.

А потом, спустя всего секунду по лестнице, ведущей в подвал, кто-то шумно сбежал или даже скатился. Селена машинально повернулась на этот новый, несравненно более тихий звук.

И увидела Мартина.

Его лицо казалось темным, словно вымазанным в саже и копоти. Он глянул на нее испуганно – но испуганно не из-за взрыва наверху, а именно из-за нее, – и Селена интуитивно догадалась, что он замешан в несчастье.

Но даже и тогда Мартин мог бы оправдаться, или просто сделать вид, что тоже случайно спустился, как и она, и совершенно ни при чем. Однако он, видимо, не ожидал ее здесь увидеть и оказался застигнут врасплох, ошарашен и выбит из колеи – всего на какое-то мгновение. И этого хватило, чтобы он раскрылся...

Мартин выбрал какую-то дикую, невысказанную линию защиты – начал вдохновенно врать, что всегда любил и любит лишь ее. Что он устроил это только из-за нее – и специально подгадал время, когда Селена спустилась в безопасный подвал. Что им надо сейчас пересидеть здесь часок-другой, пока осядет пыль и прочее (он был заранее уверен, как и сама Селена, что выживших нет, с такой силой наверху громыхнуло), а потом выбраться и бежать вместе в Руфин. Там они получают всё – и деньги, и признание, и собственное жилье, и даже работу при дворе (канцлер всегда был щедр в своих обещаниях – ведь обещания-то бесплатны).

Это готовилось, видимо, уже давно.

Может, дядюшка Руди решил подстраховаться, вводя в дело меня, а может, мое появление должно было стать знаком для Мартина – пора. Видимо, у него имелся большой запас «огненного» порошка, и он хранил его где-то в центре деревни. В своем же доме, скорее всего, расположенном рядом с Сириловой избой. И в назначенный час, час общего сбора Мартин подошел к подвалу, поднял люк, выпустил зажженную стрелу в окно своей хижины – он считался в деревне отличным стрелком – и тут же юркнул в безопасное укрытие и задвинул за собой крышку. (Может, монастырь погубили таким же образом: кто-то расположил емкость с порошком у главных ворот и выпустил в него горящую стрелу с какого-нибудь дерева или из той же летней пристройки.)

Меня, так и быть, канцлер велел не трогать, и Мартин поручил мне съездить на источник. Фикс выступил в роли проводника, ну и заодно с нами послали Мариту, все ж таки она была родной кузиной поджигателя.

Не представляю, на что рассчитывал Мартин, разливаясь соловьем о своей любви к Селене – что, лишившись и мужа, и дома, она будет вынуждена последовать за ним и молчать о случившемся как невольная «причина»? Или что даже оценит любовь и страсть мужчины, пошедшего ради нее на самое страшное? Решил, что женщины за одну только любовь способны простить все на свете?

В любом случае Мартин все говорил и говорил, будто хотел заболтать, запутать, загипнотизировать ее своими словами, а в Селена держала в руках лопату – ту самую, которую машинально схватила, когда услышала звук взрыва.

И сама не поняла даже как, не совсем отдала себе отчет, но когда Мартин вновь заговорил о своей неслыханной любви, подскочила к нему и со всей силы рубанула по голове.

Он зашатался, глянул на нее изумленно и обиженно, и осел, как мешок с картошкой, на каменный пол подвала. И остался лежать там, когда Селена, бросив лопату, полезла наружу.

Она даже не проверила, жив он или нет, настолько испугалась того, что сотворила (даже страшно было к нему прикоснуться). А главное, она изо всех сил торопилась наверх, потому что в душе несмотря ни на что еще жила надежда – *а вдруг?*

Вдруг кто-то все же остался жить, отлучился куда-нибудь и сейчас вернется?

Вдруг выживших будет даже несколько, а среди них – ее Сирил?!

Однако, как и мы чуть позже, Селена никого не нашла, хотя и долго рыскала по развалинам среди черного еще кружившегося в воздухе пепла. Ни живых, ни мертвых – вообще никого, как будто и сроду не жило здесь никаких людей.

И покружив какое-то время (Селена не знала, сколько) и окончательно сорвав голос, она покидала себе в узелок кое-какие тряпки, хлеб и воду и бежала.

Она ведь ни на секунду не забывала и о том, что сделала (не забывала и сейчас), что на ее руках – кровь. А если даже Мартин выжил, то торопиться нужно было тем более – он явно захочет отомстить ей и одновременно убрать ненужного свидетеля...

К тому времени, как в сожженную деревню явились мы, Мартин или по-прежнему находился в подвале (мертвый или без сознания), или, как Селена, успел уже сбежать.

Хотя, если подумать, он мог бы и в сознании прятаться в подвале – зачем ему лишний раз светиться и объясняться с друзьями Сирила? Поэтому, хотя и Селена и была бесповоротно убеждена в его гибели, по крайней мере для меня его судьба оставалась неопределенной.

А для нее самой в очень краткий срок разразились сразу две катастрофы: она потеряла обожаемого человека, всех друзей и стала убийцей. То есть даже не сумела следовать наставлениям любимого и запятнала себя черным делом.

Она и сейчас выглядела не совсем оправившейся, да это было и понятно. Они с Сирилом не нажили детей, и муж как будто заменял ей всё – буквально целый мир. По крайней мере такое у меня сложилось впечатление, когда я наблюдал их вместе – Селена постоянно или касалась его, или смотрела ему в лицо с нежностью и тихой лаской.

А недавно это «всё» у нее отобрали, так что и отстраненный голос, и потухший взгляд, и сутулая спина были вполне объяснимы.

По бледным щекам Селены, ставшим еще бледнее после переселения в пещеры, скатились две прозрачные слезинки. И мне при взгляде на них почему-то вспомнилась вычитанная где-то фраза: «Жертва разрушительных страстей».

- Прошу тебя сохранить это в тайне, – проговорила она после паузы. – Я бы не хотела, чтобы лиговцы расспрашивали меня о случившемся. Не хочу даже, чтобы кто-то на поверхности знал, что я выжила. Пускай я так и буду мертвой для остального мира – в конце концов, какое людям дело до меня? У меня сейчас даже имя другое.

Я, чуть помедлив, кивнул и решил не спрашивать ее теперешнее прозвание. У меня и самого раньше имелось множество разных имен и личин. А Селена пережила уже достаточно, чтобы лишать ее сейчас и этой малости – безвестности.

Я-то знал, как дико иногда хочется укрыться от всей прежней жизни.

Другое дело, что этому желанию никогда не суждено исполниться. Ведь, пока мы живы, так и будем таскать свое прошлое с собой...

После этого тяжелого разговора с Селеной я понял, что срок пришел, и сообщил Фиксу о своем намерении вернуться в Руфин. Мне пришлось даже два раза повторить, прежде чем он поверил, что это не розыгрыш.

- Но почему? – все никак не мог взять в толк Фикс. – Разве нам здесь плохо живется? Местные тебя даже полюбили, особенно Асусена с Кристой!

Тут он не соврал – Криста уже раза три-четыре подбежала ко мне с одной горячей просьбой: покатать ее верхом. Однако все, что я мог сделать, – это посадить девочку себе на спину, поскольку даже взлететь низкие потолки пещерного лабиринта мне не позволяли. И от этого в том числе здесь начинало казаться немного душновато.

Хотя в принципе тут было неплохо – вдоволь чистой воды из речки, душевные (хотя и несколько суеверные) люди и одна и та же теплая, вполне комфортная температура –

благодаря подземным горячим источникам, «отепляющим» весь округ. Однако пора уже и честь знать.

- Не можем же мы насовсем здесь поселиться, – ответил я, – по крайней мере я. – Во-первых, я уже начал тосковать по просторам и полетам. А во-вторых, у меня в Руфине имелось Дело. – Хотя вы-то с Эрикой можете, конечно. – Судя всему, дело у них быстро шло к свадьбе: даже на людях они уже держались как жених с невестой, постоянно целовались, обнимались и перемигивались, а главное, заняли вдвоем одну пещеру.

- Ты же не собираешься в одиночку идти? – нахмурился Фикс.

- Это *мое* дело, Фикс.

- Значит, не забыл про ножик. На самом деле, всерьез настроен? – Интересно, когда и что я так просто забывал? – Думаешь, канцлер станет биться с тобой на равных из-за какого-то кинжала? Да он велит схватить тебя и кинуть в тюрьму, вот и вся твоя великая месть! А там *очень* некомфортно, уж поверь. Я проверял.

- Во-первых, не месть, а справедливость, – поправил я. – А во-вторых, это не просто кинжал. Это клинок Эслибр, личная собственность короля Люксена, перешедшая в дар лиговцам, а теперь от них ко мне. Я приду в понедельник в приемные покои дворца и при всех придворных вызову Рудольфо на дуэль, показав Эслибр. Честь не позволит ему отказаться, а иначе это навлечет на него позор. Даже король в данном случае не имеет права уклониться от вызова – как и все, в ком течет дворянская кровь.

- Почему в понедельник? – поинтересовался Фикс после недолгого молчания.

- Канцлер лично разбирает некоторые спорные дела граждан в приемной зале замка по понедельникам и средам до полудня, – пояснил я.

- Тогда я с тобой, – решительно сообщил Фикс. – Попрошу Асусену и Витора приглядеть за Эрикой. Нечего ей туда возвращаться.

- Это дельная мысль, – одобрил я. Возможно, это была даже первая дельная мысль, высказанная им за сегодня, однако я не стал озвучивать это соображение.

Глава 33

Может, мой план и не отличался дотошной продуманностью, однако я был твердо намерен следовать ему в главных моментах. Но сложилось так, что наша с канцлером дуэль состоялась немного раньше запланированного.

Потому что на следующий день рано утром, не успев толком собраться, а Фикс – намыловаться со своей Эрикой, как в южный округ мирного пещерного Лиго со своей «малой свитой» – одним летучим отрядом – нагрянул вдруг сам канцлер.

Если подумать, это было даже предсказуемо. Я ведь с самого начала знал, что за нами вышлют погоню, и догадывался, что возглавит ее лично Рудольфо.

Ну а дядюшка Руди, видимо, устав от провалов своих «специалистов», сейчас решил проследить за расправой с нами лично и сам же всё проконтролировать. Как гласила одна из его любимых пословиц: *сделай сам, если хочешь, чтобы что-то вообще было сделано.*

А этот вопрос вдобавок стал для него слишком личным – и слишком принципиальным.

Может, дело уже было не в идеалисте Сириле, вздумавшем построить нечто вроде утопии в одной отдельно взятой деревне, и даже не в «волшебной» аптечке Фикса.

Может, основное дело было во мне: в том, что я посмел отбиться от рук и не оправдать надежд – одним словом, стать Серьезным разочарованием верховного канцлера.

А ведь он был уже немолод, и время на подготовку новых кадров (и нового возможного сменщика) у него оставалось все меньше...

Ну а сам я только теперь наконец осознал и принял слова Фикса, сказанные им давным-давно, будто еще в прошлой жизни: *я устал убежать.*

Просто сейчас уже окончательно – некуда больше бежать.

Поэтому пришла пора принять бой.

Как я сказал, появление Рудольфо вышло довольно неожиданным, однако его стремительный наскок оказался заторможен еще в Первой пещере.

Первая пещера называлась так потому, что располагалась на целый уровень выше остальных и служила своего рода приемным покоем. Именно стражники, охранявшие ее и дежурившие посменно, решали, пропустить гостей дальше, задержать их или отправить восвояси, и неизвестно, пропустили ли даже нас с Фиксом, если бы не Эрика. А сейчас эти дежурные остановили продвижение «летучего отряда» Рудольфо, наставив на незваных гостей свои арбалеты.

Когда мы с Фиксом вбежали в Первую пещеру, Рудольфо как раз произносил речь. Он держал себя со своим обычным достоинством, делая вид, что не замечает ни дежурных, ни арбалетов, ни других прибежавших пещерников и обращаясь лишь к старосте этого южного округа Кристобалу Райте (дедушке Кресты), по тревоге подоспевшего сюда раньше прочих.

- А теперь я требую выдать мне обоих преступников, – неторопливо вещал Рудольфо, – обвиненных высокочтимым судом Славии в государственной измене... – Только тут я наконец догадался, почему канцлер так легко отпустил Эрику: он ведь знал, что у нее есть родня в пещерах Лиго – а именно в южном округе. И знал, что ей больше некуда податься (как, собственно, и нам) и она непременно приведет нас сюда. И решил, как охотник, загоняющий дичь, направить нас в самую прочную ловушку, откуда так просто уже не удрать и не улететь, – под землю. Здесь мы окажемся полностью в его власти, без всякой надежды на помощь местных: Лиго было совсем небольшим герцогством без постоянной армии (не считая дежуривших на границах стражников) и к тому же зависело от Славии в плане поставки большей части продовольствия, поэтому канцлер не сомневался в его лояльности.

- Ты сам государственный изменник! – перебил я его. В конце концов именно дядюшка Руди учил: *если тебя собираются загнать, нападай первым*. – Я тоже обвиняю тебя в том, что ты изменил интересам Славии ради собственных, личных интересов!

- Я? – Канцлер побагровел от возмущения. Хотя он и хорошо меня знал, все же не ожидал с моей стороны такой наглости. А может, не ожидал именно потому, что знал. – Я, который всегда служил лишь могуществу Славии, изменил ее интересам?!

- Да, и поэтому я вызываю тебя на дуэль! – В моей голове отрепетированная по дороге сюда речь звучала более благозвучно, а на деле вышла как-то скомканно и куце. К тому же я запыхался, не успел еще отдышаться и говорил довольно сбивчиво.

- Да как ты смеешь, щенок? – задохнулся канцлер.

- Я имею право, у меня есть Эслибр, – я выхватил из кармана плаща кинжал, – клинок короля Люксена!

Рудольфо впился в Эслибр изумленным взглядом. Положительно, сегодня для него настоящий день открытий.

- Ты лжешь! – еще более повысил он голос, однако после едва заметной паузы.

И тут заговорил Кристобал.

- Герцог Рудольфо Хадринский, известный у нас также по прозвищу канцлер Ходр, – начал он свою речь, и канцлер мигнул и оглянулся на него. Это прозвище, которое присвоили ему пещерники, видимо, образовано от названия его личного герцогства – Хадрина. – Пещерное государство Лиго дружественно к Славии и не вмешиваемся во внутренние дела других стран, но и беззакония мы тоже допустим не можем. Этот ильх, – он кивнул на меня, хотя

других ильхов здесь вроде бы не наблюдалось, – утверждает, что у него тоже имеются к тебе претензии.

Когда он замолчал, все услышали, как презрительно фыркнул канцлер.

И конечно же он не остался в долгу и задвинул ответную речь, в двадцать раз превосходящую речь Кристобала, если считать по словам.

Первым делом Рудольфо упомянул, разумеется, о моем неблагородном и даже нечеловеческим происхождении. Несмотря на это, сообщил канцлер, мне дали шанс на нормальную жизнь – на меня потратили и время, и государственные ресурсы, чтобы привить какие-то зачатки культуры, выучить грамоте и другим умениям, которыми я в конце концов овладел.

И чем я отплатил в ответ? Черной неблагодарностью – дезертирством и изменой, поскольку вступил в сговор с опасными заговорщиками (один из которых присутствует также здесь), угрожавшими своей деятельностью самим основам государства. И, следовательно, я совершил худшее преступление из возможных, проявил самый страшный порок и потерял всякое право требовать какой-либо сатисфакции.

Пока Рудольфо гневно и величественно распространялся о силе и могуществе Славии, с которой он никому не посоветовал бы начинать вражду, я глянул в сторону его немногочисленной свиты – и вздрогнул, точно от встречи с призраком.

И было от чего: по левую руку от канцлера, чуть ли не вплотную к нему, стоял (видимо, на правах нового ближайшего помощника) не кто иной, как Мартин. Очухался, стало быть, да и сбежал из подвала?

Что ж, значит, напрасно Селена полагала себя убийцей – и в этом он не сумел ее запятнать. А ведь в балладах (если, конечно, кому-то придет охота сочинить про это балладу) наверняка представят немного другую версию – будто бы Мартин пошел на предательство исключительно из своей необычайной любви к жене друга. С которой – в смысле, с любовью – просто не сумел бороться... Я перевел взгляд еще левее – и тут даже думать забыл про Мартина.

Потому что рядом с ним и чуть позади я разглядел Кирину.

И это открытие словно пронзило мою душу невидимым мечом – первый удар, еще до самой схватки.

Моя подруга детства – еще одна шпионка для канцлера?

Нет, это уже слишком. Такое дикое открытие просто не умещается в голове...

Что, мало ему было одной Мариты?!

Кирина, поймав мой взгляд, немедленно опустила голову – так что я ничего не смог прочесть по ее глазам.

Неужели и она тоже замешана в пожаре в монастыре? И она же закрыла меня на засов в моей детской келье?! Я боялся додумать каждую из этих мыслей. Привычный мир словно трещал по швам, расплзался на глазах. Может, Агата в чем-то права, и... Я усилием воли выкинул и эту мысль из головы. Нельзя сейчас об этом думать, только не сейчас. А то вообще буду ни на что не способен...

А вот пещерники во время эмоциональной речи канцлера удивили меня по-хорошему. Они незаметно расположились полукругом за спиной Рудольфо и, потихоньку наступая, отделили его от «свиты». Так что когда в финале речи он оглянулся на своих в поисках поддержки, то увидел в непосредственной близости от себя неодобрительные лица лиговцев. (Эрики, к счастью, видно не было – сюда вообще сбежались лишь мужчины, очевидно, оставив женщин стеречь дома, как тут заведено)

Все в свите канцлера, кроме Кирины, были вооружены саблями и мечами, но местные тоже оказались небезоружны. Они взяли из дома кто палки, кто лук со стрелами, кто настоящие копья, а Витор, примчавшийся чуть позже нас, захватил даже длиннющий черный хлыст.

Вот тут, наверно, Рудольфо и пожалел, что взял с собой не очень большой отряд. И наверняка ругал себя за то, что слишком доверился донесениям: пещерники оказались не столь кротки и безобидны, как молва о них говорила. И теперь это начинало подходить больше не на поимку изменников, а на самую банальную и нелепую западню... Слишком уж Руди поторопился, погнавшись за нами в предвкушении легкой победы.

- Я могу свидетельствовать, – снова заговорил Кристобал, – кинжал этого ильха и есть древний королевский клинок, что хранился у нас. И я как представитель лиговцев подтверждаю: Рой вправе бросить тебе вызов. А ты вправе его принять... или не принять. Канцлер снова оглянулся на свой «летучий отряд», который пещерники оттеснили еще чуть дальше от него. Он не был бы хорошим политиком, если бы не умел интуитивно чувствовать, когда нужно отступить, дабы не потерять лицо.

- Ну что же, – отозвался он, не теряя своей величественности ни в голосе, ни в осанке, – я как дворянин принимаю вызов. – Мне показалось, все в Первой пещере услышали, как я выдохнул. – И так понимаю, могу тоже выбрать оружие себе по вкусу?

Кристобал, подумав, кивнул.

- Тогда я выбираю то оружие, что сейчас у него! – Рудольфо резко повернулся и ткнул пальцем в Фикса, который как раз опустил свой пистолет, захваченный на всякий случай. Фикс побледнел и спрятал руку с оружием за спину:

- Это нечестно! Этой штуки вообще не должно было тут быть!

- Эта «штука», как вы выражаетесь, должна была быть у меня, – с достоинством парировал канцлер. – Глупый слуга отдал ее твоей девке по недогляду и дурости, самовольно...

- Не смейте ее так называть!

- А как же еще называть беглую ведьму?

- Да вы... – Фикс аж запнулся от возмущения, силясь, видимо, выбрать слово похлеще.

- Отдай ему, Фикс, – сказал я негромко. Сегодня все равно случится то, что должно.

- Да, нужно отдать, – печально подтвердил мои слова Кристобал. – Участники дуэли сами вправе выбрать себе орудие.

Фикс еще больше побледнел, растерянно глянул на меня – и тоже уступил, протянул свой пистолет рукояткой вперед. Только не Рудольфо, а старосте, а тот уже передал канцлеру. Глаза Руди загорелись победным огнем, когда он схватил это диковинное и смертоносное оружие, осторожно провел пальцами по его шероховатой поверхности, а потом резко взвел курок и выпустил одну пулю в дальнюю стену пещеры – будто Фикс сам учил его стрелять из него. Очевидно, шпионы донесли канцлеру и о том, как пользоваться пистолетом. От раздавшегося шума и грохота у меня заложило уши, однако я не позволил себе закрыть их руками и втянуть голову в плечи – только не сейчас, не в канун самой важной в моей жизни битвы.

А может, и последней.

Мы выбрали еще по дополнительному оружию – это также позволяли правила славской дуэли. Мне-то это было особенно необходимо, ведь кинжал короля Люксена безнадежно проржавел (лишь три огненных рубина сияли так же ярко, как и в воде). Я взял хлыст у Витора, а Рудольфо – двуручный меч у Мартина. Крылья я снова подвязал и убрал под тунику, но уже не потому что стыдился их, а просто чтобы не мешали.

Мы кивнули друг другу – этого также требовали негласные правила дуэли, – и наша дуэль началась.

И первым же ударом хлыста я выбил меч из рук Рудольфо, а вторым притянул к себе его (а точнее, Фиксов) пистолет.

Канцлер уже вскинул руку и даже прицелился, но не успел нажать на курок, и в этом промедлении была его ошибка. Стоило стрелять сразу – но для этого ведь, как и для любого дела, тоже нужна тренировка.

На самом деле приговором для канцлера стало уже то, что Кристобал позволил нам выбирать оружие на свой вкус, и никакой краденый пистолет уже не смог бы помочь Рудольфо. Моей же удачей было то, что среди наличествующего оружия у Витора каким-то чудом оказался хлыст.

Хлыстом я владел, без преувеличения сказать, довольно мастерски – намного лучше, чем, например, клинком и луком. Я оттачивал свое умение длинными вечерами в своей комнатке в «рабочем» крыле замка, и концы неизменно задевали стены, потолки, и тогда ночью я украдкой выходил в коридор и тренировался уже там, пока никого не было. Там страдали уже свечи в канделябрах – пока я не научился гасить пламя, не трогая их с места. Хлыст мне нравился в силу какой-то своей первобытности, даже диковатости, и еще потому, что им нетрудно было при случае зацепить и себя, когда становилось совсем уж невмоготу.

Уже тогда я в полной мере осознал, что среди прочего боль может и отрезвить, и даже взбодрить и придать новых сил.

И теперь вот пришло время показать свое «мастерство».

Удар – за маму, удар за отца. Еще один – за сестренку, которую лишили крыльев, а над ильхом нельзя надругаться сильнее. И за всех прочих родственников, и за двоюродного брата Дика, с которым мы только начали разучивать «восьмерки» и прочие серьезные номера в воздухе.

Еще удар – за Лавантэ, мою приемную мать, и три за каждого из ее погибших воспитанников. И целая череда ударов – за Сирила, Селену, потерявшую всё, и всех жителей их деревни. Которые, может, и сумели бы отыскать свои «Точки силы» и использовать это на радость себе и окружающим.

Еще удар – за пытки, устроенные Фиксу, за раскаленные иголки, втыкаемые в его ладони и под ногти, за шрамы на руках, которыми он еще не скоро сможет играть на своей трехструнке-балалайке. (Саму балалайку, как он недавно признался, так же без жалости разломали, как уничтожили и Блэкмена: это был просто «психологический» этап допроса.)

Я знал, как это нестерпимо больно, когда горячие иголки загоняют под ногти, намного больнее ударов хлыстом – раньше дядя Руди в воспитательных целях заставлял меня иногда присутствовать на некоторых допросах «с пристрастием».

И еще удар за Мариту, которую он сделал шпионкой наверняка против ее воли, с помощью какого-нибудь шантажа и запугиваний. А возможно, даже захватив в заложники кого-то из ее близких?

Я-то знал, что такое тоска по близким. Ведь именно по приказу Рудольфо наше селение было разорено и все мои родные перебиты, а сам я с детства содержался в клетке – в фигуральном смысле, конечно, но все же. В клетке же я приучился стыдиться себя, своего тела и мыслей, своей неутолимой страсти к полетам и жажды неба. Стыдился даже и собственной тоски по семье...

А главное, канцлер Рудольфо не только королевство, но и короля Кимфилда держал на коротком поводке. Поэтому свой последний удар я посвятил именно королю – и это был уже не удар мести, а скорее удар надежды для короля. Скоро Киму, как называл его Сирил, сравняется 16, он станет совершеннолетним и сможет править самостоятельно. Однако едва ли дядюшка Руди, насколько я его знаю, позволил бы этому случиться: скорее Кимфилд заболел бы какой-нибудь скоротечной смертельной болезнью или неудачно упал бы с лошади, сломав шею.

Потому что отступать и отдавать свое было вообще не в правилах дядюшки Руди.

Поэтому сейчас я боролся даже не из-за мести и не столько за то, чтобы Фиксу и Эрике позволили жить спокойно (и просто – жить), но и за будущее короля Кимфилда, которое, возможно, принесет что-то хорошее и в будущее государства.

Все это время я смотрел прямо на Руди, чтобы он понял: это справедливый суд, а вовсе не убийство. А он всё пытался дотянуться до отброшенного пистолета, а когда наконец понял, что не получится (и что никто и ничто ему больше не поможет), просто закрыл глаза. Мы с хлыстом совершали дикий танец по кругу и не давали канцлеру даже руку высунуть за этот очерченный круг.

Наверно, если бы не последний «закоролевский» удар, Рудольфо мог бы и выжить – рука у меня уже устала, да и сам я как-то выдохся, а гнев мой иссяк, сполна вложенный в безумную пляску хлыста. Однако Руди не суждено было пережить этот последний удар – едва я отвел руку с хлыстом, как крупная дрожь сотрясла его тело, потом он еще раз выгнулся, вытянулся и затих.

Кажется, я перебил ему что-то важное внутри – так же как он почти двадцать лет назад, когда отдал приказ казнить мою семью.

Но тогда я был еще ребенком, я сумел выжить и приспособиться, а канцлер уже был стар – минувшей осенью ему сравнялось пятьдесят. Я отбросил хлыст, решив, что все кончено,

однако он еще дышал. Весь его «летучий отряд», казалось, замер и не шевелился, безотрывно и молча глядя на закат своего повелителя.

– Так я и знал, – прошептал Рудольфо одними губами, не открывая глаз. Я вдруг заметил, на его носе (еще более выдающимся, чем у меня) лопнули маленькие капилляры, так что тот приобрел бордовый оттенок. – Что надо было приказать... задушить тебя в детстве... со всей семейкой... нельзя оставлять детенышей, верное правило... но я-то, старый дурак, пожалел...

Этот вопрос с шести лет не давало мне покоя. Почему я? Почему оставили в живых именно меня? И как обычно он вызвал за собой выветрившийся со временем, но все еще осязаемый шлейф вины.

– Не пожалел, – возразил я несколько дрогнувшим голосом, – а просто решил использовать. Как оружие.

Я сказал это больше для себя, потому что канцлер уже вряд ли слышал – грудь его в последний раз дернулась, из горла донеслось тихое клокотание, и дыхание оборвалось. Он был умным и начитанным и мог бы знать, *должен был* знать, что иногда оружие, особенно живое, имеет свойство оборачиваться против владельца.

Его губы приоткрылись, и теперь он уже не казался зловещим всемогущим канцлером-временщиком, внушающим ужас и почтение поданным. Сейчас Рудольфо был просто тощим и уставшим стариком, беззащитным и печальным. Наверно, не очень-то честно было драться с человеком вдвое старше меня, пусть он и отнял у меня так много. Я отвел взгляд, а потом нашел богато расшитый парчовый камзол Руди, сброшенный им перед боем, и прикрыл его лицо.

Все-таки я больше десяти лет считал его наставником и даже кем-то вроде отчима.

Собственно, это он научил меня держаться зубами и когтями за свое.

Только он выбрал власть, а я – жизнь...

Глава 34

– Ого, оказывается, под этими тряпками скрывается фигура Аполлона! – Агата, неожиданно заглянувшая в мою пещерку, когда Фикс, Эрика и остальные ушли на спонтанно устроенный праздник в честь моей победы, вдруг подмигнула. В этот момент на мне были лишь нижняя туника и галоты, и я почувствовал себя раздетым.

Однако чего мне стесняться – это ведь она без спросу заявила в мое жилище, пока я в одном котте и портках чинил штаны, пострадавшие в схватке. Самому ее визиту я даже не

слишком удивился – она же была колдунья, отчего бы ей не появиться и в пещерах? Я ведь не знал, насколько далеко распространяются ее чары.

Агата же тем временем глянула вниз (я машинально поджал босые ступни) и добавила:

– И стопа греческого типа, кстати.

– Это значит – с перепонками? – хмуро спросил я.

– Это значит, несмотря на них, – и она уже откровенно усмехнулась. – И, кстати, смотри не свети особо своими мускулами перед Эрикой, – Агата покачала головой как бы в притворной озабоченности, – а не то ведь уведешь девушку у Фикса.

- Не уведу, – кратко ответил я.

- Если бы все зависело от тебя, – Агата закатила глаза, – но ведь женщины бывают такие женщины... А мужчины, от которых веет грубой животной силой, – такие мужчины...

Мне не понравилось словосочетание «животной силой». Что это опять за намеки? Да я прочитал больше книг, чем многие даже самые утонченные и воспитанные представители знати, и имел представление даже о самых последних открытиях.

Очевидно, Агата просто любит издеваться и подначивать, однако я решил не реагировать на провокации и снова занялся своим шитьем.

Однако от нее так просто было не отделаться.

– Что подшиваешь? – любопытствовала она, склонив голову набок.

– Что порвалось, – кратко ответил я, выражая всем видом желание продолжать беседу.

– А почему не веселишься вместе со всеми? На вечеринке в честь твоей же победы?

– Я не очень-то умею веселиться. – И к тому же я не видел особого повода. «Летучий отряд» Рудольфо уже отбыл на родину, в Славию, унося с собой печальный груз – его тело. Конечно, я мог бы вызвать еще и Мартина на дуэль и почти наверняка бы победил, настолько перетрухнувшим и неуверенным он теперь выглядел. Но не стал – просто еще не пришел в себя после смерти Рудольфо. Я даже к Кирине не смог заставить себя подойти – и в итоге решил не выяснять, действительно ли она причастна к пожару в монастыре. По крайней мере так у меня оставалась возможность думать, что, может, и нет.

И, если откровенно, я все еще переживал последние мгновения нашего краткого последнего разговора с Рудольфо. Я так и не узнаю, откуда у него взялось это прозвище – Ходр. Потому что никогда не спрошу об этом ни у Кристобала, ни у других пещерников. Просто не наберусь духа.

– Ну так держись рядом с Фиксом, – бодро посоветовала Агата, – он тебя живо научит.

– Не уверен, что я хочу научиться.

- А в настоящем мире Фикса ему тем временем все хуже. Боюсь, если в ближайшее время он не вернется, ему отключат аппарат искусственной вентиляции легких...

Я сразу понял, о чем она толкует, хотя и не все слова разобрал. Снова о том же!

- Только не нужно больше показывать ваши картинки, – сквозь зубы попросил я. – Я все равно в них не поверю.

- Почему же? – Теперь Агата склонила голову набок с видом чуть ли не обиженным.

- Потому что вы – ведьма. Я даже не представляю, сколько вам лет.

- Вот как! Во-первых, дамам подобные вопросы и не задают. А во-вторых – эх, Рой, какой же ты еще тоже мальчишка... Если человек знает чуть больше, чем остальные – это что, повод записать его в колдуны или ведьмы? Но вот ты, например, мысленно упрекаешь этих милых местных жителей в суевериях. И полагаешь себя умнее лишь на том основании, что читал больше книг и соответственно более осведомлен об устройстве мироздания...

- Я никого не упрекаю.

- Я ведь говорю – «мысленно». Уж себя-то глупо обманывать! Вот если бы ты вздумал просветить их, что не Солнце вращается вокруг Земли, а наоборот, – они бы тоже записали тебя в первостатейные колдуны...

- Я бы не вздумал.

- Скажи, а ты по-прежнему предпочитаешь не замечать маленькие и большие странности своего мира?

- Не понимаю, о каких странностях речь.

- Ну, например, как ты считаешь, почему солнце в Славии всегда восходит в шесть утра – и летом, и зимой, а садится строго в шесть вечера, несмотря на смену времен года? Потому что, – сама же ответила на свой вопрос колдунья, – незадолго до ранения Фикс побывал в Египте и был впечатлен тем, что и рассвет, и закат там круглый год происходят именно в эти часы! И хочу еще напомнить, что во всех трактирах и даже в монастыре вы селились на втором этаже. Это потому что в его реальности больничная палата находится именно на втором...

- Нет никакой реальности, кроме этой! – перебил я ее. Я не мог больше слушать.

Агата ничего не добавила, только взмахнула рукой, и передо мной снова возникла живая волшебная картинка. Конечно же ведьма даже не подумала прислушаться к моей просьбе! Однако я не успел среагировать и отвернуться, или хотя бы закрыть глаза, и поэтому увидел то, что она так упорно желала мне показать. Снова Фикс, неподвижно лежащий на постели, и снова в странной белой комнате с непонятными механизмами. Только теперь он

выглядел еще более худым, губы были раскрыты еще шире, и уже не только в нос, но и в рот ему вели какие-то тонкие трубочки.

А еще над ним склонилась молодая красивая женщина с темной челкой (остальные волосы были убраны под плоскую светлую шапочку). Одета она казалась странно – в короткую синюю тунику и не менее короткую юбку из какого-то блестящего материала, а сверх этого небрежно наброшен длинный и белый легкий халат.

Эту женщину я точно раньше не видел, а то непременно бы запомнил, настолько она была красивой. И выглядела такой печальной сейчас, что мне захотелось шагнуть туда и что-то сделать, дабы ее утешить – хотя бы просто коснуться ее плеча и пообещать, что все будет хорошо...

Вот насколько сильную иллюзию создала коварная колдунья!

Наконец я не без труда отвернулся и даже для верности закрыл глаза рукой.

- Это была его сестра Диана, – любезно пояснила Агата.

– Мне нужно идти, – проговорил я после молчания, никак не прокомментировав ее сообщение, – меня там ждут.

- Ты вроде бы не хотел? – живо напомнила Агата. Я открыл глаза – картинка, к счастью, уже пропала. Очевидно, надолго ее колдовских иллюзий не хватало.

- Да, но они ведь обидятся, – кратко пояснил я.

- Как же ты пойдешь без штанов?

- Я уже закончил. – И, не глядя на нее и даже больше не смущаясь своей неадекватностью, я оборвал нитку, завязал ее узелком и начал торопливо одеваться.

– Иди, конечно, – грустно сказала Агата, – я сразу поняла, что ты откажешься помочь. И не рискнешь использовать трофейный Эслибр, который еще можно наточить, для настоящего нужного дела. Для него ведь необходимо не просто мужество. По крайней мере не то, которого хватает для схватки и выживания. И значит, события станут развиваться по более травматичному пути...

Сделав три шага, я обернулся, задетый ее словами – она сейчас упрекнула меня в малодушии? Однако возражать было уже некому – пещерка оказалась пуста. Агату точно ветром сдуло... Куда, интересно? В какие-то другие, лишь ей известные измерения?

Я зажмурился и с силой провел по глазам, надеясь выкинуть из головы только что виденную картину.

Нет, конечно, старая карга все наврала: в Главной пещере, красиво украшенной еще после недавнего праздника – дня рождения Кристи, под длинным желтым шатром вместе с

остальными празднующими оказался и сам Фикс. Без всяких трубок и на ногах, живой и здоровый, он увлеченно рассказывал что-то Эрике, а через минуту пустился с нею в пляс. Умеют все-таки колдуньи навести небывало четкий морок! Хорошо, что я не взялся помогать в ее темных делишках, которые наверняка не принесут ничего хорошего, и не поверил в иллюзии.

Ну, разве что на секунду-другую...

На вечеринке я очень быстро почувствовал усталость и, чтобы не напрягать всех своим утомленным видом, отошел в сторону, взяв стакан с пуншем с общего стола. И отошел в самый дальний угол площадки, образованный небольшим тупичком.

Я прилег на старом большом колесе, которое кто-то прикрепил с помощью каната к двум растущим рядом каменным деревьям, так что получилось нечто вроде качелей. И сам не заметил, как начал раскачивать их ногами, сначала потихоньку, потом все быстрее.

Прошло с полчаса, не больше, прежде чем в этом закутке появился Фикс. Он тоже держал стакан с пуншем и держался на ногах уже не очень уверенно.

- Эй, Рой, ты себя нормально чувствуешь? - с тревогой спросил он. - Может, голова болит?

- Нет, - ответил я. - Нормально. - Мне не хотелось сейчас рассказывать о новом появлении Агаты, ее безумных речах и иллюзиях. - Просто думаю.

- А-а, - Фикс немного покачался на носках и присел рядом с самодельными качелями на каменистый пол, предварительно постелив свою накидку. - А о чем?

- Ну, я подумал, что я последний в своем роду. И когда умру, некому будет спеть мне прощальную песню. Собственно, ее никто уже и не знает.

- Ну а ты расскажи кому-нибудь, как петь, и кто-то еще будет знать.

- Никто никого не учил специально, - пояснил я. - Дети слушали, как поют взрослые, и учились. Ну а я прослушал песню недостаточное количество раз и запомнил лишь основной мотив.

- А зачем ее поют... пели? - после сочувственной фразы спросил Фикс.

- Бабушка говорила, для того, чтобы подсказать душе путь на небо. Хотя я точно не знаю, - со вздохом признал я. Сейчас я уже ни в чем не был уверен.

Я не стал упоминать о том, что во время своего краткого путешествия в прозрачном пузыре слышал, как мне казалось, отзвуки этой песни, причем исполнял ее явно не один голос. Все как положено. Вернувшись, я даже подумал: может, ее пели мои родные - звали меня в стаю, чтобы полететь дальше вместе?

Однако сейчас больше склонялся к тому, что всё это – и песня, и сам пузырь, и даже небо – стало лишь плодом поврежденного воображения...

Глава 35

Когда через месяц мы наконец вернулись в Руфин, перемены почти сразу же бросились в глаза.

На площадях исчезли следы эшафотов, обычно оставляемых Руди для устрашения, зато кое-где появились подобию детских горок и даже открылось несколько кондитерских, наподобие тех, которые, по слухам, строили раньше в ханстве Карейт (до случившейся там затяжной гражданской войны).

А главное, теперь мы могли уже не опасаться сиятельной мести сильных мира сего. Король Кимфилд, кажется, был даже благодарен нам с Фиксом – по крайней мере почти сразу после нашего прибытия назначил нам аудиенцию. По отдельности, так что я понятия не имею, о чем он говорил с Фиксом, но зато на всю жизнь запомню мою с ним беседу.

Король Кимфилд дал мне аудиенцию в самом торжественном и парадном покое замка – Большой тронной зале, и когда оттуда вышел взволнованный и радостный Фикс (как я потом узнал, король, пожимая ему руку, украдкой впихнул в карман его новенького бархатного камзола, купленного по случаю, целый кошель с золотом), в залу вошел я.

- У меня для тебя отличная новость, - первым делом сообщил мне король Ким. – После... после известного тебе несчастья с канцлером и в честь моего официального вступления во власть мы решили освободить некоторых заключенных, суд над которыми состоялся слишком быстро или доказательства были неясными. И вот представь, в одном из каменных мешков мы нашли живого ильха! Раненого, правда, но живого. Может, это даже кто-то из твоих родственников?

Признаться, услышав эту новость, я чуть не упал где стоял.

- Тебе плохо? – тревожно спросил Кимфилд, быстро приблизившись и заглянув мне в лицо.

– Эй, воды, кто-нибудь!

- Не надо, – хрипло попросил я. – А это точно... ильх?

- Ну да, – кивнул Кимфилд, снова отходя на приличествующую дистанцию. – Хотя крылья у него, признаться, немного покалечены, но мы привлечем наших лучших лекарей и, надеюсь, сумеем помочь. Все-таки ты очень бледен, Лерой. Может, присядешь? Я могу даже, – он слегка усмехнулся, – выписать тебе на всю жизнь разрешение сидеть в присутствии королей...

- Не стоит, ваше величество, – ответил я уже тверже, будто обретя почву под ногами, – право же, освобождения и лечения ильха будет вполне достаточно.

Собственно, так я и узнал, что моему двоюродному брату Риду, которого я считал погибшим, дядя Руди все же позволил выжить – велел отрубить, правда, верхние краешки крыльев.

Я был в таком ступоре, что толком не помню, как после аудиенции вернулся в предоставленные мне в замке покои. Зато уже вернувшись, нащупал и в своем кармане довольно увесистый кошель. Не иначе король подсунул, когда мне на пару мгновений сделалось дурно или же когда мы попрощались! Я даже не стал заглядывать в кошель, чтобы посмотреть, золото там или серебро.

Как будто того, что Кимфилд вернул мне живого родственника, было еще недостаточно! Я решил затребовать новую аудиенцию в самое ближайшее время, чтобы вернуть деньги – казне или городу больше пригодится, чем мне – в конце концов, я не сделал ничего особенно выдающегося. Просто лишил жизни человека, которого целых десять лет считал своим наставником.

Однако вернуть кошель я не успел: приставленный к моим покоям вертлявый слуга по имени Юджил сообщил мне на следующее утро, что король отправился в большое турне по Славии. Теперь-то он посещал свои земли несколько в другом качестве – в роли полновесного властителя...

Да, при канцере я обитал в куда более скромной комнатухе – и не в парадном или гостевом, а в самом что ни на есть рабочем крыле замка.

Я решил воспользоваться случаем и, пока Юджил прибирал в комнате, описал ему внешность Мариты и поинтересовался, не видел ли он похожую девушку в окрестностях Руфина, в самом городе или даже в замке. Однако Юджил только развел руками: маловато, мол, внешних примет и отличий. Вот если бы у нее, скажем, было родимое пятно на пол-лица или шрам на щеке, тогда другое дело, а так... Я решил не распространяться по поводу ее левой лопатки (едва ли в толпе прохожих такое засечешь) и, махнув рукой, отпустил его. Как я быстро, однако же, выучился руководить слугами – будто всю жизнь только этим и занимался... В другом настроении я бы этому подивился, а сегодня меня почти целиком поглощала одна мысль: когда я смогу увидеться с братом? Король не ответил прямо на этот мой вопрос (сказал лишь – «в самом скором времени»), а я просто из кожи готов был вылезти от нетерпения. В конце аудиенции Кимфилд четко дал понять, что торопиться не

стоит, Дику нужно время, чтобы прийти в себя, из чего я заключил, что он находился в крайней степени измождения.

Но ничего, главное ведь, что живой – и эта мысль немного скрашивала ощущение неопределенности и утомительного бездействия...

Зато у Фикса с Эрикой, кажется, дело на всех парусах двигалось к свадьбе. Да и вообще на первый взгляд жизнь у нас троих вовсю налаживалось, однако я всё никак не мог отделаться от ощущения зияющей пустоты, даже дырки в душе.

Может, убивая последним мощным ударом канцлера, я что-то уничтожил и в себе? И вместе со смертью дяди Руди в моей душе тоже отмерла какая-то важная частица. А сейчас наступила как раз середина весны – время, когда я должен был послать весточку Лавантэ... И когда я в который уже раз задумался о том, сколько же частей во мне умерло, Фикс снова отвлек меня на какую-то безделку.

Мы как раз проходили мимо главной городской площади Линики.

– Смотри-ка, детишки играют, – Фикс толкнул меня в бок рукой. – А каких-то полгода назад тут постоянно торчали плахи, помнишь?

Еще бы я не помнил.

– Жизнь, выходит, всегда берет свое, – заключил Фикс с необычайно умным видом, как будто сам только что до этого додумался.

Но ведь на самом деле, подумал я, все эти игры на месте прошлых казней почти ничего не значили. Ну, кроме того, что детишки подросли и теперь уже новое поколение готово к своим новым подлостям, глупостям и играм. Причем проиграет всегда тот, кто глупее.

Бедная Лавантэ, и как у нее не опускались руки, глядя на бестолковых нас?

– А я кто, – поинтересовался Фикс, выслушав это мое мнение о подрастающем поколении, – по твоей теории, подлец или глупец?

Он еще спрашивал. По-моему, ответ лежал на поверхности.

– Ты не подлый, – дипломатично ответил я.

– Ага, – протянул Фикс задумчиво.

– А я не глуп, – самокритично признал я, не сдержав вздоха. В последнее время мне нет-нет да и приходила в голову мысль: может, в дальней перспективе побеждают все-таки глупцы.

– Но ты также и не подлец, – живо подхватил Фикс. Он просто всего не знал. – Выходит, ты сам опровергаешь собственную теорию?

Сейчас было не время и не место распространяться про свои прежние художества, о которых непросто рассказывать даже ближайшим друзьям, и поэтому я решил отделаться малозначащей фразой:

– В каждом обобщении встречаются исключения.

– Везде ты вывернешься, – признал Фикс с оттенком уважения. – Все никак не привыкну, а ведь знаю тебя уже не первый месяц, на минуточку.

– На какую еще минуточку? – не понял я.

– А? Да не, ни на какую. Это просто выражение такое. Я иногда забываюсь и начинаю шпарить по-прежнему, а потом становится жутко неудобно.

Да, с Фиксом никогда нельзя быть до конца уверенным: то ли он так шутит, то ли просто несет околесицу. Поддавшись какому-то безотчетному порыву, я спросил:

– А тебе никогда не хотелось... ну, например, оказаться как можно дальше отсюда?

Фикс хмыкнул:

– Так я так уже... вроде бы... очень далеко от дома.

Сегодня настроение у меня было так себе (лекари до сих пор не разрешали встречу с братом, вторым выжившим ильхом из нашего гнезда), поэтому меня охватил некоторый скептицизм, который касался в том числе и предстоящей свадьбы Фикса.

– И тебе никогда не приходила в голову мысль, что, может, стоит еще подождать с женитьбой, присмотреться...

– Уже нет, – уверенно ответил он. – А чего ждать-то? Мы и так долго ждали.

– Рад, что ты ни в чем не сомневаешься, – заметил я не без чувства некоторой безотчетной зависти.

– Ты тоже скоро встретишь хорошую девушку, – немедленно заверил меня Фикс. У него, как обычно, всё было очень просто. – Даже не сомневайся. Ты ведь теперь крутой герой! Как будто я стал героем только потому, что так решили окружающие.

А если бы они узнали всю правду?

Например, о том, что я был заведомо сильнее Рудольфо, даже с учетом его краденого пистолета – и потому, может, оказался вовсе не мстителем, а сознательным убийцей?

И я прекрасно знал, как легко можно изменить мнение народа...

– Эй, ты чего остановился? – удивился Фикс.

Я и правда замер вдруг как вкопанный, потому что одна девочка в толпе играющих показалась мне смутно знакомой. Даже не девочка, а уже почти девушка.

Это год назад она была сопливой егозой, а теперь заметно выросла и стала как-то круглее, но при этом и изящнее.

И она, как оказалось, вовсе не играла, а присматривала за толпой шалящих детей – то ли по собственной охоте, то ли по чьему-то приказанию.

И это была не кто иная, как сестра того непутевого стражника в гарнизоне!

Позвать бы ее сейчас – но я ведь даже не удосужился тогда узнать ее имя! Сначала было не до того, я же не представлял, что она собирается вернуть мне живого Фикса, а потом она с сонным братцем первой сбежала через тайный проход...

Однако довольно-таки неудобно, согласитесь, быть должником даже не зная у кого!

– Ну ты чего встал-то? – Фикс снова довольно ошутимо пихнул меня в бок. – Мы так опоздаем, а Эйя сам знаешь как не любит необязательности! Еще чего доброго передумает за меня выходить, если я и на нашу помолвку опоздаю, ведь ее тетя с дядей добирались из самого Лиго, а я даже городскую площадь не могу вовремя пересечь...

– Помнишь эту девочку? – перебил я его многословные речи.

– Девочку?

– Она тебя тогда вытащила из подземелья. – Не решаясь показать пальцем, я просто кивнул в ее сторону.

– Правда, что ли? – Он проследил за моим взглядом. – Такая кроха?

– Тогда она была еще меньше. Вот уж не думал, что снова ее встречу... – Мои губы машинально произносили слова, а уханье сердца отдавалось где-то в ушах. На несколько мгновений я перенесся мыслями в ту ночь – ночь, когда я по-настоящему намеревался попрощаться с жизнью. Причем уже во второй раз.

– Ну что, тогда подойдем к ней? – предложил Фикс. Всё у него всегда было просто.

– Лучше на обратной дороге, – решил я и ускорил шаг.

Как раз на помолвочном ужине у меня будет время как следует обдумать, что ей сказать.

Все равно я не собирался слушать речь Фикса, в которой он станет просить у родных Эрики ее руки – я прослушал ее бесчисленное число раз за минувшую неделю и даже сам вносил в текст кое-какие поправки.

Боюсь, на самом ужине в уже любимейшей нам здесь таверне «Красный парус» я проявил себя не с лучшей стороны ни как друг Фикса, ни как просто умный человек. Мало того что я почти не слушал чужие речи и не участвовал в общем разговоре (даже не запомнил толком, о чем шла беседа), но и когда ко мне обращались напрямую, отвечал что-то краткое и не всегда по делу.

В конце концов у меня даже появилось опасение, как бы родные Эрики – спокойные и сдержанные супруги лет сорока, похожие друг на друга и ничуть не похожие на порывистую племянницу, – не приняли меня за полоумного. Впрочем, они и так уже немного меня знали, а их другой племянник даже как-то вытащил меня из пещерной речки. Поэтому, думаю, эти люди и не ожидали от меня многого в плане здравомыслия.

А вся причина моего глупого поведения заключалась в том, что я никак не мог перестать думать о той девочке, ее братце и гарнизоне, из которого она нас вызволила – да, именно нас.

На Фикса же, что удивительно, эта встреча не произвела почти никакого впечатления. Впрочем, у него сейчас имелись и другие заботы. Однако когда его предложение было благосклонно и предсказуемо принято Эрикой и одобрено ее тетей и дядей (они как бы замещали ее родителей, которые, как я слышал, находились сейчас совсем уж далеко – за Славским морем) – он заметно расслабился и уже не стеснялся налег на еду. Фикса вообще мало что могло оторвать от хорошей закуски, хотя по его худосочному виду этого было и не сказать.

Я же только усилием воли заставил себя проглотить несколько кусков крольчатины с приправами, выпил лишь стакан белого вина и вообще весь вечер просидел как на иголках. Когда же сидеть стало совсем невмоготу, я поднялся, наплел что-то о плохом самочувствии и головной боли (это заявление было встречено понимающими взглядами) и, наконец-то откланявшись, первым покинул таверну.

И чуть ли не бегом бросился обратно на площадь Линики.

Только напрасно я так торопился – там по-прежнему играли чумазые детишки (кажется, уже другие, но не суть), однако нашей юной спасительницы я, как ни пытался, обнаружить не сумел. Хотя и старался на совесть – обежал всю площадь, и не раз. В конце концов какая-то хулиганская ватага даже принялась бегать за мной со свистом и улюлюканьем, видимо, решив, что это такая забавная игра. Они так разошлись, что я сумел от них оторваться, лишь юркнув в один из узеньких боковых проулков.

Глава 36

Следующую неделю у меня не было настроения участвовать во всех этих свадебных хлопотах и приготовлениях. Даже Фикс в перерывах между ними это заметил:

– Что это ты нос повесил?

Да, мой нос – еще одна причина, по которой я никогда не буду участвовать в *собственных* свадебных хлопотах.

– Все думаешь о той девушке? – не отставал Фикс.

Я думал о том, как покраснелись ее щеки, когда она играла с детьми. Она ведь сейчас почти уже взрослая – лет пятнадцать, наверно. Но зачем-то поправил:

– Она еще девчонка.

– Да? – Фикс глянул на меня с обычно несвойственной ему проницательностью. – Хочешь, я Эйю попрошу поспрашивать в городе? Она это умеет, через подруг там или...

– Не надо ничего не расспрашивать, – почти испугался я. Это начинало выглядеть как-то странно: как будто мне *действительно* есть до нее дело. – Чтобы подруги развеселились – вот горбун-то учудил...

– Что за бред, никто не называет тебя горбуном.

– Но как-то же меня называют.

– Ну да, – качнул головой Фикс, – в основном тебя называют «парень, который убил канцлера голыми руками, и ему ничего за это не было от короля». И справедливо полагают, что тебя лучше всего не сердить.

– Длинновато как-то, – не поверил я. – Да и не руками вообще-то, а хлыстом.

– Ну, у них есть и другое прозвище, покороче, – признал Фикс. – Просто: друг короля Кимфилда.

– Какие наивные люди, – поморщился я. – Как будто не знают, что у короля нет и не может быть друзей.

– Может или не может, а только все равно тебе Ким обязан: если бы не твой номер с хлыстом, ему бы еще лет двадцать не избавиться от назойливой опеки дядюшки!

И, пожалуй, в этом с Фиксом сложно было поспорить.

Через два дня у меня произошла еще одна неожиданная встреча - с той, по которой я так тосковал совсем недавно, всего лишь несколько дней назад.

Что характерно, Марита сама явилась в замок и попросила Юджила провести ее ко мне. Убедила его, что мы давние друзья и я буду очень рад ее увидеть, ну и подкрепила свое красноречие серебряным рофом. А я так даже ушам вначале не поверил, услышав за дверями своих покоев ее низковатый и уверенный голос!

- Я действительно работала на канцлера, – сразу же призналась Марита, едва мы обменялись неловкими приветствиями. Мне вдруг показалось сейчас, что с момента нашей последней встречи прошла целая жизнь, а сам я разительно переменялся. Да и она

изменилась: волосы ее стали короче и теперь по-другому уложены, и даже цвет приобрели иной – темно-шоколадный. А ее наряд сиренево-белого цвета, белоснежный веер и золотое украшение на шее в виде змейки стоили, наверно, целое состояние. – Ты ведь это хотел бы у меня спросить, верно? Я даже больше скажу – одно время я была его любовницей... Ну что ты как побледнел? У меня вообще довольно яркая биография, мне ведь уже двадцать девять.

- Ты выглядишь моложе, – выдавил я из себя.

- Знаю, – усмехнулась Марита, – на том и стоим. Пока.

Я спохватился, указав на обитые роскошным бежевым шелком кресла:

- Присаживайся, пожалуйста. Хочешь десерта или вина? Здесь даже горячий шоколад готовят, и если у тебя есть время...

- Не стоит, – перебила меня Марита, усаживаясь в одно из кресел (я чуть помедлил и тоже последовал ее примеру), – я ненадолго. Просто пришла объяснить. Я ведь не слишком вежливо тогда поступила, сбежав без объяснений. И вот хочу теперь по мере сил это исправить. Тем более что я тебе кое-что задолжала.

- Ты мне ничем не обязана.

- Я знаю, о чем говорю. Если бы не ты, я бы еще долго ходила, вжав голову в плечи и озираясь по сторонам. Так что ты меня в какой-то степени освободил... жаль только, что никого нельзя освободить от ошибок прошлого. – Отложив веер в сторону, на маленький малахитовый столик между креслами, Марита достала из сумочки кружевной батистовый платочек, но не поднесла к глазам, а сжала в правой ладони. – Знаешь, мне кажется... то есть я была уверена... Что еще долгое время я его по-своему любила... Даже после того, как он завел себе новую фаворитку.

- А как ее звали, не помнишь? – перебил ее я. Мне стало очень важно узнать.

- Не помню, – Марита задумалась. – Странно, наверно, что я толком не запомнила имя своей соперницы, но я была тогда как в тумане... Как-то на К, кажется. Кирама или...

- Кирина? – снова влез я, не в силах терпеть эту муку.

- Да, точно! – Марита глянула на меня с удивлением. – А что, это так важно?

- Уже нет. Извини, что перебил.

- Ну так вот, – снова заговорила она. – У меня под левой лопаткой есть знак – знаю, ты видел, не отпирайся, – я согласилась сделать его по просьбе Рудольфо. Точнее, мне начертал этот знак его доверенный мастер. Канцлер говорил, что это символ верности и нашей особенной близости и что он есть только у меня. И что, пока знак на мне, я могу

попросить всё, что захочется... Ну, то есть почти всё. А потом, внеурочно зайдя в его покои за чем-то ненужным – кажется, хотела порадовать его новым разученным танцем, – я убедилась, что этот символ есть не только у меня. Она сидела на кровати спиной к двери, и спина была обнажена... – Марита сделала паузу и крепко сжала в руке платочек, перестав его мять. – Однако и после этого я продолжала работать на Рудольфо – видимо, по привычке, потому что не знала, чем еще заняться и куда податься. Служила до самого пожара. Пожар стал для меня потрясением, клянусь, я не знала, что готовится такое... Ну а когда он приказал мне в письме, то есть в шифрограмме, отравить Фикса... – Марита снова принялась комкать батистовый платок, но глаз не опустила. – Из-за какой-то государственной необходимости... тогда я решила бежать.

- От нас? – спросил я сипло.

- Да не от вас, а от Рудольфо! И хорошенько поразмыслив, решила, что единственное место, где он не будет меня искать – это у себя под носом. То есть в столице, в самом Руфине. Я подстриглась и перекрасилась и накупила новых платьев и нарядов. У меня ведь имелся кое-какой денежный запас на черный день, не говоря уж о Фиксовых конфетах, которых при толковом расходовании мне хватит, наверно, лет на десять... Ну и вот я обосновалась здесь под новым именем, купила домик на тихой окраине города рядом с сиреневым садом. Даже ты меня и то не сразу узнал, когда мы почти нос к носу столкнулись вчера на базаре...

- Я узнал, – сказал я невнятно, – просто не решился подойти. Подумал – может, в твоей новой жизни теперь уже нет места старым друзьям...

- Скорее это можно было бы сказать о тебе, – возразила Марита, и я с удивлением услышал в ее голосе горечь. Однако не нашел что возразить.

И даже не стал уговаривать ее посидеть еще немного, когда она, улыбнувшись с нарочитой веселостью, поднялась и начала прощаться. Хотя и сам не знал, когда мы теперь свидимся в следующий раз. Предложил только:

- Хочешь, провожу тебя в комнату Фикса?

Но Марита покачала головой:

- Не стоит. Я пока еще не готова взглянуть ему в глаза. Я ведь была тогда на площади Линики, когда его вывели для оглашения приговора... И подумала – надо бы сходить к канцлеру, показать свой символ верности, который я так и не смогла стереть, и попросить пощадить Фикса, однако не решилась. Струсила, одним словом, не захотела терять свое

инкогнито... Нет, не нужно меня провожать, я отлично помню дорогу и смогу найти выход и в темноте. Ну что же, желаю тебе удачи во всем, Гросс – и в делах, и в личной жизни! Я замер, услышав свое настоящее имя. Я-то думал, после гибели моей семьи его знали лишь два человека в целом свете – Рудольфо и Фикс. И снова, даже в этом ошибся... Плохой, однако же, из меня получился шпион, раз я не сумел толком закрыться от другого шпиона.

- Марита, подожди! – Мне вдруг показалось в корне неправильным вот так расстаться – не сказав друг другу ничего на прощание. В смысле, ничего значимого.

- Не нужно, – она махнула рукой и наконец убрала платочек в свою кремовую, расшитую мелким бисером поясную сумку. – Снова я оказалась второй, но на этот раз – нельзя не признать – я сама виновата.

- Марита...

- Не стоит ничего объяснять, Рой. Я все-таки предпочитаю называть тебя так. Знаешь, для шпиона ты не слишком умело скрываешь свои эмоции... По крайней мере мне никогда не составляло труда прочесть их. Прощай!

И она покинула комнату так стремительно, что я не нашелся с ответом и даже не успел в свою очередь сам попрощаться. Я тут же вышел следом, но Марита уже свернула за первый поворот коридора. И, поразмыслив, я решил не гнаться за ней, дабы не скомпрометировать невольно ее репутацию...

К тому же в глубине душе я понимал, что мне нечего сказать: мои бывшие чувства к ней успели остыть. И хотя, без сомнения, эта неожиданная встреча с Маритой произвела на меня сильнейшее впечатление – но все-таки, и это тоже нельзя не признать, немного меньшее, чем давешнее столкновение с сестрой стражника...

А ее саму я увидел ровно через неделю после нашего столкновения, так же на улице и так же случайно. У одной новой кондитерской – ее открыли буквально на днях (сразу заметно, когда король сладкоежка). Причем Фикс успел уже стать в ней завсегдатаем за компанию с Эрикой, несмотря на сумасшедшие цены – он-то от своего жалованья и награды и не подумал отказываться, справедливо рассудив, что заслужил возмещение морального и физического вреда от бывшей власти. А вчера им даже удалось затащить туда и меня. Теперь я уже повел себя намного смелее – по крайней мере смелее настолько, чтобы взять и подойти к ней. Правда, некоторое время тупо простоял, переминаясь с ноги на ногу, за ее спиной, пока она что-то разглядывала за витриной кондитерской лавки. А когда вдруг резко развернулась, словно почувствовав что-то, я снова оказался к этому не готов.

Не готов вот так встретиться с ней лицом к лицу.

К счастью, она заговорила первой – даже воскликнула:

– Ой, это вы! Вы, значит, в городе? А мне показалось, что я как-то видела вас на площади, но потом я сказала себе: нет, Камили, этого просто не может быть, твои глаза тебе наврали. А вот говор у нее, кажется, ничуть не изменился.

– Вас, значит, зовут Камили? – задал я наконец вопрос, откашлявшись, – и вопрос совершенно глупый, ведь она только что об этом сообщила.

А красивое имя – Камили.

– Ну да, – она несколько раз кивнула. Видимо, решив, что до такого идиота, как я, ничего не доходит с первого раза. А ваше? Я как-то не спросила тогда, а потом все думала – небось как-то по-романтичному зовут.

– Рой, – кратко ответил я. И, подумав, добавил прозвище Лавантэ, лишь немного изменив его: – Если полностью, то Гросс Обиньен.

Ее пухловатые губы чуть приоткрылись, и она часто замигала.

– Так это вы, выходит? Это о вас тут болтают, что вы дрались на дуэли с самим канцлером и победили?

В горле снова пересохло, поэтому я только скованно кивнул.

С нашей последней встречи, когда Камили спасла меня и Фикса, миновало меньше полугода, и все же она разительно переменилась. Из угловатой дерганой девчонки с двумя темными торчащими косичками превратилась в грациозную девушку с волнистыми волосами, завязанными в «колосок», и глубокими задумчивыми глазами. Правда, она осталась такой же невысокой – на добрых полторы головы ниже меня.

– Вроде того. Я хотел только сказать, что я ваш должник, Камили. – Как-то язык не поворачивался говорить ей теперь «ты».

– Должник? – Она всплеснула руками. – Вот так новости! Нечто вы у меня занимали?

– Нет, но вы спасли моего друга... И меня.

– А, это, – она махнула рукой. – Ну так выходов тогда немного оставалось. Без братца-то я вернуться домой никак не могла.

Она была весьма неглупой особой, я это сразу заметил.

– А как ваш брат? – спросил я, просто чтобы еще что-нибудь сказать.

– Знаете, теперь вот неплохо, – радостно сообщила Камили. – Уволился со службы, устроился подмастерьем золотых дел мастера здесь в городе, снял две комнатки в мансарде на восточной стороне, и мы с матушкой недавно к нему перебрались. Мастер

хвалит его за успехи и даже обещает через год сделать помощником в своей лавке. А я вот подрабатываю нянькой в одной богатой семье, а матушка печет пирожки и ватрушки на продажу. А вы как, стало быть? Значит, сумели-таки сбежать тогда?

Скорее улететь, поправил я мысленно. Но не стал уточнять, конечно.

Она поежилась. Холодно? Она легковато оделась для сегодняшней погоды – вышла на улицу в одном платье, без плаща и даже накидки. Платье было простенькое, но очень красивой расцветки: нежно-розовое со вкраплением васильково-голубого, и изумительно ей шло... А может, ей просто хочется поскорее уйти, наконец закончить наш разговор?

– Может, – я с усилием выталкивал из себя неподатливые слова: – Может, зайдём внутрь?

– Я кивнул на большое стекло-витрину, за которым были выставлены соблазнительные лакомства. – Погреться. И там вроде неплохо делают песочные кольца со сливками. Я, конечно, понимаю, что ваша матушка печет вкуснее...

- Это да, но и от колец я бы тоже не отказалась, – скороговоркой произнесла Камили и, покраснев, несмело улыбнулась одними губами. А в глазах мелькнула признательность – очевидно, она действительно озябла, стоя со мной на еще прохладном апрельском ветру. Повезло, что я еще не успел вернуть королю Кимфилду кошель с золотыми монетами, который нашел в своем кармане после аудиенции. Добавлю потраченное сегодня и верну попозже, решил я про себя. Я не знал, сколько стоят кольца со сливками – вчера угощал Фикс, – но решил взять для Камили еще и булочки с заморским черносливом. А может, и диковинную сегодняшнюю новинку – трубочку с кремом... В конце концов, она-то вернула мне намного больше.

В этот вечер, слушая звонкий залиvistый смех Камили и ее пусть немного неверно построенные, но такие тонкие и ироничные наблюдения и замечания, я почувствовал в полной мере казавшуюся раньше голословной фразу Лавантэ о том, что жизнь дается не только для страдания.

И может, и правильно где-то вычитал Кимфилд, что от сладостей люди добреют и размякают...

Глава 37

Фиксу с Эрикой, конечно, было очень любопытно, где я провожу время, вместо того чтобы помогать им со свадебными приготовлениями или играть вечерами в преферанс, шахматы или кегли в Малой гостевой зале вместе с другими гостями замка, и почему утром у меня мокрые от росы крылья, когда я пытаюсь быстро просушить их и убрать под камзол.

– Мы тут подумали: может, ты хочешь кого-нибудь позвать с собой на свадьбу? – На этот раз Фикс зашел издалека. Он зашел в мои покои поздно вечером как бы для того, чтобы напроситься на послезавтрашнюю (первую!) встречу с Диком, которого королевский лекарь счел уже достаточно окрепшим для посетителей и разговоров.

– А у вас что, соберется полгорода?

– Нет, Эрика не хочет много народу на свадьбе.

– Вот и Камили сказала, что... – Я резко замолчал, осознав свою оплошность. Ведь не собирался же рассказывать.

– Камили? – Фикс понимающе прищурился. Именно поэтому я и не собирался ничего рассказывать. Они с Эрикой не оставляли попыток сосватать меня с кем-либо с тех пор, как мы вернулись из Лиго, а уж теперь-то будет им раздолье. – Значит, это с ней ты ходишь на свидания?

– Никаких свиданий, – отрезал я как мог решительнее, чтобы закрыть эту тему. – Я просто пообещал ей сделать кожаную поясную сумочку-омоньер к лету. И мы несколько раз обсуждали детали, потому что заказ сложный. – Когда-то я увлекался выделкой кожи, дарил Лавантэ и монахиням сумки для молитвенников, шнурки для крестиков и пояски, и они говорили, что вроде бы неплохо получалось. Лавантэ даже специально привозила мне из Вильграда разные кожаные отрезки от знакомого кожевенных дел мастера, однако потом я охладел к этому делу. А вот теперь недавно вспомнил вновь.

– Просто так? – зачем-то уточнил Фикс.

– Ну да.

– Вот просто так взять и потратить свое время на шитье из кожи? И несколько раз встречаться, чтобы обсудить это? Для совершенно посторонней девушки?

– Я ей должен, – весомо сообщил я. – И ты, кстати, тоже. Если не забыл, это она тебя вытащила из гарнизона.

– Должен-то должен, это все понятно, – кивнул Фикс и вдруг взглянул на меня на редкость пронизательным взглядом. – А только признайся, она тебе нравится, да?

– Ты что? – я покрутил пальцем у виска. – Забродившей дыни переел? Она же еще девчонка.

– Прямо-таки девчонка?

– Ну уж всяко младше меня! – Странно, что я вообще позволил втянуть себя в этот разговор.

– А ты что, такой старик? – Фикс надо мной явно смеялся, судя по глазам. – Сколько тебе, двадцать пять?

– Почти двадцать шесть.

– А во сколько тут девушки выходят замуж, в пятнадцать-шестнадцать?

– У ильхов позже.

– Ты же сейчас не у ильхов. Смотри, обскачет кто-нибудь другой!

– А что я ей предложу, по-твоему? – Я повернулся к нему вполоборота и указал себе на спину. – Только это?

– Ну, это ведь тоже немало. Я про возможность полетать при луне, – Фикс улыбнулся, и мне захотелось дать ему в глаз. Однако я ограничился лишь кратким ответом:

– Это мое личное дело, Фикс, я сам разберусь.

Фикс сразу погрузнел, будто распознав мое первое безотчетное желание засветить ему в рожу за настырность.

– Ага, что-то ты пока не слишком разбирался. А между тем Лавантэ мне говорила, что тебя обязательно следует женить на хорошей женщине, а не то пропадешь. И кажется, это было последним, что она мне говорила.

– Ты даже не знаешь Камили и не видел ее!

– Как это не знаю? – удивился Фикс. – Ты же сам говорил, что она спасла меня от смерти и даже чего-то похуже. Так что она мне поближе многих знакомых, знаешь ли!

– Вообще-то она спасала своего брата.

– Ну хорошо, будь по-твоему, пусть мы незнакомы, – уступил Фикс. И тут же снова многозначительно улыбнулся: – Ну так это отличный повод, чтобы пригласить ее на ужин и познакомиться! Я еще Эйю позову.

Ага, получается ужин на четверых. Я поймал себя на том, что начал агакать, как Фикс, пусть даже мысленно, и поморщился.

После этого нашего совместного ужина, на котором Камили и Эйя до невозможности другу другу понравились (по крайней мере если судить по их восклицаниям), а Фикс не меньше пяти раз поблагодарил ее за помощь, так что Камили под конец стала красной, как морковь, я пошел провожать ее до ее комнат в мансарде в восточной части города. И по дороге тщетно ломал голову над тем, что сказать. Кажется, весь свой годовой запас историй, баек и заимствованных шуток я истратил уже за истекший ужин...

И поэтому сейчас не нашел ничего лучшего, чем просто пересказать ей одно ильхинское предание. Точнее, даже миф – о возникновении самого народа ильхов.

По этой древней легенде, родителями первых ильхов стали прекрасная девушка и огромный доисторический орел, который, прельстившись девичьей красотой, унес ее в свое гнездо в горах. Потом соплеменники девушки подстрелили орла, когда он вылетел на охоту, а ее саму вызволили из высоко расположенного гигантского гнезда из веток. Она была без сознания, а очнувшись, даже пролила по большой гордой птице пару слезинок. А самое главное, как вскоре выяснилось, понесла. И через положенный срок у нее родилось трое близнецов с маленькими серыми крылышками и чуть загнутыми вниз носами – два мальчика и девочка. Этого соплеменники не смогли ей простить и выгнали вон из села, однако детишки ее росли не по дням, а по часам, и вместе с матерью выдержали дорогу до гор, где и обосновались... Конечно, это была всего лишь красивая легенда, но даже и она утверждала, что в ильхах течет и человеческая кровь.

Камили внимательно и сочувственно выслушала меня и, помолчав, произнесла:

– А я видела тогда, как вы полетели. Подумала даже: вот счастливые, в любой момент могут вырваться. Ну, или почти в любой. Было еще темно, и я увидела лишь смутные силуэты, но почему-то сразу поняла, что это вы. Просто случайно подняла вверх голову, когда тащила братца, да так и застыла, просто чудом не ткнулась носом в землю... А знаете, я при ваших друзьях постеснялась сказать, – переведа дух, продолжила она, – но на самом деле и дня не проходило, чтобы я не думала о вас. – Я машинально отметил, что ее милые ушки покраснели. – О том, как вы собирались пустить весь гарнизон на воздух, чтобы отомстить за друга. И даже самого верховного канцлера с собой хотели прихватить. Я это сразу поняла, как только увидела ваши глаза. Я ведь уже говорила, что интуиция меня редко подводит? – Очевидно, интуиция была ее особым даром, как и у Сирила. – И тогда я сказала себе: эге, вот это человек! Он ведь не отступится ...

- Но как вы вообще оказались в гарнизоне?

- А, это... да, я же не успела рассказать. – Теперь она выглядела немного смущенной. – Правда, это долгая история...

- Но мы вроде бы никуда не торопимся.

- Ну... – Камили перевела дух и начала рассказ: - У меня есть старшая сестра, она, правда, младше брата, но не важно. Так вот, она раньше торговала нашей зеленью из сада, а потом вышла замуж и уехала с мужем в Вильград. И вскоре после этого прислала письмо, в котором написала что-то невероятное. Что они с мужем разбогатели и купили себе целый

дом чуть ли не в центре, и с небольшим садиком! И даже еще остались деньги! А все благодаря неслыханной щедрости одного покупателя, который сам ничего не купил, но зато подарил ей целую шоколадную конфету! Сестра потом приехала в гости и оставила матушке целых два серебряных руфа, представляете? Один матушка потом отдала моему брату, когда он уволился со службы, и на эти деньги он снял мансарду. А мне справили новое платье и туфли, первые туфли в жизни... Правда, сестра от неожиданности не догадалась спросить имя дарителя, и теперь даже не знает толком, за кого молиться. Молится просто за рыжеволосого и белокожего человека с веснушками и в пестрой накидке.

И вот как раз по этому описанию я и узнала того несчастного менестреля. Мы с матушкой как раз приехали в город продавать овощи с сада и были среди прочих на площади Линики, когда объявили приговор и вытолкнули его, избитого, чтобы люди поглядели на изменника. Потом почти сразу же его задвинули обратно, но я успела рассмотреть. И, самое странное знаете в чем? Почему я сразу догадалась, что это какая-то липа? Потому что вечером, не успели мы уехать домой, как на той же площади глашатай объявил, что изменника уже казнили. Вроде как расстреляли стрелами в дальнем западном гарнизоне, где никто и не живет, кроме солдат. Такого на моей памяти вообще не случилось, чтобы казнили не при всем честном народе! Подозрительно, согласитесь? Вот я и отпросилась у матушки навестить братца, который как раз там и служил, как вы уже поняли. Матушка иногда отпускала меня к Аксу одну, вот и в тот раз отпустила, а сама отправилась в нашу деревню – ей еще курам и свиньям нужно было корм задать. А я добежала до гарнизона, проникла в казарму к брату – повезло, что он там был как раз один – и вызнала у него про фальшивую казнь. Я рассказала, что арестованный менестрель и есть даритель, и брат после этого провел меня к его клетке. Аксу тоже захотелось как-нибудь помочь ему, но и отпустить арестанта он не мог, из-за присяги. Ну а я, когда передала брату флягу с настойкой от матушки, незаметненько вытащила из кармана его мундира связку ключей. Брат служил там ключником, я ведь говорила? И стала думать, как бы улучшить подходящий момент и освободить менестреля, я-то не была связана присягой. А главное, над чем я ломала голову, как бы побыстрее и половчее довести его до подземного лаза – как-то он плоховато выглядел и на ногах явно не мог держаться. Но, наверно, я бы вынесла его, как и Акса, я ведь жилистая и сильная, я говорила? Да тут вы объявились. Акса вызвали на офицерский совет, и там комендант рассказал всем о вашей угрозе... Брат вернулся в казарму совсем унылый и поэтому, наверно, сразу же сделал приличный глоток матушкиной настойки. А

потом еще и еще. Я все боялась, что он обнаружит пропажу ключей, но он не успел, потому что напился и заснул. А теперь я думаю, может, он и заметил про ключи, да ничего не сказал... Ну а дальше вы знаете.

- Вашу сестру зовут случаем не Шеганэ? – спросил я, придя в себя от изумления.

- Откуда вы узнали? – Камили взглянула на меня с еще большим изумлением и страхом. – Вы что, чародей?

- Да, значит, не зря Фикс подарил ей ту конфету, – пробормотал я задумчиво. Может, Лавантэ была права и каждое доброе дело рано или поздно, но получает свой отклик?

- А? – переспросила Камили.

– Ты такая умная, Камили, – признал я хрипло, сам не заметив, как все-таки снова перешел на «ты». – И смелая, и добрая. – Кажется, я в первый раз говорил нечто подобное женщине. Лавантэ я тоже всегда считал очень умной и великодушной – но ни разу не сказал ей об этом. Я вообще многое ей не сказал.

– Это что, у вас шутки такие? – Ее красивые густые брови будто надломились, поднявшись домиком. – Вы надо мной издеваетесь, да?

Пожалуй, не совсем отдавая себе отчета в своих действиях, я как-то неловко ткнулся губами к ее губам.

Даже теленок и тот действовал бы удачнее!

Ее губы оказались очень мягкими. Даже мягче, чем я думал.

А жизнь не такая уж несправедливая штука, как я думал раньше, в которой одним достается все, а другим ничего. По крайней мере в ней происходят не только неожиданные потери, но и случайное везение, и даже счастливые находки...

Однако уже через секунду Камили отстранилась, даже забарабанила кулачками мне в грудь, словно я бы так просто не отстал.

– Не надо, господин!

– Не называй меня так. – Это нелепое старое обращение в новых обстоятельствах показалось особенно неуместным. Я ведь видел, что ей тоже понравился поцелуй. Какое счастье, что с утра я, как чувствовал, использовал самодельную Фиксову зубную пасту! – Я Рой. Какой я тебе господин?

– Все равно, – она быстро опустила глаза, а потом снова на меня взглянула. – Мы разные. Я служанка. Даже буквы разбирать лишь недавно научилась, благодаря помощи Акса. И кое-как прочитала пока только пять манускриптов, которые оставил у нас прежний жилец мансарды, и то не всё поняла... – Я успел заметить, что ее речь стала более гладкой и

правильной – видимо, чтение так повлияло. – А вы – господин. И, наверно, целый мильён книг изучили...

– При чем тут книги? – У меня уже голова пошла кругом. Может, мне только показалось, что ей понравилось? И она сейчас просто придумывает причину, дабы не говорить прямо, что я ей противен? Может, от меня по-прежнему несет как от животного, или же ей внушает отвращение мой «горб»? Может, рискнуть и выправить крылья из-под рубашки, чтобы она удостоверилась: я никакой не горбун?

– А о чем мы с вами станем говорить, коли вы на мне женитесь? – Камили чуть отвернулась и закусила губу. – Ежели женитесь, конечно. Хотя дура я – кто же из королевских друзей женится на таких, как я?

И едва она произнесла это слово, как я понял, что да, женюсь. Именно что женюсь. Наверно, я понял это еще тогда, при встрече в пригожий день на базаре. А когда окончательно решил, на душе стало вдруг так легко, как бывало лишь в детстве, наверно. Жениться мне уже ничто не мешало: теперь, когда Рудольфо ушел в мир иной, а Кимфилд показал, что умеет ценить службу и дружбу, моим близким больше не угрожала немилость властей со всеми ее последствиями.

По крайней мере я на это надеялся.

– Да уж найдем о чем, – заверил я ее с этой обретенной необычайной легкостью. – А книжки, поверь, это дело наживное. – В отличие от неподдельного золота души, мысленно добавил я.

Камили бросила на меня быстрый взгляд и вдруг улыбнулась.

У нее оказались необычайно белые и ровные зубы, так что у меня даже дух захватило, настолько эта улыбка осветила ее смугловатое лицо. Медальон буквально полыхал на моей груди – мне показалось даже, что и сквозь одежду виден исходящий от него красный свет.

Да, наверно, и как громыхает мое сердце, ей тоже слышно...

И когда я уже совсем собрался расстегнуть рубаху и выправить крылья, чтобы получить хоть какой-то шанс, она тихо добавила, прикрыв глаза:

– И я все спрашивала себя: как человек с горбом мог казаться таким высоким и прямым? Может, я что-то не так запомнила? Но нет, я все запомнила верно, и сама вроде бы подросла – а вы все такой же высокий!

– И тебя не смущает мой... – Я намеревался сказать «горб», но запнулся. Потому что не хотел ни в чем ей врать. – Нос?

– Нормальный у вас нос, с такой симпатичной горбинкой. – Камили провела тонким пальцем по этой самой горбинке.

Я хотел было предложить ей тоже перейти на «ты», но не успел заговорить, и второй поцелуй вышел еще мягче и слаще первого.

Хотя я и подумать не мог, что это в принципе возможно...

Глава 38

Когда я проснулся через день, голова была тяжелая, будто мраморная плита. Я это сразу ощутил, едва попытавшись приподнять ее над подушкой.

- Динь-динь, динь-динь, вставай давай, – раздался будто прямо в ушах отвратительно бодрый голос (я бы на месте Кимфилда, наверно, законодательно запретил разговаривать так по утрам).

- Замолкни, – простонал я, закрывая уши, – что ты несешь?

- Изображаю будильник, – скромно сообщил Фикс, и, закрыв за собой обе створки дверей, подошел ближе. – Ну и горазд ты пить, – добавил он уже тише. – За тобой фиг угонишься!

- Что ты здесь делаешь? – поинтересовался я трескуче.

- Вот, тазик занес, – Фикс кивнул на небольшую серебряную посудину, которую держал в правой руке. – Вдруг понадобится?

Да, судьба переменчива: не так давно мне случалось ночевать в придорожных канавах, а сегодня я могу исторгнуть из себя лишнее прямо в серебряную посуду.

- Не понадобится, – отрезал я, откинул легкое и теплое лебяжье одеяло и спустил ноги с просторной кровати. – Лучше дай воды.

- Так вон же у тебя на столике! Эрика вчера положила, добрая душа.

Я со скрипом развернулся к тумбе и действительно увидел графин с благословенной водой.

И одним глотком осушил, наверно, добрую половину, а потом оглядел себя.

На мне была белоснежная сорочка, а я, хоть убей, не помнил, как надевал ее накануне.

И еще какое-то настойчивое напоминание билось, как птица в клетке, в мозгу.

- Я должен... – Я кашлянул, облизал губы и наконец вспомнил, – познакомиться сегодня с братом!

- Вот те раз, – Фикс даже присвистнул, – так ты ничего не помнишь, что ли?

Я попытался сесть, и голова загудела, как колокол (причем сдается мне, это гудение слышал только я).

- Не помню чего?

- Так мы вчера с ним познакомились! Ты, я, Камили и Эрика! И пошли даже отметить свое знакомство в одну потрясную таверну... Мы-то думали, что он совсем инвалид, а он ничего, бодрячком. Даже сам предложил прогуляться в город – надоело, мол, торчать день-деньской в замке, и все с ним носятся как с больным, а ему страсть уже как хочется погулять и повеселиться. А это первый признак, что человек больше здоров, чем болен! Вот лекарь его и выпустил с нами, под твою, между прочим, ответственность, а ты даже не помнишь...

- Так он почти здоров? – перебил я этот словопоток, от которого голова начинала гудеть еще сильнее.

- Ага, почти. Правда, крылья еще перебинтованы под курткой, ну да прохожие все равно ничего не заметили. Но зато все заметили, что он до ужаса похож на тебя! Вот кошмар-то верно? – Фикс хохотнул. – Почти как близнец! Как будто нам мало было одной такой физиономии... Пстой-ка, – он приблизил ко мне лицо, нахмурившись. – Так ты и правда ничегошеньки не помнишь? Видать, последняя кружка эля оказалась вообще прям лишней! Правильно тебе Камили говорила, а ты не слушал, знай только пил, шутил и пел.

«И пел»? Я застонал про себя. Раз уж меня потянуло на пение, значит, я действительно далеко переступил через свою безопасную норму.

Это надо же было так наклюкаться, что напрочь позабыть момент встречи с родным братом!

- Только со мной такое, наверно, и могло случиться, - мрачно пожаловался я.

- Это ничего, – подбодрил меня Фикс, – мы же сегодня вечером снова договорились встретиться, так что вдоволь наговоришься еще, не дрейфь!

- А он правда похож на меня?

- Прямо как две капли воды, – заверил Фикс, широко ухмыльнувшись.

- А что он говорил?

Фикс разом посерьезнел:

- Что в детстве его не доби́ли, когда... ну, когда все произошло. Он потерял сознание от побоев, а когда очнулся, оказался уже далеко от вашего гнезда. Его, как выяснилось, спас проезжавший мимо по каким-то торговым делам купец-эльх из Куперии. Они и правда живут по ту сторону Славского моря, эльхи-то! И, если верить Дику (а у меня нет оснований ему не верить), племя их на редкость многочисленно. Ну так вот, когда ему сравнялось двадцать, Дик решил все же вернуться в родные края, посмотреть, может, кто из его родной семьи выжил. Ну и попал в руки одного из «летучих отрядов» канцлера, а

потом и в каменный мешок... О дальнейшем он особо не рассказывал, но ясное дело, ничего хорошего с ним в тюрьме не произошло. Как и со мной, собственно...И еще, по ходу, у Дика сформировался нехилый комплекс по поводу крыльев! Не хуже, чем у тебя. Но у него хотя бы есть причина переживать по поводу них. Поднимут ли они его еще когда-нибудь в небо или нет, вот в чем вопрос...

Глава 39

Сумка для Камили у меня не заладилась – я все же успел утратить часть навыка за то время, пока не шил, – и, подумав, я решил вместо этого сделать для нее перчатки.

Это был мой первый подарок для Камили, и, понятное дело, я слегка волновался. Даже и не слегка, если откровенно.

Однако перчатки, по-моему, вышли неплохо – мягкие и легкие, и при этом теплые, выделанные из воловьей кожи. Одно было жаль: они оказались для Камили слегка просторны. Я ясно это увидел, когда она, радостно защелкала, натянула их на свои тоненькие руки. Хотя я и снимал мерки, но все же, видимо, неосознанно ориентировался на более привычную и более крупную ладонь Лавантэ. Другие женщины входили в мою жизнь внезапно и исчезали так же молниеносно, чтобы я успел сшить для них что-нибудь более существенное мелких украшений. Однако Камили лишь сияюще улыбалась, благодарила и ни словом не упомянула про размер.

Я раньше даже как-то не задумывался, какое красивое, однако, это имя – Камили...

Вообще у нашего народа принято выбирает себе пару однажды и на всю жизнь. Однако глупо судить по мне о нашем народе: как кажется, я уже достаточно далеко от него отшатнулся...

Раньше, еще до встречи с Маритой, на меня обращали внимание в основном женщины, которых в принципе привлекали какие-то изъяны или увечья. Это внушало мне сильную неловкость, и поэтому и не мог отдаться чувству целиком. С Маритой и вовсе всё вышло неясно, а точнее, и вовсе не вышло.

Сейчас же было совсем другое дело: теперь я наконец в полной мере почувствовал, что женщина – Камили – готова принять меня полностью и без всяких оговорок, таким как есть.

А Фикс все никак не мог успокоиться и во всех подробностях продумывал все детали и нюансы всех возможных вариантов развития событий на своей свадьбе.

– А если тебе, например, предложат сказать тост, – допытывался он у меня все утро, – что ты скажешь? Просто интересно.

– Ну, я постараюсь говорить поменьше.

– Это понятно – как всегда.

– Скажу, что ты немного с прибабмахом, но в целом не промах, и в любом случае Эрика знает, на что идет.

– И все? – протянул Фикс разочарованно. – Что я с прибабмахом – и только?

– И что парень не промах, – повторил я. – И еще что малость безумный.

– Серьезно? Все, что ты можешь сказать на правах шафера – что я малость чокнутый? – Разочарование Фикса уже грозило перерасти в обиду. Месяц назад он бы только посмеялся, но в эти последние дни перед свадьбой был как на иголках и мог закипеть от любого пустяка.

Да и вообще Фикс бывал как удивительно великодушен, так и на удивление обидчив, так что кто знает, чего от него ожидать в такие волнительные моменты. Еще, чего доброго, возьмет и посадит меня с Камили за гостевым столом рядом с тетей и дядей Эрики. Не то чтобы я имел что-то против них, просто они сами, кажется, слегка остерегались меня как на редкость непредсказуемого малого.

– Что бы я ни сказал, – как мог мягче ответил я, – я в любом случае не покривлю против правды.

– Да? – Фикс заметно расслабился. – Ну, так против правды я ничего не имею. Я сам, знаешь ли, с правдой в ладах и прекрасно знаю, что по правде хорош!

В общем, он продумал все буквально до мелочей, даже мою поздравительную речь взял под собственный особый контроль – однако самую главную неприятность предусмотреть все же не сумел.

– Прости, – прошептала Эрика и откинула вуаль. Насколько я успел познакомиться с обычаями пещерного народа, это должен был сделать жених. Ее лицо под вуалью оказалось необычайно бледным, а на щеках виднелись две едва заметные влажные полоски.

Происходящее, очевидно, застало врасплох не только гостей, но и Фикса, и значит, никак не входило в продуманный свадебный сценарий.

– Эйя, милая, что случилось? Ты просто волнуешься?

– Нет! Да... Просто я не могу, – она замотала головой так быстро, что свежеевыступившие слезы не удержались и сорвались со щек.

– Скажи, что не так, – попросил он громче, чем требовалось. Что-что, а такой вариант развития событий он, как стало уже понятно, не предусмотрел.

На свадьбе присутствовал и король Кимфилд, наконец-то вернувшийся из поездки по стране, со всей своей свитой – то есть знатнейшими людьми в Славии, – а само торжество проходило в Большой приемной зале.

И тут вдруг такой неожиданный и неприятный поворот!

– Я сейчас поняла, что не уверена до конца... А ведь это нечестно, когда не уверена, правда? – Эрика сделала это свое шокирующее признание без единой запинки. Может даже, заранее успела отрепетировать? И не присутствовал ли при этом Дик?

А ведь я догадывался, что женская жалость может завести далеко – дальше, чем следует, и уж точно дальше, чем ты имеешь беспечность ожидать...

Мы все знали, что Дик тренировался по вечерам, а иногда и по ночам, выбираясь из замка, – упорно и пока безуспешно, часами разрабатывал свои изученные крылья. «Все равно нельзя сдаваться», – иногда твердил Фикс Дику, измочаленному душевно и физически, и тот снова и снова предпринимал попытки подняться в воздух, отчаянные, на пределе возможностей, и по-прежнему бесполезные.

Его крылья подверглись пыткам дважды – первый раз в детстве, а во второй раз в «каменном мешке» канцлера Рудольфо.

И если от первого ранения они еще смогли кое-как оправиться, то теперь излечение проходило намного, намного тяжелее.

А Эрика, если ей случалось присутствовать на этих изматывающих «тренировках» вместе со мной или Фиксом, просто молчала.

Просто жалела.

И мне совсем не нравилось, как она смотрела на Дика в моменты его повторяющихся неудач – однако я предпочитал помалкивать на эту тему, ругая себя за излишнюю подозрительность.

Которая в итоге оказалась совсем не излишней...

В наступающем августе мы сговорились отправиться впятером на корабле за Славское море в необъятную плодоносную Куперию: Дик навестить свою приемную семью эльхов, а мы – просто погостить. И Дик страстно желал снова научиться летать к этому времени, чтобы не расстраивать близких. Однако до августа оставалось уже немного, дни летели будто наперегонки, и мы отчетливо понимали: желанию Дика не суждено исполниться, по крайней мере пока.

И вот теперь, на собственной свадьбе Эрика стоит и на полном серьезе спрашивает у Фикса: правда ли, что честнее будет бросить его вот так, прямо здесь, при всем честном народе?

– Правда, – отозвался Фикс, но, по-моему, больше повторил за ней, чем ответил на вопрос. Эрика могла бы сказать всё это немного раньше, с горечью подумал я, – и не выносить личное на суд общественности!

В общем, остаток церемонии, как легко можно вообразить, прошел довольно скомканно. Помимо Фикса мне жаль было родных Эрики – они так старались все уладить как можно быстрее и ловчее, разъяснить все как можно более кратко, сдержанно и уклончиво, что становилось понятно: они понимают в происходящем еще даже менее, чем Фикс.

Признаться, я не слишком запомнил, что именно они рассказывали гостям и как сглаживали ситуацию, поскольку находился в основном подле Фикса.

А сам Фикс находился словно в каком-то трансе и ничего больше не говорил, только кивал на многословные и сбивчивые объяснения Эрики, пока она не разрыдалась уже в голос и не убежала прочь. Я же про себя решил было набить Дику морду – за то, что вообще встрял между ними. Однако в глубине души я знал, что едва ли осмелюсь вмешаться – ведь в личных делах всё настолько тонко, что любое чужое вмешательство чревато и может лишь еще сильнее навредить.

К тому же женщины частенько сочувствуют внешним ранам куда больше, чем душевным, полученным из-за них.

– Старая история, – сказал только Фикс в ответ на мои сбивчивые утешения, когда всё наконец закончилось и сбитые с толку гости разошлись по покоям, в том числе и (одним из первых) король Кимфилд со своей свитой. Махнул рукой и ни слова больше не прибавил. Не стал ничего комментировать или объяснять, как будто свадьбы отменяются сплошь и рядом. И, сунув руки в карманы своего нарядного камзола и слегка ссутулившись, подошел к тете и дяде Эрики и о чем-то негромко с ними заговорил. Его яркий праздничный наряд так контрастировал с этой сгорбленной спиной и потухшим взглядом, что это прибавляло Фиксу несуществующих лет – сейчас он выглядел на все тридцать.

Камили неловко переминалась с ноги на ногу рядом со мной. Ее наряд был новым и купленным по случаю праздника, а на руках – подаренные мною перчатки из тонкой светлой кожи. И все же она чувствовала себя явно не в своей тарелке, впервые попав в замок. Во-первых, из-за изысканных, разодетых по последнему слову моды и более изысканных в свете дам, а во-вторых и главных, из-за того, что все пошло не по плану. И

что говорить и вообще как вести себя в высшем обществе при явном скандале, она пока еще не знала.

Впрочем, как и я сам...

Глава 40

– Они там все-таки подрались! – закричал на рассвете мой вертлявый слуга Юджил, врываясь в мои покои и при этом разбивая одну из ценнейших древневуперийских ваз, стоявшую в углу у левой дверцы. При этом он неосознанно растирал руками щеки, будто пытаюсь нарисовать на них воинственный ильхинский узор. – Тут неподалеку, у Черных ворот, и мастеру Финиксу туго пришлось, и кажется, он больше не жилец!

«Когда кажется – крестятся», – вдруг пришла мне на ум давнишняя фразочка Лавантэ. Выкрикнув свою невозможную новость, Юджил кинулся вон из покоев, хотя и, конечно, при всем старании не смог бы обогнать меня. И не в том было дело, что он не старался или медленно бегал – как раз наоборот, – но все-таки у него не имелось крыльев. Потолки в замке были довольно-таки высокими – не чета пещерным, так что летать здесь оказалось возможно.

Краем глаза я заметил, как из бокового коридора появилась Камили, и немного притормозил и снизился. Она ухватила за мою талию и вскарабкалась мне на спину. Наша с ней свадьба должна была состояться следующей, ровно через месяц, хотя теперь я ни в чем уже не был уверен.

Когда я увидел Фикса у невысоких и простоватых «Черных» (четвертых по значимости) ворот замка, выходящих сразу на крутой обрыв, то сразу понял, о чем толковал Юджил. Из груди Фикса торчал меч – глубоко зашедший короткий меч-кацбальгер, который эльхи в дороге обычно носили при себе.

Меч Дика!

И только тут я осознал, что дуэль все-таки состоялась. Несмотря на все заверения, обещания с их стороны и попытки их примирения со стороны меня с Камили.

И еще – что выташат меч или оставят, Фикс не жилец. Пока что меч затыкал дырку в его груди, совсем близко от сердца, но никто не сможет долго прожить с такой раной. Я заметил тут же на земле валявшийся второй меч, и его клинок был совершенно чист. Получается, Фикс даже и одного раза не ударил?

Неподалеку стоял, как всегда очень прямой, Дик и выглядел таким же бледным, как и умирающий. У Дика был такой вид, словно он и сам не понимал хорошенько, каким образом здесь очутился и, тем паче, как его меч вдруг оказался в груди у Фикса.

Дуэли из-за сердца женщины случались и у ильхов (и раньше – достаточно часто). Но почему Фикс ничего не сказал мне накануне? Я остановил бы дуэль. Я мог бы научить его хотя бы нескольким эффективным приемам дуэли на мечах. А теперь это была не честная дуэль, а бесчестное убийство! Дик осквернил свой эльхинский клинок!

– Это ничего, Рой, – заговорил Фикс, стоило мне опуститься рядом, будто заранее свою отрепетировал речь. Как и Эрика на свадьбе. Кто-то уже подложил под него его же новый светлый плащ, очевидно, снятый перед дуэлью, и тот сразу же побурел от крови. Я должен был сказать сейчас, что все будет хорошо, и сделать вид, что полностью в этом уверен – и таким образом солгать, однако не мог пока выдать и слова. – Мне даже почти не больно... Агата сказала, так и должно быть...

На углах его губ уже начала пузыриться кровь. Он и сейчас был многословен, хотя видно было, каких усилий стоит ему говорить. Я хотел посоветовать ему экономить силы, а потом сам понял – ради чего? Ведь меч вскоре придется вынуть – хотя бы чтобы сократить агонию.

– Агата сказала, это как бы способ... вернуться домой, понимаешь?

– А разве ты сейчас не дома? – Я произнес эти слова даже спокойно, но лишь потому, что впал в какой-то ступор. Точь-в-точь как черепаха зимой.

– Да, но там тоже... родные, друзья, семья... И к тому же я не умру. То есть смерть будет мгновенной и продлится всего секунду, а потом я очнусь уже там... как же я соскучился по дому... После как бы свадьбы... меня разыскала Агата... стало невмоготу, и она поняла... И сказала, так тоже можно... Чтобы никто не исчез...

Фикс говорил все быстрее, почти захлебываясь словами и словно торопясь досказать что-то важное – и с очень большой убежденностью.

Как бы я хотел сейчас, чтобы Агата оказалась права...

– Жаль только, я не попаду на твою свадьбу... Но я уверен, все будет супер... Вы ведь позаботитесь об Эйе, верно? – В его голове впервые послышалась тревога. – Скажи ей, что... Я люблю ее. И не забуду. И все было так... как должно быть...

– Сам скажешь. Она сейчас придет, подожди немного.

– Не от меня... зависит... – По вискам на глаза ему стекали крупные капли пота, на лбу вздулась жила. Он застонал и тут же стиснул зубы. – Не хотелось бы... застрять тут... между мирами... и потом... по ночам приходиться к вам, пугать и греметь костями...

– Я был бы не против, – я попытался выжать из себя улыбку на эту, кажется, последнюю Фиксову шутку.

– Камили! – позвал вдруг он.

– Да? – жалобно откликнулась она, глядя на него расширенными глазами. Она сама не замечала, что плачет.

– Не обижай Роя, идет? В смысле, не ругай почему зря – он будет терпеть до последнего, пока не упадет или не улетит, но ты до этого не доводи, ладно?

– Ладно, – эхом откликнулась она.

– Слушай, Дик, ты уж не сердись на меня, так было нужно... Рой, обещаю... что не будешь... мстить... Просто сам я не смог решиться... И не хотел, чтобы этот мир исчезал... Я так в вас поверил, и вы такие живые, что... Так что Дик спас вас!.. Скажи всем, ладно? А сирень этой весной цвела удивительно... долго... как и в прошлом году, да?

- Что?

- Да, я не о том... Знаете... мне Сир посоветовал сменить имя, потому что оно очень уж... тут... дисгармони... А на самом-то деле... меня зовут... – Фикс изо всей оставшейся силы вцепился в мою ладонь, и по его телу прошла крупная судорога, а потом сразу же еще одна. Я вспомнил, как умирал Рудольфо, и тоже сжал руку Фикса, собираясь спросить об имени – однако язык стал как будто чужим, непослушным моей воле. В итоге я поймал себя на том, что тупо киваю.

– Рой! – вместо своего настоящего имени крикнул Фикс отчаянно и протяжно, уже не в силах сдерживать страх и боль. – Не забудь! Скажи ей! Я не... – Не сумев договорить, он застонал в последний раз, дернулся и вытянулся на своем окровавленном плаще с широко открытыми глазами. Даже меч не пришлось вытаскивать из груди.

Какая-то часть меня, наверно, все еще ожидала, что вот сейчас Фикс снова моргнет и скажет: «Шутка! Эй, я же просто дурачился!» – но он, конечно, ничего больше не сказал.

Не совсем отдавая себе отчет, что делаю, я взялся за рукоятку эльхинского меча и резко выдернул его. Из раны Фикса тут же хлынула кровь – не знаю, на что я только надеялся, ведь я вынул меч уже после того, как его взгляд и сердце замерли навсегда. И, словно это была последняя скрепа, соединяющая его с землей, его тело начало как будто медленно истаявать, становиться прозрачнее и исчезать.

И это стало второй причиной, после слов самого Фикса (а может, он всё это просто сочинил, дабы избежать еще одного убийства, или же у него открылся предсмертный бред?), по которой я не схватил уже обгаренный кровью кацбальгер и не разрубил эльхинского выкормыша пополам. Мне кажется, моим рукам сейчас вполне хватило бы подобной силы.

Дик же, отмерев, всё так же молча рванулся с места – но только не вперед, а назад, к краю обрыва и за край. Только что был здесь – и вдруг исчез из поля зрения, как и Фикс секундой ранее, будто по какому-то безумному сговору!

Я машинально напряг слух, ожидая услышать шум от падения тела, – однако ничего не услышал, кроме вскрика Камили. Потому что его больные, изуродованные, беспомощные крылья вдруг словно сами собой раскрылись в каком-то метре или двух от земли и удержали Дика над землей, спасли от падения. Я, хоть и не видел этого, но как-то интуитивно ощутил – ведь ильхи из одного гнезда в критических ситуациях всегда умели чувствовать друг друга. Ильхи вообще – стадные создания, и в пределах рода у нас очень развит мысленный контакт.

Видимо, упорные вечерние и ночные тренировки все же не прошли без следа. Я-то давно уже убедился: если на что и можно рассчитывать в нашем неверном мире, то это на собственные крылья.

По крайней мере, в большинстве случаев.

Я еще пару секунд сидел, поддерживая руками исчезающую голову Фикса. И не успел я втиснуть в свое сознание, что Фикс умер, как его тело окончательно растворилось – пропало, будто и не бывало вовсе.

Оставшийся внизу Дик не делал попытки взлететь вверх – от изувеченных крыльев не стоит требовать слишком многого, по крайней мере поначалу. А может, он и вовсе решил сбежать. Пожалуй, сейчас это было бы для него наилучшим вариантом.

Когда же наконец прибежала Эрика – босая и простоволосая (она уже обо всем догадалась, хотя и была еще далеко – я понял по ее крику), – то застала лишь меня, сидевшего в той же позе, заплаканную Камили, нескольких слуг, включая и Юджила, державшихся поодаль, и красный от крови плащ.

Но зачем только Фикс потратил лишнюю секунду на это «не забудь!», вместо того чтобы открыть свое настоящее имя? Тогда как и ребенку понятно, что до конца жизни ни одного его слова я не забыл бы! Никогда, мне кажется, я его не пойму...

А главное, не пойму, зачем ему понадобилось действовать столь радикально?!

Оставляя нас навсегда...

Мой медальон на груди горел огнем и мерцал отчаянно-красными сполохами даже через камзол.

А еще я почувствовал, как в груди начинает клокотать – того и гляди вырвутся первые трели прощальной песни. «Как же так, – успел я подумать, – я ведь ее даже не разучивал?» – когда окружающий мир начал вдруг резко темнеть.

Гроза, может, начинается?

Или Агата на самом деле была права? И без Фикса наш мир просто не сможет суще....

Эпилог

Когда Фил уже просыпался, ему то ли почудился, то ли послышался отрывок из разговора – по всей видимости, очень серьезного.

– На самом деле Эрика никогда его по-настоящему не любила, – рассказывала Агата, неторопливо и чуть печально, точь-в-точь как сказитель. – Точнее, любила не как мужчину, а как друга, брата, защитника – он ведь помог ей в трудную минуту, вот она за него и ухватилась. А полюбила она в первый раз, со всем пылом девичьей души, не кого иного как тебя...

- Меня? Неправда! – Рой резко покачал головой.

- Да, тебя, увидев в тебе некий идеал мужественности. Вспомни, ведь и откачала тебя именно она, сделав то единственно верное, что подсказало любящее сердце.

- Но...

- Дай досказать. Так вот, к Фиксу она тем не менее относилась очень хорошо, уважала его и заботилась о нем, так что никогда бы не смогла бросить его ради лучшего друга. Пожалуй, и для Фикса это был бы наиболее драматичный вариант. Вот его мозг и придумал такую закавыку – твоего брата, очень похожего на тебя внешне. Такой, можно сказать, дублер...

- Какой еще дублер?..

- Тише, тише. Ты же сам попросил рассказать. Так вот, дублер вышел не до конца прорисованным и не успел до конца раскрыться. Потому что мозг Фикса прорабатывал вашу историю уже несколько небрежно, темных дыр и слепых пятен становилось всё больше, и эта созданная реальность как будто расползалась по швам. Например, грабители, ранившие тебя и отобравшие твой дорогой кошелек, могли бы как-то проявиться, или хотя бы сам кошелек должен был отыскаться, но все это так и осталось за рамками сюжета.

- Как и то, куда делась моя фляга с водой в пустыне, – мрачно добавил Рой.

- Как раз это мне известно, – возразила Агата, – ты непрочко закрепил ее на поясе, после того как вы пили в последний раз, поэтому она выпала – и ее почти сразу же утащила к себе песчаная змейка. Ты ведь знаешь, что они роют норки в песке и живут там, а еще их привлекает всё блестящее, в том числе медное и металлическое?.. Но вот вопрос о том, переселился ли Сирил со своими односельчанами в какую-то другую реальность и если да, то в какую, так и остался без ответа. Да и загадка гибели Мирикона толком и не разъяснилась... Это потому, что мозг Фикса всё больше переключался на другое дело – на свое выздоровление – и в вашем направлении работал уже не так усердно, даже сбивался и сбоил. Например, ты ведь даже не помнишь собственную встречу с братом – потому что произошел сбой и она просто оказалась не прописана! Приближался кризис, после которого всё должно было решиться...

- Что значит кризис?! – почти взревел Рой.

Агат подняла на него печальные глаза.

- Это значит переломный момент. Момент, которого его мозг и боялся, и при этом лихорадочно пытался приблизить... Однако, боюсь, ты не поймешь, как бы я ни изощрялась в красноречии. Попробую сказать образно: петельки этой реальности неизменно распускались, пока в конце концов всё покрывало морока не повисло на одних только ниточках...

- Мой мир – не морок!

- Да, сначала он помог Фиксу, удержал его на пороге смерти. Ну а потом стал препятствием к полноценному пробуждению и возвращению к жизни.

- Кто вы? – тихо спросил Рой после долгого молчания.

- Ну а если я скажу, что я – сознание Фикса, борющееся с глубинной машиной его подсознания, – Агата невесело усмехнулась, – ты ведь мне не поверишь?

- Я уже не знаю, чему верить, а чему нет... А я тогда кто, по-вашему?

- Ты – его альтер-эго, так что исчезновение, я имею в виду окончательное, тебе в любом случае не грозит. В крайнем случае ты останешься текстом.

- Что значит – текстом? – не понял Рой. – Это какая-то должность? Вроде хранителя книг?

- Можно и так сказать, – согласилась Агата.

- А, – произнес только Рой. А потом, после еще одной паузы добавил уже без недавнего вызова: – Но скажите хотя бы, что все-таки стало с Сирилом и остальными? Они погибли в огне или же сумели избежать смерти, переместившись в другой мир?

- А это уж зависит от того, во что ты больше веришь, – уклончиво ответила Агата. Однако, встретив его умоляющий взгляд, мягко добавила: – Но в любом случае назад они уже не вернутся.

- Потому что не смогут?

- В большей степени потому что не захотят...

Тут Фил окончательно очнулся от тяжелого беспамьяства, и разговор Роя и Агаты прервался.

По крайней мере продолжения его расслышать уже не удалось...

(Продолжение следует!)